

В ОЖИДАНИИ СУМЕРЕК

2021 год

5 января

В январе 2021 года журналу «Вертикаль. XXI век» исполнилось двадцать лет.

Этот срок кажется невероятным, если учесть в каких условиях, на каком энтузиазме выходили номера журнала. Ещё это сопоставимо с большим сроком человеческой жизни, потому что, оглядываясь на пройденный путь, видно, сколь непростым, сложным он был: с радостями и печалями, победами и поражениями, обретениями дружбы и предательствами. Иными словами — как у любой большой дороги «длиною в жизнь».

Но наша жизнь, смею надеяться, ещё не закончена.

Хотя некоторые итоги подвести уже стоит. И главный из них: на страницах журнала состоялись творческие судьбы целого ряда писателей, поэтов, публицистов...

За два десятилетия мы подготовили к печати и выпустили в свет более 150 книг самых разных жанров: от романов до сборников стихов, от краеведческих исследований до исторической публицистики, от мемуаров до духовно-православных размышлений, от детских сказок до рассказов о природе искусства.

Самые разные темы затрагивали авторы «Вертикаль. XXI век» в своих произведениях. Но неизменно всех их, столь стилистически разных, чьи политические взгляды далеко не всегда совпадали, объединяло одно: уважительное, любовное отношение к своей Родине, желание лучшей судьбы для неё, светлого будущего.

---

* Продолжение. Начало в журнале «Вертикаль. XXI век» № 66, 67.

Люди разных профессий (учёные и артисты, художники и историки, музыканты и строители, юристы и врачи, инженеры и геологи...) в своих произведениях осмысливали исторический и нравственный путь России, рассказывали о судьбах предков, пытались заглянуть вперёд. Иными словами, «Вертикаль. XXI век» — журнал о прошлом и будущем нашей державы, стоящий на позициях вековых культурных традиций, как в литературе, так и в целом в общественной мысли, в духовном содержании народа.

Мы верим, что сбережение этой главной нравственной ценности позволит нашему народу с надеждой осознать своё будущее, ощутить, увидеть его.

С этим чувством в наступившем третьем десятилетии истории «Вертикаль. XXI век» и станем продолжать выпускать журнал.

Такое вступительное слово написано у меня к 67-му номеру.

6 января

Репортажи всех мировых агентств: в Вашингтоне у Капитолия собралась десятки тысяч сторонников Трампа, который на этом митинге тоже выступил. Затем несогласные с результатами президентских выборов смяли оцепление охраны, окружили здание, выбив стёкла первого этажа, ворвались внутрь. Из зала заседаний срочно, через запасный выход, вывели конгрессменов. Охрана забаррикадировалась внутри зала заседаний. Протестующие стали прорываться. Тогда один из охранников (в репортаже видна только его рука) в упор выстрелил в шею молодой женщине. Та скончалась.

Далее фото и видео ничем не отличается от кадров, известных по подобным событиям, например, в Грузии или Молдавии — в кабинетах руководства brave парни сидят в дорогих креслах «небожителей», закинув ноги в пыльных ботинках на их рабочие столы и т.д. Повсюду люди с американскими флагами.

Главное отличие от других «революций» — нет национальных флагов иных стран. Только звёздно-полосатые. В других странах у «цветных» бунтовщиков обычно преобладают два флага: американский и свой (желательно националистический).

Постепенно безоружных протестующих вытеснили прибывшие дополнительные силы охраны. Итог произошедших событий: четверо погибших. Мэр Вашингтона на пятнадцать дней продлил в городе режим чрезвычайной ситуации. Новый избранный президент США Байден назвал произошедшее мятежом, а протестующих подонками.

Это когда в других странах происходит подобное, то называется американскими политиками называется «борьбой за свободу и демократию», а взбунтовавшихся людей, подбадривая их, именуют не иначе, как героями. Тут же, на своей территории, совсем другие оценки.

Но неужели всё так и утихнет, ничем серьёзным не закончится?

Надо бы Трампу встать во главе протестующего движения — открыто. А то ещё пристрелят, как это принято в американской политике.

Главы государств Евросоюза на сей раз дружно осудили протестующих.

Более мягкие акции протестов, где сторонники Трампа высказали несогласие подсчётом голосов во время выборов, прошли и в других городах США. Но несмотря на это, ночью собравшиеся вновь конгрессмены утвердили результаты выборов и победу на них Байдена.

Все твиты Трампа американская соцсеть в интернете заблокировала — свобода слова в самом ярком её проявлении.

7 января

Оказывается и А.В. Мюрисеп не забыл о двадцатилетии журнала. Разговаривали об этом по телефону. Конечно, отметить дату вполне возможно до конца текущего года, а то и перевалить в 2022-й. Тут формаль-

ности не имеют никакого значения. Одна из возможностей — сделать представление силами студентов театрального училища по публикациям «Вертикали. XXI век». Тут лишь бы все мы остались живы и здоровы.

Отправил Александру Васильевичу для прочтения юбилейную заметку и текст о своём детстве в пределах старой Нижегородской ярмарки.

9 января

Крушение пассажирского «Boeing 737-500» в Индонезии. Самолёт пропал с радаров через несколько минут после взлёта и, не подавая сигнала бедствия, рухнул в Яванское море предположительно с высоты около трёх тысяч метров. На борту лайнера, по последним данным, находилось 65 человек. Все погибли.

10 января

Воскресные репортажи из столицы США касаются только одного вопроса — прошедшего штурма Капитолия и унижительной травли проигравшего выборы президента Трампа. Как показывают опросы общественного мнения, половина американцев с таким результатом не согласны. Но главное даже не это. Все основные интернет-ресурсы объявили ещё формально действующему президенту страны бойкот: заблокированы возможности безцензурно общаться с читателями и зрителями, заблокирована сетевая работа магазинов Трампа, то же происходит с его сторонниками...

СМИ усматривают в этом цензуру, а мне кажется, тут первое явное проявление силы глобального электронного государства. Если так легко можно «перекрыть кислород» миллиардеру и главе США, то что же будет происходить с простыми гражданами стран? Только то, что много раз описано в книгах и показано в фильмах: раздавят без всякого напряжения, вычеркнут из жизни одним кликом компьютерной мышки. И ведь сколько людей подобную перспективу называли конспирологией, совершенно искренне не веря в её осуществление.

Но куда деться от примера, происходящего сейчас в американских штатах? Такое впечатление, что всё более и более разделяются между собой чёрная и белая, либеральная (с поддержкой невероятного извращения существования человека в социуме) и консервативная части страны. Добром это закончиться не может. Само собой не успокоится. Всё более и более становится возможным (на мой взгляд), когда часть штатов попытается объявить о своём несогласии с действиями центральных властей. И тогда может произойти всё, что угодно: вплоть до вооружённых столкновений сторонников и противников как с одной, так и с другой стороны.

В таких условиях совершенно иначе могла бы выглядеть в грядущих событиях роль Трампа. Но он, похоже, сдался. Выступил с осуждением своих сторонников, штурмовавших конгресс и которых теперь иначе как «внутренними террористами» (с подачи Байдена) не называют. (Интересно: во всех частях света подобные акции, от Украины до Гонконга, от Венесуэлы до Сирии США поддерживали, протестующих величали борцами за справедливость и демократию, а тут...) Понятно, что бывшего президента все политические соратники предали. Но десятки миллионов сторонников среди простого народа США остались. Продолжая быть их лидером ещё много чего можно достичь хотя бы в смысле своего политического будущего. Да и определённой безопасности.

Теперь же, боюсь, от Трампа будут требовать всё большего и большего покаяния — пока окончательно морально не раздавят и не лишат подавляющей части принадлежащих ему богатств.

11 января

«Русская народная линия» разместила на своём ресурсе видео рассказа «Говорящее дерево».

В США ФБР опубликовало снимки людей, принимавших участие в штурме Капитолия, и попросило всех желающих, за вознаграждение в три тысячи долларов, назвать имена узнанных. К сегодняшнему дню поступило 40 000 доносов. Опознанных (среди которых полицейские, пожарные, учителя, бывшие военные и т.д.) увольняют с работы, арестовывают. Всё это показывают американские телеканалы в выпусках новостей.

А кажется — давно ли власти США переживали за белорусов, выступивших против Лукашенко или за украинцев, предупреждая Януковича, чтобы тот не смел против бунтовщиков применять силу. И вот... Стоило только почувствовать, что называется, на своей шкуре, как всё в оценках переменялось ровно наоборот.

В Москве к В.В. Путину для переговоров приехали главы государств Азербайджана и Армении Алиев и Пашинян. Первая встреча прошла в общем формате — втроем. Затем президент РФ поговорил с каждым по отдельности. Заострён вопрос о некоем «транспортном коридоре». Думаю — от Каспийского моря в Турцию.

12 января

Холода крепко перевалили за двадцать градусов. Отправляясь в Союз писателей, думал, что поеду на автобусе, но на улице так безветренно, так блескуче на солнце сверкают крохотные и плоские, словно не имеющие веса льдинки в воздухе, пронизанном ярким свечением, что немного посомневавшись, отправился через мост пешком.

В кабинете заканчивал (и закончил) последний материал для № 67 — текст Володи Цветкова о городках. Давно надо было его главные книги представить в журнале, да всё в ум не приходило. Но теперь, слава Богу, первая публикация пойдёт. И ведь, действительно, о таком виде спорта в наше время необходимо напомнить — национальном виде, красивом, богатырском. Цветков знал, о чём писал, сам был мастером спорта СССР по городкам.

Ближе к ночи город опустел, заиндевел. Никаких праздно прогуливающихся прохожих. И во мне самом что-то затаилось. Не от холода — от необъяснимой самому себе неудовлетворённости. Хочется, чтобы всё было по-другому — и не получается. Ну, да чего уж теперь. Что есть, то и есть, с этим будем жить.

13 января

Из воспоминаний Вильгельма Либкнехта о К. Марксе (читаю первый том из двухкнижья, выпущенного в 1983 г. — «Издательство политической литературы»): «Лишённый всякого тщеславия, Маркс не придавал значения мнению толпы. Она была для него не умеющей самостоятельно мыслить...»

«Он не годился быть в дипломаты, хотя и был им, скорее, потому, что был великим политиком. Крупнейшее сообщество в мире — Северо-Американские Соединённые Штаты не имеет дипломатов, а варварская Россия располагает лучшими дипломатами».

«Он работал всегда, когда только представлялась малейшая возможность. Даже на прогулки он брал с собой свою записную книжку и поминутно делал в ней пометки».

«Несколько квадратных метров гравия и травы, покрытых таким густым слоем лондонского «чёрного снега», то есть хлопьями копоты, что невозможно отличить, где начинается гравий и кончается трава, — вот что такое Лондонский сад».

Фридрих Лесснер (из того же тома): «В начале октября 1868 г. Маркс с большой радостью сообщил мне, что первый том «Капитала» переведён на русский язык и уже печатается в Петербурге. Он придавал огромное значение тогдашнему движению в России и с большим уважением говорил о людях, которые приносят там такие большие жертвы ради из-

учения и распространения теоретических сочинений... Когда готовый экземпляр «Капитала» на русском языке дошёл до него из Петербурга, то это событие как важное знамение времени превратилось для Маркса, его семьи и его друзей в настоящее торжество».

Ничего из учения Маркса русский мужик не знал. К бунту его вела одна воля — захватить для себя чего побольше. Как же жестоко за это пришлось поплатиться!

Марксизм — материалистическое учение. Но в воспоминаниях о нём только упоминается (в противном случае я бы и читать их не смог), зато несколько раз акцентируется внимание на то, как много своих детей похоронил Карл Маркс — и младенцев, и повзрослевших, и любимого внука, и взрослую дочь (оставившую наследников) и любимую жену...

«Несколько детей умерло; оба сына, которые были у Маркса, умерли: один, родившийся в Лондоне, умер очень рано, другой, родившийся в Брюсселе, — после долгого хронического заболевания. Смерть его страшно потрясла Маркса».

«Сестрёнка Франциска, родившаяся в 1851 г., умерла ещё младенцем, не достигнув и года».

При этом автор воспоминаний утверждает: «...Маркс чрезвычайно любил детей. Он был не только нежнейшим отцом, который мог часами играть со своими детьми, как ребёнок, — его притягивали, как магнит, и чужие дети, встречавшиеся на его пути, в особенности беспомощные и страдающие от нищеты».

Неужели после всех потерь (любимых, родных, близких) сердце старого еврея осталось холодным к вере? Трудно в это поверить. Потому что душа, кроме как в Боге, не может найти успокоения. Мне почему-то кажется — Маркс отошёл в мир иной с памятью веры своих предков.

А коммунистические его идеи большой кровью аукнулись в России. И те самые русские мужики, что мечтали о лучшей земельной доле, принесли богатую дань жизнями многих своих детей.

15 января

О распространении учения Маркса в России упоминает в своих воспоминаниях о Н.К. Михайловском В.В. Вересаев. Но я заострил внимание вот на каком «бытовом» эпизоде, свидетелем которого стал писатель в 1885 году на праздновании дня рождения Николая Константиновича. Много лет редактором (как объясняется в тексте — лишь названным, а не работающим) в журнале «Русское богатство» числился некто доктор С.И. Попов. Главными редакторами, действительно возглавляющими издание, являлись Михайловский и Короленко.

Попов жил где-то на юге, и в столице показывался лишь изредка. В этот раз его визит совпал с днём рождения Николая Константиновича. Гости собрались в квартире писателя. И вот этот «редактор» тоже надумал произнести речь, полную патриотического пафоса. А закончил её предложением осушить бокалы «за державного руководителя государя императора» и спеть «Боже, Царя храни!» Далее цитирую Викентия Викентьевича:

«Как будто бомба разорвалась в комнате. Все шарахнулись в стороны».

Напомню, в квартире собрался «весь левый литературный и общественный Петербург». Михайловский отвёл свой бокал от «редакторского» и произнёс своё слово — обличающее самодержавие. От доктора Попова все с презрением отвернулись.

Уж, кажется, сколько примеров подобного рода я выписывал в свой дневник. И всё лишь для того, чтобы в споре с современными монархистами и патриотами доказывать — крушение старой России началось не с приходом к власти большевиков, а намного раньше. Появление на политической сцене партии Ленина — закономерный итог происходивших в стране социально-политических процессов. Не понимать этого по

крайней мере недальновидно для нашего будущего. Вновь наступим на те же грабли. И опять будем кого-то в этом недоразумении винить с полной уверенностью, что наш обличительный пафос — единственно правильный и справедливый.

19 января

Всё в тех же «Литературных воспоминаниях» В.В. Вересаева в заметках о Максимилиане Волошине автор приводит такие слова поэта: «Наша собственность — это только то, что мы отдаём. Чего мы не хотим отдать, то не нам принадлежит, а мы ему принадлежим. Не мы его собственники, а оно наш собственник».

В своей жизни я встречал только двух человек, которые соответствовали бы критериям, заявленным в этом высказывании: Владимира Цветкова и Татьяну Антипову, вероятно, не в полной мере, но всё-таки.

Володя Цветков, как мне кажется, к этому пришёл через «погружение в Православную веру». Я не знаю, каков он был в молодости, но в период нашего общения Цветков отличался исключительной нестяжательностью, однако он ревностно относился к оценкам того, что писал, ожидая от читателей (кто бы они ни были) только похвалы, и резко не соглашался (даже болезненно) с оппонентами, не принимая самой лёгкой критики.

Антипова, напротив, органично впитала жертвенность в своё духовное естество, как нечто неотъемлемое от своей жизни, своего земного существования. Для неё в сто раз легче, органичнее что-то отдать от себя, чем взять у кого-то самое мелкое и ничтожное. Трудно найти человека и менее уверенного в своих творческих силах, чем Татьяна (хотя это совершенно не так — её стихи техничны, искренни и продуманы, почти всегда с «высшей мыслью», обобщающей сюжет и чувства). Глядя на её, понимаешь — так правильнее и для совести легче жить. Но как тяжело (даже попробовать) в этом подражать.

Любопытно смотреть репортажи из США. В Вашингтоне готовятся к вступлению в должность нового президента. Для охраны Капитолия согнали в столицу 25 000 солдат, военную технику, большую городскую территорию окружили трёхметровым металлическим забором с колючей проволокой сверху, бетонными блоками, пропускными пунктами. Улицы пустыньны, зато в шикарных залах законодательных помещений вповалку на мраморном полу спят сотни и сотни людей в специальной форме — больше некуда оказалось разместить своих защитников, как в Капитолий.

В Нью-Йорке в Генеральном консульстве РФ второй день отключены все телефоны. И непонятно — то ли власти США так перепуганы произошедшим в Конгрессе, то ли действительно что-то в стране нагнетается, предчувствуется. Потянуло откуда-то издалека запахом пролитой тёплой человеческой крови. Масса людей этого ещё не понимают, но опытные политики чутким обонянием трепетными ноздрями уже осязают её пьянящий и пугающий запах.

24 января

Год не был ни в одном из театров. Теперь в довольно необычных условиях посмотрел «Доктора Живаго» в Академическом театре драмы. Разрешена заполняемость зрительного зала не более чем на 30 процентов, билеты продаются на одно из трёх кресел. Гардероб не работает, верхнюю одежду пришедшие складывают на свободные места рядом. Рот и нос обязательно должны быть закрыты медицинской маской.

Мне выдали пригласительный билет в ложу «Б», что с левой стороны у самой сцены, потому ощущение, словно сам являлся участником спектакля. Постановка по роману Бориса Пастернака — давняя мечта А.В. Мюрисепа. Он её в конце концов и осуществил с помощью режиссёра З.Н. Куликовской, художественного руководителя театра драмы и поэзии «Белый мост» (Автозаводский народный театр).

Из декораций: две конструкции из металлических лестниц (взятые из других спектаклей), в центре сцены рояль (на нём исполняет произведения приглашенная педагог из консерватории), по бокам у рампы слева столик с подсвечником и свечой, справа — вешалка с некоторым набором верхней одежды.

Александр Васильевич выстроил постановку, читая отрывки из прозы (тут довольно ограниченно) и «Стихи Юрия Живаго», закруглив действие именно морозным окном в Камергерском переулке Москвы. Это действительно получился спектакль (а не декламация стихов) со своей драматургией, внутренним напряжением, раскрытием образа. Исполнитель на сцене не рассказчик, а сопереживатель. Не пытающийся угадать заложенные в стихи смыслы Пастернака, а раскрыть для себя с помощью известных строк нечто важное, глубинно необходимое для выстраивания собственной жизни.

Совершенно особое впечатление произвело исполнение «Гефсиманского сада». Я не ожидал столь личностного понимания актёром свершившегося тогда, две тысячи лет назад:

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу,
Во имя страшного её величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на Суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Может быть, я ещё потому происходящее действие по-собственному воспринимал, что в большом тёмном пространстве ложи находился один, и стихи, произносимые Александром Васильевичем, словно были обращены ко мне, исповедальное их звучание предназначалось мне.

После спектакля все встретились в коридоре около гримёрной Мюрисепа. Зоя Николаевна после поклонов была ещё взволнована, говорила отрывисто, энергично.

Удивительно, но мне показалось, будто я только теперь освободился, избавился от последствий летней болезни.

29 января

Сейчас совсем редко с кем-то встречаюсь — всё общение большей частью происходит по телефону. Но сегодня в Союзе писателей должно быть несколько посетителей. Из которых С.А. Смирнов зайдёт по сугубо деловому поводу, а С.И. Рогожкин — по душевному расположению.

Станислав Александрович подготовил бумаги от нашей Топонимической комиссии в Администрацию и Думу Нижнего Новгорода с предложением к 800-летию города всё-таки на 25-и улицах разместить двойные таблички с новыми и старыми названиями. Во многих городах России это давно сделано, но в Нижнем нам никак не удаётся положительно решить этот вопрос. И упорство властей мне совершенно непонятно. Конечно, все бумаги подписал, Смирнов их отнесёт по назначению, но уверенности в положительном решении нашего предложения не чувствую.

Сергей Иванович заявился с коньяком и книгой «Дмитрий Холодов: Взрыв. Хроника убийства журналиста», посвящённой памяти погибшего в 1994 году журналиста «Московского комсомольца». Рогожкин — один

из двух составителей этого увесистого тома. Вторая — Ольга Рубан. Подписал его Сергей такими словами: «Валерию Сдобнякову от составителя книги. Будь честен и не давай себя убить... С. Рогожкин. 29.01.2021 г.». В ответ унёс мою «За тайной гранью».

Как же по-разному могут оценивать современники одно и то же время. У нас с Сергеем Ивановичем абсолютно разные мнения о 90-х годах прошлого века. Он не испытал унижения рушившейся экономики страны, безденежья, бесперспективности собственного будущего... Много тут чего можно перечислить. Не скрывая, ему говорю, что ненавижу тех, кто захватил власть в те годы, вверх Россию в Гражданскую войну, в материальное и нравственное разложение.

Но у каждого свой жизненный опыт, свои переживания. И когда Сергей служил в газете «МК», публиковавшей целые полосы рекламных объявлений проституток о всевозможных интимных услугах, я писал и печатал в «Нижегородской правде» статьи «Старики на помойке», «Быть честным — значит умереть», и другие, по содержанию подобные этим. Однако, прошлое не мешает нам изредка друг с другом встречаться. Политика — одно, человеческие пристрастия — совершенно другое.

31 января

Одно из самых ярких запоминающихся событий детства — игра в прятки. Для этого двор, подъезды и подвалы четырёх пятиэтажных домов квартала были в нашем распоряжении.

В сумерках большой гурьбой разных возрастов мы собирались вместе, делились на две команды, где, чаще всего, родные братья и сёстры оказывались по разные стороны, определяли жребием, кто первый прячется, кто водит — и начиналось...

Августовские вечера угасающего лета, что и собирали нас вместе после пионерских лагерей и деревенского житья у бабушек и дедушек, отдавали прохладу туманной сыростью. Раньше обычного зажигались нечастые уличные фонари вдоль тротуаров, но центр двора всё больше погружался в темноту, лишь слегка размываемую электрическим светом, пробивающимся сквозь задёрнутые занавески на окнах квартир, отдавая красным, жёлтым или зелёным оттенками. За этими окнами нас ждали родители, но так не хотелось покидать место у деревянной горки, что осталась не разобранной с прошедшей зимы. Именно о её перила, столбы, кромку ската следовало застучаться, если удавалось обхитрить водивших, опередить их в беге и дважды стукнуть ладонью о потемневшее, распиленное и обструганное дерево, приговаривая: тук-тук-тук!

Я не любил прятаться в подвалах, где всё пространство разгорожено досчатыми перегородками на поквартирные сараи, в которых сначала хранили дрова для больших металлических печей, которые нужно было топить, чтобы приготовить на них пищу, а когда в подъезды провели газ, использовались для хранения всякого малоценного хлама, картошки, запасов законсервированных огурцов, квашеной капусты, яблочного варенья...

Внизу пыльно и пахло кошками, но зато там можно было включить свет, найти самое укромное и незаметное место и, щёлкнув выключателем, затаиться в нём.

Не нравились мне и чердаки. Прежде всего, потому, что те хозяйки, которые жили на четвёртом-пятом этажах, зачастую развешивали сушиться выстиранное бельё именно под крышей. Получалось близко и под присмотром. Потому не все люки на чердак оказывались открытыми, да и бдительные соседи могли поймать заигравшихся, надрать уши и пожаловаться родителям.

Но даже если беспрепятственно удавалось проникнуть под шиферную крышу, то вполне можно было угодить под поднявшийся вихрь от крыльев устроившихся на ночь голубей. Птицы залетали в открытые слух-

хвые окна, рассаживались на подкосах, затяжках и до утра затахали, если их только кто-то не тревожил. Иначе их испуг превращался в хаос бьющихся сильных крыльев, которые больно ударяли тех, кто невольно под них попадал.

Чердаки пахли сухим голубиным помётом.

Я прятался в палисадниках. Во время моего детства наши дома были ими окружены. И чего только на той огороженной земле не росло, каких только деревьев, кустов, цветов не рассаживали около своих подъездов, под окнами квартир проживающие там люди (большой частью — недавние сельские жители).

Из цветов самыми распространёнными оказались золотые шары. Ещё садовые ромашки, бархотки и всевозможных цветов и оттенков астры, тяжёлые распутившиеся бутоны георгинов и стройные, изумительно белые гладиолусы... Цветы любовно рассаживались на клумбах, пропальвались и поливались.

Подальше, у высокого штакетника, с тыльной стороны дома, живым ограждением буйствовали боярышник и сирень, вишня и акация. Далее, ближе к узкой асфальтовой дорожке, что уложена вдоль стены дома, жалась кусты смородины и шиповника. Это многообразие растительности в свой срок буйно и разнообразно цвело. Но ко времени игры в прятки цветение давно завершалось. Зелень листвы темнела, наливалась предосенней густотой. Через такую листву трудно было кого-либо разглядеть, тем более, специально затаившегося, прижавшегося к земле.

Водившие знали, что глухое место за старым высоким штакетником я любил использовать, как своё убежище, и потому смело туда шли. Но с узкой асфальтированной дорожки сходили редко, пытаюсь разглядеть меня от дома, всматриваясь в освещённое ненадёжным оконным светом пространство (территория палисадника большущая — где тут наугад искать спрятавшегося), однако я был опытен и замирал, недвижимо сливаясь с цветами, кустами, прикрытый опустившимися ветками молодых рябинок, что не в состоянии ещё удерживать рождённые ими же кисти тяжёлых, не созревших зелёных ягод.

Редко меня замечали. И когда угроза разоблачения миновала, я осторожно выбирался из укрытия (Осторожность требовалась и потому — как бы не заметили обитатели тех квартир, чьи окна выходили в палисадник. От них мне точно бы не поздоровилось. И подкараулить могли, чтобы уши надрать, и родителям много чего приукрашивая, пожаловаться.), выглаживая из-за угла оценивал обстановку, и если она позволяла, стремглав бежал к горке, чтобы первым, в отличии от преследователей, прокричать заветное: тук-тук!

Но это вечерами...

Днём же, пока девчонки, расчертив асфальт мелкими на «классики» (прямоугольники, разделённые посередине продольной чертой, а в самом верху соединённые полукругом, именуемым почему-то «Рай») скакали, проталкивая вперёд жестяную баночку из-под леденцов, теперь заполненную для тяжести песком из дворовой песочницы (но прыгая на одной ноге, так её ударяли краем ступни, чтобы та не проскочила лишней прямоугольник, и чтобы баночка не оказалась на черте — иначе у скакавшей «сгорали» все достижения и игра переходила к другому), мы, мальчишки, играли в ножички.

Эта игра тоже требовала сноровки и сосредоточенности. На земле лезвием ножа (чаще всего дешёвого, складного) рисовался круг. Он делился ровно пополам. Жребием решалось, кому начинать игру, после чего первый номер брал нож за лезвие и с высоты роста бросал его так, чтобы он воткнулся острием в землю. Так кусок за куском от полукруга второго номера отрезались участки до тех пор, пока он не превращался в совсем уж узкую полоску или нож не втыкался в землю.

В узкую полоску, буквально в толщину лезвия, попасть было очень трудно. Чаще всего первый номер промахивался, и тогда второй начи-

нал сначала возвращать участок своего полукруга на земле, потом уменьшать территорию соперника. При удаче, перед ним в итоге возникала та же проблема, что и перед первым номером. Чаще всего всё повторялось несколько раз, пока играющим это занятие не надоедало или кто-то не умудрялся так ловко бросить нож, что он «убивал» последнее крохотное пространство соперника.

Тогда можно было идти «гонять чижика».

Тут всё происходило в движении. Чертился на земле квадрат. В него устанавливался брусочек, заточенный с двух сторон некоторыми заострениями, а на четырёх плоских сторонах вырезались римские цифры от одного до четырёх. Ведущий игру лаптой (обструганной дощечкой с вырезанной по умению ручкой) ударял по краю бруска (тот подскакивал) и одновременно второй раз ударял по нему же, чтобы тот отлетел от очерченной площадки как можно дальше. Водящий должен был взять отлетевший брусочек, зажать его одной ногой, а на другой прискакать к квадрату и точно в него опустить брусочек. Если не удавалось удержать чижика, он падал на землю, то играющий смотрел, какая цифра сверху значилась на дощечке, и столько раз вновь наносил свои удары по подскочившему над землёй бруску, тем самым всё дальше и дальше отгоняя водившего от заветного квадрата. Иногда это случалось так, что игра выходила за пределы нашего двора, двигалась в сторону Староярморочного собора...

Игра азартная, но безобидная.

Совсем иное дело, когда вдруг пробуждалась вражда между нашим двором и тем, что соседствовал с территорией школы 176. Тут уж никакие правила не соблюдались (да их и не было), в ход шли палки, кидали друг в друга камни, куча на кучу шли в кулачную драку, пока чья-то из сторон не сдавалась и не бежала в рассыпную на радость победителям. Чего делили между собой — сейчас не вспомнить, но дружбы между нами, которых разделял всего лишь Юбилейный бульвар в честь 50-летия Октября, никогда не было. Мы наших соседей знали только по школе, впрочем, как и они нас.

4 февраля

Ещё в наших играх по разным поводам присутствовала одна удивительная по сегодняшнему времени деталь — серебряные рубли и полтинники от царской чеканки до советских времён 1924 года. Почему их так много оказалось в наших руках — я не знаю. Никакой ценности для большинства взрослых, по всей видимости, они не представляли. Как и боевые медали времён Великой Отечественной войны, особенно «За отвагу» и «За боевые заслуги» (вот орденов, чтобы они между нами по каким-то поводам передавались из рук в руки, совсем не помню) — эти светлые, несколько потемневшие тяжеловатые предметы были для нас «игрушками» намного менее ценными, чем искусно вырезанный из дерева пистолет или выкованный из напильника ножик с наборной из органического стекла, разноцветной отполированной ручкой.

Одно время у меня таких монет набралась целая коробочка — штук тридцать. Приятно было тяжеловатые кругляши высыпать на стол, разглядывать, собирать в столбики или что-то из них строить: домики, башенки, крепости...

Не помню, куда в итоге это моё «богатство» делось. Вернее всего, прибрал себе старший брат (и правильно сделал, если это только так, иначе я бы его или растерял, или раздал — среди нас, мальчишек, всё очень легко переходило из рук в руки). Буквально через десять-пятнадцать лет эти никому ненужные серебряные кругляши вдруг стремительно начали набирать цену у антикваров (вместе с иконами, старыми книгами, особенно богослужебными, бытовыми вещами прошлого века).

Ходили по нашим рукам, кроме бумажных купюр разного достоинства императорских времён (да и керенок), ещё одни красивые цветные

картинки довольно большого формата — облигации государственного (так называемого Сталинского) займа. При Н.С. Хрущёве советское государство отказалось от своих обязательств по нему и красивые бумажки, чем-то похожие на денежные знаки с нарисованными на них паровозами, стройками, плотинами и сокрушающими врага советскими войсками пошли гулять по мальчишеским рукам.

При Л.И. Брежневем старые свои долги государство начало погашать, облигации стали востребованными. Мой отец по крестьянской бережливости свои облигации мне в игру не отдавал и потому, хоть и много десятилетий спустя, получил по ним предназначенное. В отличие от очень и очень многих.

Почему я сейчас вдруг вспомнил обо всё этом — давно минувшим даже и для моей жизни? Да вот невольно подумалось, что только за один век народ наш столько раз был беззастенчиво ограблен — и в финансовом отношении, и в социальном (одни разнообразные пенсионные реформы чего стоят), но ничему этот опыт его не учил. А мы, ничего не понимающая детвора, были всему происходящему невольными свидетелями.

В тот же период, когда играли серебряными медалями и монетами с изображением русских императоров или молотобойца, бьющего кувалдой по наковальне, оказалась в моём распоряжении массивная серебряная цепь для карманных часов. Её приятно было тереть в пальцах, «переливать» с ладони на ладонь. В те годы давно часы носили на запястье руки, и подобная цепь никому не была нужна. Но только теперь, ближе к концу собственной жизни, я понимаю: каким значимым символом прошедших в стране событий она была.

Как просто и стремительно в политических катаклизмах происходит переоценка, казалось бы, ещё совсем недавно незыблемых ценностей. И материальных — в первую очередь.

6 февраля

Редкий теперь звонок от художника Н.П. Мидова. Голос неуволимо изменился, потерял мягкость, душевность.

— Валерий, как я рад вас слышать.

Зовёт посмотреть картину, которую они писали с Г.А. Скотиной. Видимо, эта работа должна быть интересной. Стоило бы её отметить в журнале.

Заговорил Николай Павлович о смерти. Я его попытался остановить, чем привёл художника в состояние некоего раздражения. Голос, что называется, зазвенел.

— Холод чувствую внутри себя.

Что тут возразишь, какие слова (отвлечённые) найдёшь? Всё будет пошло, банально и для думающего человека оскорбительно.

Закончили разговор вроде бы скомкано, но без напряжения. Приехать в мастерскую в понедельник пока отказался — слишком крепкие холода нагрянули в Центральную часть России. Николай Павлович со мной согласился.

7 февраля

Особо в Москве отмечается 90-летие Б.Н. Ельцина. Репортажи с Новодевичьего кладбища. Вроде бы не круглая дата, почти рядовая, но нет — сделан на ней непонятный особый акцент. И начались комментарии: в какой трудный период и как много для страны сделал первый президент РФ. Будто не при нём она была за десять лет до нитки ограблена; будто не по его воле разом все свои сбережения потеряли сотни миллионов людей; будто не при нём уровень промышленного производства рухнул намного ниже, чем даже во времена Великой Отечественной войны, а Россия в год начала терять своё население более чем на один миллион человек. Наконец, словно не при Борисе Николаевиче мы превратились

в колонию США, откуда указывали, как писать Конституцию «суверенной державы», а не согласившийся с президентом Верховный Совет был расстрелян из танковых орудий с огромными (количественно скрытыми до сих пор от общественности) человеческими жертвами.

Лишь недавно в репортаже из больницы имени Склифосовского один из заведующих отделением, отвечая на вопрос, сложно ли справляться с наплывом больных, заразившихся ковидом, проговорился, мол, сейчас это что — вот когда в 1993 году в один день (и только в их больницу!) от Верховного Совета привезли 150 человек с пулевыми ранениями, тогда было сложно врачам — работали как в полевом госпитале.

Но сегодня с телеэкранов политики с нами разговаривают так, словно этого ничего не было. Как и проигранной первой Чеченской войны. Остались лишь умильные слёзы вдовы, довольные своей жизнью политики, вдруг оказавшиеся (благодаря событиям 90-х годов) на вершине благополучия: материального, самолюбивого удовлетворения, да вот такие слова нынешнего президента: «В один из самых сложных периодов Ельцин возглавил страну. Задним числом мы все умные. Борис Николаевич никогда не уклонялся от ответственности...» И далее всё в таком же духе, закончив: «Страна должна помнить о таких людях».

Невероятно трудно, с душевным переломом внутри себя, ещё можно согласиться с такими оценками в отношении Ельцина. Но вот тот же Путин не единожды так высказывался о периоде правления в нашей стране И.В. Сталина или того же А.И. Брежнева, что оторопь берёт. Хотя первый в куда более сложной ситуации возглавил страну и вывел её в разряд великих держав. Второй коренным образом изменил благосостояние народа. Однако, для них у Владимира Владимировича находятся только самые уничижительные оценки.

Можно строить в России помпезные «Ельцин-центры», открывать его сподвижникам памятники, праздновать неловкие дни рождения... Однако ничто не будет потеряно в национальной памяти, и период правления «царя Бориса» останется в ней как один из самых чёрных, кровавых и несправедливых.

Может быть, если уж уважительно относиться к прошлому, то ко всему, а не выборочно, выделяя в нём периоды правления Ельцина, Собчака и унижая иные, которые были в истории страны намного важнее и соиздательнее.

Цветы к памятникам и на могилы — это хорошо. Но почему так выборочно?

12 февраля

Морозы, снег — заваливает, заметает всё не первую неделю. И когда закончится, как там в Кунавино?: нет-нет да подумается об этом. Особенно когда иду по мосту над Окой, расшвыривая и уминая неубранный с пешеходного тротуара снег. А он лёгкий, скрипучий, посвёркивающий, переметаемый колким для лица ветерком. Но мне не холодно, разве что немного устал, чего раньше за собой почти не замечал.

Сейчас такая погода — редкость! Во времена же моего детства подобные снегопады и морозы являлись обыденностью. Во всяком случае, так помнится: высокие навалы снега вдоль тротуаров, постоянное катание на лыжах, игра в хоккей всё на тех же обледенелых тротуарах, чем доставляли огорчение дворникам.

Во времена моего раннего детства, в начале шестидесятых годов прошлого века зимы отличались долгими морозами. По утрам по радио нередко делались объявления, что из-за слишком низкой температуры с первого по четвёртый классы занятия в школах отменяются. Для нас, мальчишек, это оказывалось большой радостью. Значит, можно вволю погонять шайбу на улице или покататься с горки на берегу Цыганки, попрыгать на лыжах с невысокого, сооружённого из слежавшегося снега самодельного трамплинчика.

Но главным занятием был, безусловно, хоккей. Тротуар нам становился полем для игры, высокие сугробы по бокам — бортами, найденные ледяшки — штангами, обозначающими створ ворот. Не все из нас имели магазинные клюшки. Кто-то мастерил сам вполне добротные из палки и выпиленной фанерки, кто-то приспособлял для игры отслужившие свой срок новогодние ёлки. Для этого с невысокого деревца срубались все ветки, тонкий конец подтягивался к стволу и образовавшееся пространство плотно «зашнуровывалось» обрывком бельевой верёвки. Срок таких клюшек недолог, но и их хватало на какое-то время.

Раскрасневшиеся, захваченные азартом, без усталости гоняли мальчишки чёрный резиновый кругляш шайбы до тех пор, пока совсем не выбивались из сил, или пока не появлялась разгневанная обнаруженным на тротуаре беспорядком дворничиха. Дети доставляли огорчение трудолюбивым дворникам, которые скребла беспрепятственно лопатами снег вдоль наших домов. Потому они и прогоняли нас с вверенного под их неуспешный контроль участка. После этого мы разбегались по своим квартирам.

Конечно, у кого были бабушки, тот в наших играх на неурочном морозе не участвовал. Таких из дома не выпускали, мы их за это презрительно называли «бабушкиными сынками». Хотя, надо признаться, мало за кем из нас осуществлялся подобный надзор. У большинства родители работали, а мы оставались предоставленными самим себе — без ограничений. Потому, после обогрева, по договорённости, вновь собирались гурьбой на улице, теперь уже с лыжами, и побыстрее прошмыгнув мимо школы, оказывались на высоком склоне озера Цыганки. Чтобы с него скатиться, да ещё там, где покруче, требовалась индивидуальная, а не командная, как в хоккее, смелость и сноровка.

В погожие выходные дни, когда солнце заливало белое пространство нетерпимо вольным золотистым светом, заснеженное поле озера оказывалось заполненным лыжниками из близлежащих домов. Мещерское озеро в этом отношении выглядело почти нетронутой целиной. Люди вдоль берегов Цыганки катались по большому кругу, не сходя с плотной, чуть не до обледенения накатанной лыжни (её проложили старшие ученики нашей школы, чтобы можно было сдавать нормативы во время уроков физкультуры), слышались смех, вскрики несущихся вниз с горки взрослых и детей. И в этом радостном, возбуждённом столпотворении многих отцов, матерей, сыновей и дочерей (так редко у них у всех получалось быть вместе) ощущалось неуловимое дыхание неурочного праздника.

В будни, особенно в морозные дни, пространство озера оказывалось пустынным. Тут уж нам никто не мог помешать воплотить в жизнь самые дерзкие замыслы: например, устроить соревнования по прыжкам с трамплина до тех пор, пока у кого-то не сломаются лыжи. А ещё прыгать через всё тот же трамплин на самодельных санках — согнутых из толстого арматурного прута в виде салазок. Всё это слишком рискованно, при недобром стечении обстоятельств грозило обернуться травмами и даже увечьями, но разве мы об этом думали. Всегда находился провокатор, который «заводил» остальных, сам при этом стараясь оставаться в стороне. Ну а мальчишки, чтобы их не заподозрили в трусости, шли на безрассудные поступки.

Но вот морозы иссякли в своей крепости.

В один из таких дней я отправился «обследовать» территорию асфальтового завода. Деревянный забор, окружавший это производство, давно имел довольно широкие свободные проходы. Я пробрался в один из них, залез на непонятную металлическую эстакаду, даже сейчас, зимой покрытую толстым слоем белой щебёночной пыли, трогал ладонью, закутанной в варежку, связанную для меня мамой, непонятного предназначения рычаги и приборы уснувшей на выходные дни громоздкой машины.

Вновь спустившись на землю вдоль забора, мимо огромной, перепачканной машинным маслом туши трактора пробрался в сарай, в котором

небрежной россыпью хранилось невероятное количество чугунных шаров разных размеров — словно детские чёрные с рыжеватостью ржавчины резиновые мячики кто-то нерадивый неаккуратно рассыпал в ограниченном сумеречном пространстве...

И, как показалось — совсем близко, раздался выстрел из ружья. Выбравшись с территории завода, я довольно быстро, через разросшиеся кусты, что мертвенно оголёнными торчали из снега, пробивая тропинку в снегу, вышел на объездную дорогу, и тут увидел двух мужчин. Один держал в руках новенькую красивую двустволку, другой на согнутом локте белую сову. Большая птица ранена. Она ухватила руку своего врага мощными когтями и, застывши, словно потрясённая случившимся с ней, глядела вперед, не поворачивая головы.

Пока можно было, я с восхищением и жалостью разглядывал белое, в темных отметинах оперенье великана. До тех пор, пока двое не отправились в сторону проходной завода. Тогда я вернулся к трактору.

Этот металлический исполин был мне знаком. Ещё раньше, осенью видел его повержено-беспомощным на лугу, недалеко от площадки для тренировки собак.

За Цыганкой, ближе к железнодорожной насыпи, что вела к мосту через Волгу, под мощными старыми тополями были сооружены приспособления для обучения служебных собак. Несколько раз мне пришлось наблюдать за этим процессом. Особенно захватывающим выглядело нападение овчарок на человека, одетого в толстые ватные штаны и фужайку с длинными рукавами. Почти без лая мощная овчарка набрасывалась на этого неповоротливого человека. Вцепившись в локоть, защищающий лицо, начинала неистово рвать его клыками.

Наблюдать за такой тренировкой можно было только на значительном расстоянии, в отдалении, чаще всего от того самого острова разросшегося лозняка, что образовался у первого деревянного железнодорожного моста запасной ветки.

Господи, где только меня не носило в детские годы.

Оттуда, из лозняка однажды и увидел, как от асфальтового завода к тополям, натужно ревя двигателем, по топкой пойменной луговине пробирается трактор. Захотелось узнать: что он там будет делать?

Я направился к тополям. Но трактор до них не добрался, увяз в непрочной, много раз затопляемой в половодье, ненадёжной почве. Увяз так, что только кабина выглядывала из болотистой ямы. Тракторист сокрушённо стоял рядом, переживал.

Любопытство заставило меня подойти ближе. Тогда и услышал его горькое раскаяние:

— Соблазнился получить три рубля, чтобы повалить тополь на дрова... Теперь из-за меня завтра завод стоять будет.

Но это было осенью. А вспоминал я о случившемся только в намечающиеся дни будущей весны.

Выйдя за забор, вновь встал на лыжи, покатил в сторону Староярмарочного безкрестового собора, поближе к дому.

17 февраля

Сахалин, Дальний Восток, отчасти Сибирь заваливает снегом. Небывалые сугробы и одновременно морозы, ураганные ветра, срывающие с домов крыши. Москва бьёт все рекорды по осадкам и температуре. В Калининграде замёрзло у берега Балтийское море. Как айсберги, высятся ледяные торосы.

Заваливает снегом и мучает холодами Европу вплоть до Северной Африки. Спасаются для обогрева российским газом, закупки которого значительно выросли.

Но самые большие испытания выпали на долю американского Техаса. Репортажи показывают жуткие кадры замерзающих людей, чьи дома остались без электричества. Вся сеть региона вышла из строя: оборваны

обледенелые провода, застыли ветряки, не выдержав пришедших холодов. Беда коснулась четырёх миллионов человек — жителей Среднего Запада и Юга США. Чтобы согреться, люди сидят в машинах с включенными двигателями по целым дням. В аэропортах отменены полторы тысячи рейсов.

А в Русской Арктике — напротив, необычное тепло. Белые медведи никак не дождутся, чтобы у берега образовался лёд, и они смогли бы по нему уйти охотиться на тюленей. Сейчас промышляют у свалок посёлков Приполярья, бродят между домами, выклянчивая от жителей подачки, охотятся на местных собак и песцов, сопровождают машины с отходами, подбирают пададь, выброшенную на берег океана. Интернет переполнен смешными сюжетами с белыми медведями. Вот один из таких.

Пробирается сквозь снег бортовой Камаз, его преследуют два белых медведя. Один встаёт на задние лапы, передними держится за борт машины, и так семенит, пытаясь что-то достать из кузова.

В это время дороги Сочи очищают от невиданного снегопада. С пальм стряхивают сугробы.

20 февраля

Ну всё, закончил добавлять сюжеты в «Печаль и радость сердца моего». Окончательный вариант на треть увеличился по сравнению с прошлым, вроде бы ранее уже завершённым мною. Без этих добавлений (так чувствую) никак нельзя обойтись. Социальная атмосфера 60-х годов выглядела бы неполной.

По духу, общению, задачам это было совсем иное время. Понимаю — не в глобальном вечном смысле, но всё-таки... Кажется, что ещё буду к нему возвращаться в своих заметках и рассказах. Ведь тогда всего двадцать лет прошло после окончания Второй Мировой войны! Однако, по окружающей бытовой, да и политической жизни (её отголоски доходили до меня, хотя и малолетнего) это другая эпоха, мало в чём похожая на довоенную. Взять хотя бы одно событие — человек побывал в космосе. И мы, мальчишки, из уличных репродукторов слышали о новых и новых полётах.

Теперь нас не очень удивляет даже то, что вчера на Марс совершил успешную посадку аппарат США Perseverance, приславший фотографии большого разрешения с далёкой планеты. Мы видим почву, слышим звуки её ветров и считаем это событие обыденным, естественным. Хотя тот же блок летел в космическом пространстве до Марса семь лет — такое гигантское расстояние пришлось ему преодолеть в безвоздушном пространстве.

В смысле технического обеспечения, на взгляд нынешнего обывателя, мы были наивны. Но в силу этого более теплы, человечны. Вот это мне и хочется передать (кроме констатации исчезновения многого топонимического, материального, подтверждения прошлого) в своих записках.

23 февраля

Хоть и мороз под 30 градусов, но решил с Юсовым встретиться у него в мастерской. Грустно — всё вспоминали ушедших. Нелегко дался прошедший год.

Евгений Иванович продолжает писать портреты. Не слащавые, а характерные. Как он только может всё запрятанное в душе человека вытащить из неё, отобразить, при этом сохраняя на холсте фотографическую точность модели. Спросил у художника, тот ничего толком объяснить не смог. Это та самая «загадка творчества». Она живёт в человеке, независимо от его воли и желания.

Всякий может «чудо творчества» в себе загубить, (что делают многие). А может и развить трудом, сосредоточенностью и жертвенностью. Без последнего истинное творчество немислимо. И в этом кроется главная его загадка: необъяснимая, непостижимая, но — закономерная.

25 февраля

Вновь окупнулся в тему времён Гражданской и послегражданской войны. Читаю романы Леонида Леонова и Дмитрия Фурманова «Дорога на океан» и «Мятеж». Не перестаю удивляться (хотя, вроде бы, и раньше это знал) близости тех событий (в своей политико-социальной трансформации) нынешнему времени. Ничто в человеческих страстях не ново. У Фурманова прослеживается ещё и национальный след, объясняющий то, что произошло в Казахстане, в Алма-Ате (в начале 20-х годов двадцатого века никакого Казахстана не было, территория называлась Семиречье, которую населяли «киргизы», столица края именовалась городом Верный) в конце прошлого века. Всё как под копирку. И ведь заранее нам было рассказано (как предупреждение) — на этих территориях национальный вопрос не решён. Да кого же учит предыдущий опыт?

Угли национального недовольства были присыпаны пеплом материального благополучия, но стоило власти ослабнуть, как лёгенький «ветер перемен» раздул этот незатерявшийся жар, и всё вспыхнуло вновь. С той же безжалостностью и беспощадностью. Хотя, конечно, главным действующим лицом в смуте был русский народ. И бунт этот по сию пору не может успокоиться.

В своей книге Фурманов не раз как бы между делом бросает: «Этого молодца, разумеется, потом расстреляют». Что человеческая жизнь во времена беззаконий — копейка.

У Леонова тайного врага (хоть он и специалист хороший, депо в передовые вывел — так ведь не это главное, а прошлое, служба его у белых), как зверя в итоге загоняют в угол, разоблачают, вылавливают.

Во времена моей молодости казалось, что всё подобное изжито, однако, пришло время — сам увидел ожившее прошлое. И бунт казахов с киргизами, и их жестокое мщение пришельцам, и безжалостные зверства русских по отношению друг к другу.

Увидел страшное и беспощадное в человеческой личности.

1 — 2 марта

Целиком два дня (каждый до позднего вечера) потрачены на просмотры самостоятельных работ студентов Нижегородского театрального училища им. Е.А. Евстигнеева. Директор училища сформировал жюри из актёров нашего театра драмы и нескольких приглашённых специалистов.

Узнав, сколько придётся угробить времени, я поначалу расстроился (опять вляпался во что-то необязательное, лишнее), но позже смирился — уж раз так получилось, то лучше внимательно познакомиться с тем, чем живёт нынешняя театральная молодёжь.

Как оказалось, живёт она довольно разнообразно, но, как и всё наше общество, разделена (ну, конечно, очень и очень условно) на «западников» и «патриотов».

Приверженцы первого направления, студенты второго курса драматического отделения, открывали конкурсный просмотр постановкой по мотивам пьесы Ивана Вырыпаева «Пьяные». Сюжет пересказывать не стоит, он банален, действие связано с вечеринкой парней перед свадьбой одного из них. Завершается вся бессмыслица (как без этого) гневной тирадой (с вычурным мерзким матом, который совершенно не обоснован происходящим) в адрес современного общества.

(Забегая вперёд, скажу — более подобной гадости показано не было, хотя попытки разыграть современную криминальную жизнь в виде а-ля Тарантиновских фильмов были. Например «Проснись, ты сейчас умрёшь». Спектакль поставлен (не без выдумки и режиссёрских поисков) студентами третьего курса драмы по тексту Вадима Левенталя).

Думаю, душевно очиститься от только что услышанной скверны помог добрый актёрско-кукольный спектакль «Умка», сотворённый четвёртого курсом кукол — детский, чистый, игровой.

А что же «патриоты»?

Они открывали второй день конкурсного просмотра спектаклем «Убоженька» (по мотивам пьесы В.В. Гитина). Второй курс драмы разыграл провинциальную житейскую историю, где вера в Бога спасает «заблудшие души» и даже творит чудеса.

Портит всё назидательность, неверие, что зритель всё правильно поймёт, а потому его надо убедить, всё ему растолковать. Отсюда санитарка (она своими молитвами сотворяет чудеса) учит других больных девушек молиться, дарит беременной Библию, и та в итоге отказывается делать аборт.

Вообще-то всё тут правда. Подобных случаев, когда от молитв и проникновенного слова, согретого истинной верой, люди духовно выздо-равливаются, исцеляются, изменяют свою жизнь, судьбу, известно мно-жество. Но на сцене, концентрированно, это выглядит отягощающим поучением зрительному залу. Тут не хватало режиссёрского мастерства отсечь лишнее.

Но и исполнение ролей студентками (они по-настоящему понимали своих героинь — в какой-то момент мне подумалось: не своих ли мате-рей играют, не их ли чувствами и переживаниями наполняют сцениче-ские образы?), и режиссура Максима Лутохина (все второй курс драмы) меня порадовали.

Что не скажешь о других членах жюри, которые категорически не приняли работу, много смеялись и уничижительно отзывались как об игре ребят, так и о выбранной ими пьесе.

А знаете — я не могу представить, чтобы Максим и эти девчонки могли поставить «Пьяных» с похабщиной и (главное!) с полной духовной опустошённостью и развращённостью парней и девушек — героев этой пьесы. Тут основное препятствие: «пьяные» внутренне «выпотрошены» до оболочки, до того, когда вместо живых людей остаются лишь манекены — гульки (при ударе о них), пустые, холодные. В героях «Убоженьки» жизнь, борьба, а, значит, будущее.

Если продолжить ту градацию, которую отметил в начале заметки, то к условным «патриотам» можно отнести и постановку четвёртого курса кукол по мотивам «Портрета» Н.В. Гоголя, и опять этого же курса с их «Преступлением и наказанием» по бессмертному роману Ф.М. Достоевского. Это говорит о том, что среди будущих актёров достаточно тех, кто думает, ищет, ставит перед собой действительно сложные мировоз-зренческие задачи.

В этом отношении всех членов жюри покорила кукольно-актёрский спектакль по пьесе «Бык, который шёл рядом с ослом, который вёз все-могущего Царя» (под Царём подразумевается рождённый Младенец- Иисус Христос) М. Бартенева. И вновь четвёртый курс кукольного отде-ления — ну куда от этого деться. Видимо, правильные педагоги у ребят. Режиссёрами выступили Солушев Евгений и Кудряшова Екатерина. Тут всё было хорошо: и актёрские работы, и работы с куклами, и оформле-ние пространства сцены, и костюмы...

Наверно, ещё много о чём можно было бы говорить после двух дней просмотра, но настал вечер 2 марта. Просмотрев 16 спектаклей, члены жюри обязаны вынести своё решение, раздать призы по десяти номина-циям: лучшие мужская и женская роли, лучший режиссёр, лучшие роли второго плана и т.д..

В большинстве случаев наши мнения совпадали. Основной спор кос-нулся «Пьяных». Эту работу поддерживала только председатель, драма-тург из Екатеринбурга (А. Чигин, директор училища, представил её как большую знаменитость) Я. Пулинович и сам директор. Я, заслуженные артисты России Н. Игнатъев и А. Сучков, главный режиссёр Нижего-родского театра юного зрителя А. Логачева были против. В итоге Чигин решил дать постановке специальный приз «за смелость и дерзость» (звучало что-то подобное).

К своей заслуге могу отнести присуждение студентам третьего курса театрално-декоративного отделения премии за их работы. Жюри намеревалось их выставку «К 800-летию Нижнего Новгорода» проигнорировать, но тут уж возмутился я. В итоге по моему предложению были отмечены три картины: две выполненные в технике горячего батика и одна ученика Е.И. Юсова (условно назову её «Минин»).

Закончился день ближе к полночи объявлением итогов и нашими выступлениями в большом зале училища. Я говорил примерно о том, о чём написал здесь.

Давно (с прискорбием) заметил, что большинство современных актёров российских театров внациональны и внерелигиозны. Отсюда так много у театров проблем со зрителями. Не хотят они смотреть то, что глубоко их не затрагивает. И (опять же) потому вечно русская классическая драматургия. Никакие премии «Золотых масок» совершенно не влияют на подавляющее большинство зрительских симпатий или антипатий.

Но вот в училище я оказался свидетелем будто бы борьбы двух начал, что станут формировать в недалёком будущем репертуар на отечественной сцене. Они, новые актёры, как мне кажется, в большинстве своём ощущают ответственность за грядущее, за прошлое и будущее их страны. И это вселяет оптимизм.

Наносное пройдёт, главное останется.

4 марта

С Днём писателя (оказывается, есть и такой праздник в календаре) решил меня поздравить представитель местного отделения Либерально-демократической партии России. Принёс всякие сувениры и брошюры В.В. Жириновского. Разумеется, всё это я воспринял с иронией. Но затем, когда разговорились, подумал, что в определённых условиях ресурс политиков для решения проблем нашего Союза писателей может быть полезен.

Пришедший парень не глуп (высокого роста, плотного телосложения), видно, что ещё только набирается опыта общественной работы, но где в жизни можно найти место с зерном, которое со временем вдоволь и досыта поклюёт, он для себя уже выбрал.

Вот так, с перспективой выстраиваются будущие карьеры. Раньше подобные активисты шли в комсомол, чтобы других вдохновлять на труд за станками заводов и фабрик, на трудовые подвиги при строительстве железных дорог и новых городов.

6 марта

Напомнила о себе Нина Николаевна Шестинская. В «Российской газете» вышел материал об Олеге Шестинском, где использовано письмо из Болгарии, которое поэт передал мне, а я по просьбе вдовы этот листок отсканировал и по электронной почте вернул родственникам.

По поводу прошедшей публикации Нина Николаевна и позвонила. Заодно посочувствовала по пережитой мною болезни. Только что узнала от Бориса Лукина.

Я в это время в Союзе писателей работал с материалами для следующего номера «Вертикали. XXI век», формировал содержание, убирал из него лишние рубрики.

Дошёл до раздела «Утраты». Подумал: «Ну, хоть в этой книжке журнала не придётся ни с кем прощаться». Убрал название рубрики с некоторым душевным облегчением.

7 марта

А сегодня в вечерних новостях услышал — вчера умер Валентин Курбатов. Отправился супруге покупать цветы, по дороге упал — и всё. Валентину Яковлевичу шёл восемьдесят второй год. Быстрая и как в таких случаях говорят, лёгкая смерть.

Мы несколько раз с критиком встречались (в Москве, Пскове), были в переписке. Одно время Курбатов публиковал свои статьи почти в каждом номере «Вертикали. XXI век». Затем это творческое сотрудничество утихло, оборвалось — я не напечатал его заметки о прочитанных книгах для конкурса премии «Ясная Поляна». Статья не приглянулась.

С благодарностью вспоминаю о присланных Валентином Яковлеви-чем книгах (ведь это тоже надо было позаботиться, потрудиться, пойти на почту, отправить) с хорошими дарственными надписями. Все их я прочитал. Теперь вот надо писать прощальное слово, готовить для печати нашу переписку.

Знакомство с Курбатовым произошло по моей инициативе. Прочитав очередную статью критика (кажется, в газете «Завтра»), я нашёл в старом справочнике Союза писателей СССР Псковский адрес Валентина Яковлевича и написал ему письмо. Он откликнулся. Так началось наше эпистолярное общение и сотрудничество писателя с журналом.

9 марта

Россия и Китай подписали меморандум о создании Лунной станции. Договорились руководствоваться «принципами паритетного распределения прав и обязанностей», использовать «космическое пространство в мирных целях в интересах всего человечества».

Станция будет использоваться «для проведения многопрофильных и многоцелевых научно-исследовательских работ».

Планируется присутствие людей на Луне.

В 2020 году Китай отправил на спутник Земли свой аппарат, который установил на ней флаг страны. После СССР и США — третий флаг на поверхности Луны (хотя присутствие там США до сих пор под вопросом).

10 марта

Начали поступать сообщения о возобновлении боёв на Донбассе. Силами АНР удалось уничтожить огневые точки ВСУ. Перед этим поступало много данных о переброске Украиной к границам республик военной техники. Вроде бы всё движется к началу полномасштабной войны наподобие «Карабахской». Опять кровь, невинные жертвы детей, женщин (их особенно, до сердечной боли, жалко больше всех), разруха, ожесточение людей.

Самое чёрное и непотребное вырвется из людей... Но и самое жертвенное, святое сияет души тех, кто будет достоин. И их явит время испытаний.

11 марта

Всю прошедшую неделю как бы общался с ушедшими.

Началась подготовка к публикации в журнале книги Е.Н. Позднина «Русские литературно-художественные журналы XX века. Словарь-справочник». Писал предисловие — объясняющую статью. Вычитывал после сканирования машинописного текста листы второй части книги (первую пока отложил — по качеству машинопись очень трудна для чтения, буквы после копировальной бумаги расплылись в ляпушки — не разобрать), посвящённой журналам 1917-1991 годов.

Нашёл в папке написанное когда-то автором на моё имя «Заявление». Это было в 2007 году. Читал и слышал голос Евгения Николаевича. Кусок из этого документа, объясняющего содержание словаря-справочника, вставляю в свою статью.

После разыскал папочку с письмами от В.Я. Курбатова и блокнот с черновиками своих писем к нему. И тут интонации живого голоса прорываются сквозь строчки принтерной распечатки — всё более с юмором.

Переписка наша шла в электронной почте. У меня самого компьютера не было, но девушка из геологического отдела поступавшие на моё имя

письма распечатывала и сохраняла. Ответы я писал в большом блокноте. Когда компьютер оказывался свободен, садился за него и отвечал сразу на несколько посланий. Благодаря этому и мои письма сохранились. Теперь по мере ухода из жизни их адресатов, я публикую нашу переписку в журнале. Не знаю, интересно ли это кому-то. Но всё-таки сохраняю её как живой голос общения, документ уходящего времени, истории.

В письмах нет ничего бытового. Разговор в них только о литературе, о литературном труде. Валентин Яковлевич, как мне казалось из его писем, был немного расположен к «Вертикали. XXI век», ко мне.

Неожиданно для себя обнаружил, что таких посланий (с обеих сторон) довольно много. Есть шуточные, смешные. Тут зачинщиком являлся Валентин Яковлевич, я лишь подыгрывал, принимал его условия общения.

Например, вот в этом случае, когда он прислал такую шуточную весточку:

(Вытирает ноги у порога и робко стучась.):

Разрешите, Валерий Викторович?

Это Курбатов. Простите, наследил тут у Вас — что поделаешь, осень.

(Шарит в грудном кармане, достает смятые листки.):

Вот, значит, чё-то тут сочинил. Будет минута — поглядите: не сгодится ли хоть на растопку.

(Стараясь не оборачиваться спиной, уходит.)

До свидания.

P.S. Недавно был в Ясной, читал страничку “Войны и мира” и увидел у одного из товарищей смешной плакат — грех не поделиться.

25 ноября 2015 г.

Я ответил в таком же духе. Да и написалось письмо как-то легко, сразу, словно заранее оказалось приготовленным в укромных уголках памяти.

Всё это время редактор молча сидит за заваленным рукописями письменным столом и что-то внимательно читает на мониторе компьютер. Из окна — старинного, высокого, аркой в толстенной стене, подоконник которого также завален папками с рукописями — просачивается в кабинет серый осенний свет. Но в кабинете уютно, тепло, горят яркие лампочки под высоким потолком, на стенах висят иконы, портреты писателей, картины, фотографии, и посетителю не очень хочется вот так сразу, не отогревшись, не просушив с непогоды своего длинного чёрного френча, уходить опять под ветер и дождь. Он как бы невольно, случайно замешкался у двери, на шаривая рукой куда-то подевавшуюся дверную ручку.

В это время редактор отрывает свой взгляд от монитора, и несколько прищурившись, словно настраивая зрение на иной ракурс, иную резкость, взгляделся в посетителя.

— Валентин Яковлевич! — восклицает он, узнав посетителя, — вы ли это? Вот не ждали. Вернее — ждали-ждали, да уж отчаялись, потому и номер в производство сдали без вашего материала. Хотя рубрику авторскую «Пора перечитывать» так за вами и числим, никого в неё не пускаем... Да что же вы стоите, присаживайтесь на диван... вот так, поудобнее. Сейчас нас Татьяна чаем напоит.

Редактор кричит в соседний кабинет:

— Танечка, давайте чаю дорогому гостю.

Входит Татьяна — добрейший, Божий человек. Вся жизнь её — это желание кому-то помочь, услужить и послужить.

И вот чай, печенье, сладости на столе. И потекла тут беседа между редактором и критиком неторопливая, неспешная. Редактор всё о новых рукописях им прочитанных, да о том — сколько замечательных, умных, неравнодушных писателей ещё творят на русской земле, которых мало кто знает, вернее даже — не хотят знать. Курбатов о новых влияниях в русской литературе, модных течениях в ней, когда

косноязычие и отсутствие умения выстроить сюжет произведения вы-
даются за новый творческий метод, а провозглашение избитых баналь-
ностей и штампов — за открытие.

Время проходит быстро. Вот уж Курбатову пора уходить. Его ждут сразу в нескольких комиссиях по присуждению литературных премий, а ещё съёмки для телевидения, выступления перед читателями — ну нет и минуточки свободной. И хоть зашёл он в кабинет редакторский вроде бы обыкновенным посетителем, но дух-то у него бунтарский, неспокойный, категоричный. Редактор это знает, и гостя удерживать не рискует. Лишь когда дверь за Валентином Яковлевичем закрывается, вздыхает, вспомнив, как летом зачитывался его книгой «Батюшки мои», как в один день более двух часов в лесу на окраине дачного посёлка читал её вслух для своего товарища, а тот всё просил продолжать да продолжать.

— Валерий Викторович, мне убрать посуду? — робко спросила заглянувшая в кабинет Татьяна.

— Рождаёт же русская земля таланты — не нам чета, — со вздохом промолвил редактор, глядя на только что закрывшуюся дверь. Затем вернулся за свой рабочий стол и, молча углубился в чтение принесённой рукописи.

У дивана, осторожно звякая чашками, Татьяна убирала посуду с небольшого журнального столика.

26 ноября 2015 г.

Ответ мой Валентину Яковлевичу пришёлся по душе. На следующий день он откликнулся вновь «шутейной» репликой. А закончил письмо грустно, как это принято у нас, русских людей, где веселье и печаль — всё рядом, всё бок о бок.

— Уберите, уберите посуду, Таня, и в другой час, как этот господин придет, не предлагайте, а то ведь он повадится. Они, эти ребята, только с виду такие скромные (наследил, де, простите), а потом не прогонись...

Спасибо, дорогой Валерий Викторович! За включение в игру, за живое в душе озорство, хотя мир, увы, даёт все меньше поводов к любящей игре. А так бы, правда, и славно было завернуть в уютный кабинет с высокими окнами. В Пскове мне уже заглянуть некуда.

Да и в других городах — тоже. Всегда в жизни больше привязывался к старым людям — вот теперь и плачу. Они ушли один за другим. Некоторые стали улицами, некоторые мемориальными досками, кто-то даже памятником, а двое и парходами.

И не навещают даже в снах. Видать, им Там друг с другом хорошо. И не поглядят сверху — как мы тут.

Благодарю и обнимаю Вас.

Ваш В.Курбатов

27 ноября 2015 г.

Но были у нас и «большие разговоры» о наболевшем. Однажды я откровенно высказался по поводу последних произведений В.П. Астафьева.

Дорогой Валентин Яковлевич!

От всего сердца поздравляю Вас с Днём Победы!

В этом году русский мир действительно воспрял духом, вспомнил о своём величии после стольких лет унижений и предательства. Конечно, и это скоро пройдёт, другие заботы одолеют, но то, что случилось с Крымом — это уже наша история. А, может быть, и судьбоносное событие. Украина сейчас много в себе культивирует антирусского. И так, я помню ещё по службе в Советской Армии в 1975-77 годах, было всегда. Но ведь у части населения появилось и стремление возврата в русский мир. Видимо, пройдена какая-то критическая точка отторжения, разъединения.

Был в Москве, взял журнал «Литературная учёба» (№ 2, 2014 г.) целиком посвящённый Астафьеву. И вот два дня читал. Открывается

журнал Вашей статьёй, потому уверен, что Вы этот номер видели. Там ещё на редакционную анкету отвечают и те люди, которым совершенно нечего сказать, и настоящие, глубокие писатели. Но главное впечатление, конечно же, не от этого. Мучаюсь вопросом (да и не в первый раз) — а надо ли было говорить всё то больное о своём народе, что так безжалостно сказал (как раскалённым прутом раны растревожил) в своих произведениях Виктор Петрович? Да, то саднило в нас, раздражало, мучило (и его самого, как плоть от плоти своего народа), но на добро ли это было сделано? В помощь ли это нашему народу, в исправление ли? У нас и так, без Астафьева, столько недоброжелателей, которые травят нас своими утверждениями в нашей неполноценности (что мы народ дикий, варварский, неполноценный, пьяный и грубый), как злыми псами вот уже множество веков подряд. И ведь всегда ссылаются на мнения и высказывания наших же духовных авторитетов, русских гениев. В итоге получается — мы и сами себя мордуем, и другим даём повод, помогаем им нас мордовать. На пользу ли всё это русскому народу, нашей истории, нашей государственности?

Не могу похвастаться своей высокой образованностью, но, насколько мне позволяет судить моя скудная начитанность, я мало могу припомнить подобного обращения к своей истории предков и великих людей других стран — как Запада, так и Востока. Не потому ли, что у них больше чем у нас срабатывает чувство самосохранения? Ну не оплёвывают они так свою историю (да ещё с кипящей в сердце ненавистью), не шлют проклятий тому народу, из которого сами вышли, так, как на протяжении столетий делаем мы. Тут можно взять для примера историю последней Великой войны. Что немцы творили на нашей земле — страшно пересказывать. Но разве немецкие писатели муссируют эту тему так, как это делают наши лучшие писатели, с упоением описывающие беды и преступления своей армии? И не тут ли следует искать корни того удивительного факта, что Германия за злодеяния во второй мировой войне принесла извинения всем народам, кроме русского? И действительно — чего извиняться перед варварами и недочеловеками? И вот дожили до того, что внутри нашей страны либералы еврейской национальности сравнивают наши войска с фашистскими эсэсовскими отрядами. Уж им ли не ведать разницы? Однако — говорят, утверждают с полной убеждённой. В самой Германии говорят о бесчинствах русских оккупантов, не вспоминая при этом своих «героиств» на нашей территории. И вновь мы им вторим — да, мы такие, мы злодеи. Но не ведёт ли такое наше самоуничижение, самобичевание мир к тому, что в нём окончательно будут потеряны истинные ориентиры в понимании добра и зла, правды и лжи, совести и бесчестия? Не подталкиваем ли мы сами такой нашей позицией мир к нравственной, а следом и физической, гибели?

Извините, дорогой Валентин Яковлевич. Расписался, вовремя не остановился. А всё Украина со своей зашкаливающей все разумные пределы ненавистью к русским. И мне кажется — это всё плоды «нашей работы», мы сами больше, чем кто либо, приложили сил к культивированию подобного отношения к нам. События в Одессе показали, до какого ужаса всё может доходить.

И всё-таки — с Днём Победы!

Искренне Ваш Валерий Сдобняков

6 мая 2014 г.

Курбатов дружил с Виктором Петровичем, но мою точку зрения не стал опровергать или как-то оспаривать.

Дорогой Валерий Викторович!

Спасибо за обстоятельное горькое письмо о Викторе Петровиче.

Не ответил вовремя, потому что как раз ездил в Красноярск на день его рождения.

И там без жестокого разговора не обошлось. И мне очень перепало. Как до этого в "Лит. России", в "Завтра". Ишь защищает он...

А тут просто другое качество времени. И другой взгляд. Прочитайте последние страницы "Войны и мира" — они на нынешний взгляд безумны, но они дословно астафьевские — через годы после окончания войны (но только после окончания) солдаты глядят на минувшее иначе. Я пытался сказать об этом в предисловии к "Проклятым и убитым" в издательстве ЭКСМО в 2003 году, но это должны делать солдаты, а не наш брат. Слабый отголосок тогдашней аргументации сохранился и вот в этом, найденном мной в своем архиве тексте.

Поглядите. Хотя, конечно, всякое русское слово должно звучать в свой единственный час, потому что через полчаса оно будет неуместно — так складывается наша торопливая история.

С благодарностью Ваш В.Курбатов

11 мая 2014 г.

Последнее письмо от Валентина Яковлевича Курбатова и вовсе выглядит символичным, воистину прощальным.

Еще "молчит всяка плоть человека", но "ангелы уже поют на небеси", призывая нас к чистоте сердца, и по двору Дивеева, по канавке Богородицы идет с батожком, сам похожий на батожок, светлый Серафим и улыбается: "Христос Воскресе, радость моя!", потому что для него камень-то отвален от гроба еще тогда и навсегда. И навсегда "Его нет здесь, Он воскрес!"

Ах, если бы мы, бедное человечество, однажды поверили так, то камня-то и не было бы и мы бы светили лицами и никогда бы из Дивеева не делали "Арзамас-16". И на наши лопатки вернулись бы отпавшие крылья и мы бы только успевали обниматься и благодарить жизнь. Но, слава Богу, бескрылые еще можем похристосоваться и опять на минуту поверить в бессмертие. Новости лучшие не глядеть — вот и тема военная.

Христос Воскресе, дорогой Валерий Викторович!

Ваш Валентин Курбатов. 15.4.17

15 апреля 2017 г.

12 марта

Решили с Владимиром Заногой отметить масленицу у него в мастерской.

Добираться до Щербинок оказалось долго. И пробок вроде бы не было, а двигались медленно. Вдоль дорог завалы из грязных снежных сугробов — просто горы.

На улице тянет холодным ветерком — хочется в уют, в тепло. Володя наварил картошки, нажарил рыбы — лещей, им самим пойманных в Волге. Я всё это ел с удовольствием. Вокруг знакомая обстановка: картины на стеллажах, картины у стен, невероятное количество всевозможных безделушек на долгом и широком подоконнике...

Говорили неторопясь, спокойно. Совсем немного выпивали. Настоянную на травах водку разливали в рюмки, выточенные из камня — зелёно-жёлтого оникса. Тёмная жидкость просвечивала сквозь тонкие стенки рюмок.

Распрашивал Заногоу о его рыбацком промысле — тут Володя профессионал со стажем в несколько десятков лет. В Васильурске у него лодка, снасти: мотор, якоря, лески с крючками и так далее.

Любопытны его наблюдения за поведением воды в разное время суток, за изменением течения. То же и за изменением предпочтения рыбы к разным наживкам и подкормкам.

Владимир Иванович (он стал сед и головой и бородой) по своему характеру человек обстоятельный во всём: в быту, в работе у холста, в организации выставок, или вот в рыбной ловле. Теперь задумал петь под гитару свои стихи, сочинённые к своим же картинам, и выкладывает ролики в интернет. Хорошо получается.

Я слушал их сидя у компьютера, смотрел на меняющиеся на экране монитора фотографии картин, этюдов (всё мне знакомых, много раз виденных вживую), а сам вспоминал, не говоря об этом хозяину, наши встречи в его старой мастерской на улице Новой, в центре города, двадцать лет назад.

По деревянной лестнице поднимались мы в мансарду Занюги, усаживались всё за этот же стол и не ведали, сколько всего произойдёт с нами за предстоящее десятилетие впереди.

В этом и есть непостижимая загадка человеческого бытия.

У Виктора Астафьева в письмах (книга «Нет мне ответа») вычитал: «Жизнь сладка и печальна», — совершенно точные, совершенно ясные слова Сомерсета Моэма. И во власти каждого человека увеличить свои радости и поубавить печали». Виктор Петрович знал, о чём писал.

13 марта

Военно-теоретический журнал Министерства обороны РФ «Военная мысль» в статье «Непарадная статистика Великой Отечественной войны» (март 2021 г.) обнародовал точные потери Вооружённых сил СССР (безвозвратные и санитарные, т.е. убитыми и умершими от ран и болезней) — 7 285 486 человек. В отличие от этого гражданские потери на оккупированных немцами территориях намного больше.

Выходит, что И.В. Сталин, называя наши потери в войне, был прав. Он имел в виду именно военные потери. При этом стоит особо отметить — потери немцев (гражданского населения) во время вторжения на их территорию советских войск не идут ни в какое сравнение с русскими, белорусскими, украинскими.

Плохо то, что столь откровенно о событиях семидесятипятилетней давности мы заговорили с таким опозданием, когда преступления Европейских государств (все они в той или иной степени либо воевали на стороне Германии, либо снабжали её всем необходимым для войны с СССР) свелись лишь к одному преступлению против человечности — Холокосту.

Оценки жертв СССР нет вовсе и уже, как понятно, не будет.

16 марта

Довольно долгий разговор в Союзе писателей о судьбе созданного в здании Нижегородской районной администрации «Музея Века». Один из организаторов его Сергей Рогожкин. Да и его бывшие соратники-комсомольцы 70-80-х годов приняли в акции участие. Лишились прежних больших должностей, вышли на пенсии и вновь их потянуло на «общественное служение».

Сергей Иванович хочет наполнить помещение творческой жизнью. Это правильно, хотя в сегодняшних условиях подобное выполнить не просто. И главный вопрос — как привлечь зрителей и слушателей, чтобы они пришли на творческие встречи или концерты. Так я предрёк главную проблему задуманной Рогожкиным акции. И, в свою очередь, предложил: всему стержню может послужить какое-либо одно конкретное дело. Например, написание воспоминаний и публикация их в моём журнале. Затем представление журнала (для этого пригласить заинтересованных людей) в музее с объявлением, что это совместный выпуск.

Сергей Иванович записал пунктик себе в блокнот.

18 марта

В интервью президент США Джо Байден на вопрос: «Путин убийца?» ответил «Да».

О реакции на подобное поведение спросили у В.В. Путина. Президент России Байдену, забывающему имена своих министров, куда он летит и какие бумаги подписывает, да к тому же называющему своего зама президентом, пожелал здоровья, а затем, в завершение довольно развёрну-

того ответа, (где напомнил американцам и о уничтожении индейцев, и о рабстве негров из Африки) выступил с таким предупреждением, по жёсткости и категоричности невиданном в новейшей Российской истории:

«Мы умеем отстаивать свои собственные интересы. Мы будем с ними (властями США — В.С.) сотрудничать, но в тех областях, в которых мы сами заинтересованы, и на тех условиях, которые мы считаем выгодными для себя. И им придётся с этим считаться. И им придётся с этим считаться, несмотря на попытки остановить наше развитие, санкции, оскорбления. Им придётся с этим считаться».

Надо сказать, подобные оскорбления никогда не высказывались ни одному правителю России — ни царям, ни генсекам, ни президентам.

Москва отозвала своего посла из Вашингтона для консультации.

19 марта

Ока. Белый-белый снег, напоминающий идеальной чистоты покрывало, испорченное чёрными кляксами проталин.

Начитавшись «Колымских рассказов» Варлама Шаламова, мороз (который, уже отступил), и снег теперь воспринимаются мною совсем иначе — как что-то враждебное, опасное. Отвыкли мы от этого чувства в тёплых квартирах да при сытой жизни, глядя на природные испытания через просторные окна, под подоконниками у которых жаркие батареи центрального отопления.

Захотелось об этом поговорить с зашедшим ко мне в кабинет И.К. Кузьмичёвым. Но престарелого профессора сопровождал сын и разговор в эту сторону повернуть не удалось.

С сыном Ивана Кирилловича мы видимся впервые: он спокоен, рассудителен, такого же, как и отец, невысокого роста.

Тема нашей беседы — умаление значения книги в современной жизни человечества. Каждому есть что вспомнить (из прошлого) в качестве примера.

Кузьмичёв в это время, словно истомившийся от жажды человек, просто набросился на стопки книг, лежавшие на диване. Все их просмотрел. Перелистал. Отыскал сохранённые в стороне распечатки моих рассказов из разных литературных журналов. Хотел забрать, да я воспротивился. Сын поддержал.

— Всё он стал забывать. Достанет большую стопку «Вертикалей» и перелистывает их дня два. Потом уберёт.

Всякий раз, прощаясь с профессором с неким печальным чувством. Но время словно остановилось на нём. Единственным смыслом в жизни остались у Ивана Кирилловича книги.

Низенький, сухонький, с клюшечкой в руке, с чёрным высоким беретом на облысевшей голове, Кузьмичёв поспешил домой, часто засеменяв ногами. Дома сын достанет ему из сумки подаренные мною распечатки вёрсток дневников из «Вертикали. XXI век», и профессор углубится в чтение, станет догонять упущенное время, которое ему уже неподвластно.

20 марта

Дом актёра. Ощущение, что люди устали от страха перед коронавирусом. Количество заболевших в городе практически не снижается (судя по публикуемым данным, как и прежде, цифра в пределах 400 человек в сутки), но и маски зрители надели далеко не все, и обслуживающий персонал напоминает о них больше по обязанности, без настойчивости.

Народ смирился с неизбежным. Умершие (знакомые и близкие) похоронены, переболевшие (большой частью) выздоровели и приобрели иммунитет. Ко всему люди привыкли — жизнь продолжается своим чередом. Потому и пришли многие послушать стихи Сергея Есенина (читает А.В. Мюрисеп) под музыку Веры Городовской, Павла Куликова, Георгия Шендерова в исполнении Государственного Нижегородского русского оркестра (дирижёр Антон Казылов).

Чем отличается истинная поэзия от неглубокого сиюминутного стихосложения? Настоящая поэзия вне времени и вне ограничения по социальным группам. Эти стихи любят, понимают, им сопереживают одинаково, хоть образованный человек, хоть социально находящийся на самом дне.

Варлаам Шаламов в статье «Сергей Есенин и воровской мир» пишет: «Это был единственный поэт, «принятый» и «освящённый» блатными, которые вовсе не жаждут стихов. Позднее блатные его сделали «классиком» — отзываться о нём с уважением стало хорошим тоном среди воров».

Правда, далее автор уточняет критерии этого «уважения»: «В стихах Есенина они многого не понимают и непонятое — отвергают».

А.В. Мюрисеп читает произведения Есенина под трогательную музыку, и тем самым как бы встаёт над «схваткой» оценок творчества поэта. Главное — они органичны его мировоззрению, его душе.

Подборка составлена так, что она бесконфликтна, сглажена. Хотя этапно прослеживается весь путь поэта. Я бы, наверное, составил её иначе: выбрал другие стихи. Но уж тут у каждого своё. Мы не знаем, почему одни или другие строки (услышанные или прочитанные) вдруг запоминаются, становятся нашими спутниками на всю оставшуюся жизнь. Суть всякого творчества логически не объяснима, как и взаимодействие душ многих людей с ним.

21 марта

Арестован губернатор Пензенской области Иван Белозерцев. Ему вменяется обвинение в получении взятки в 31 млн рублей. При обыске в квартире у подозреваемого найдена сумма почти в полмиллиарда рублей. Далее, как и у всех в подобных случаях: коллекция дорогих ручных часов, земельные участки, квартиры и т. д.

Вместе с губернатором, по одному и тому же делу задержан бывший сенатор, миллиардер Борис Шпигель.

26 марта, Бутурлино

По просьбе товарища, скульптора В.И. Пурихова, согласился поехать в этот районный центр на праздник детской и юношеской книги.

Организаторы всё устроили удобно — утром прислали за мной машину. Всю дорогу, около двух часов читал книгу, так что время попусту потрачено не было.

В местном доме культуры провёл семинар с ребятами из седьмого класса. Жаль, что они ничего не читают. Лишь две девочки сказали, что им что-то знакомо из современной (условно назову «фантастической») литературы. Остальные просто молча сидели и слушали то, о чём я говорил. Не уверен, что им это было интересно, но всё-таки что-то в их памяти должно остаться.

Награждение в большом главном зале Дома культуры тех, кто написал лучшие сочинения по заданным темам, а также наиболее активных читателей из разных сёл района. Выходят на сцену и совсем малыши, и ребята постарше. Им вручают дипломы с книгами в подарок. Отмеченных призами много — организаторы не поскупились. Когда наступила моя очередь вручать дипломы, то первым делом поблагодарил администрацию района, отдел культуры за отлично организованный праздник. Можно произносить миллион слов о пользе чтения, а можно вот так, с самого раннего возраста, увлечь детей литературой.

В фойе, когда всё закончилось, одна из награждённых девочек крепко меня обняла и поблагодарила. Так это было приятно, неожиданно.

Передал для местной библиотеки книги издательства «Вертикаль. XXI век». Пообещал подарить подборку наших журналов, если за ними заедут в Союз писателей. Потом можно и творческий вечер с авторами провести. В ответ хозяева отдарились вырезанной борнуковским мастером

из камня умильной фигуркой бегемотика. Правда, встаёт вопрос: почему бегемот, а не, например, волк, медведь, лиса, заяц — кого-нибудь из нашего зверья.

27 марта

Дворец культуры ГАЗ. Премьера местного театра — «Капитанская дочка» по А.С. Пушкину. Интересно, старательно, показан весь сюжет классического произведения. Самодеятельные актёры, исполняющие главные роли, каждый со своей «изюминкой».

Но меня порадовало, как много в труппе молодых людей: парней и девушек. И значит, они уже причастны к великой русской культуре, вкусили её, оказались ею благословлены.

О достоинствах и недостатках постановки говорить не хочется. При желании можно найти и то и другое (с определёнными оговорками и уступками). В спектакле, как мне кажется, есть главное — позиция режиссёра, особенно в отношении образа Емельяна Пугачёва. Зое Куликовской удалось объяснить актёру, убедить Алексея Жирнова сыграть, с одной стороны, этакого заступника народного, а с другой — предводителя банды отъявленных головорезов.

Неким раздражительным резонансом прозвучали в финале спектакля отрывки из поэмы Сергея Есенина «Пугачев» в исполнении сценического Емельяна Пугачева. Мне это показалось лишним и не убедительным.

Отрадно, что большой зал оказался хорошо заполнен публикой. В нынешние времена это требуется подчеркнуть особо.

28 марта

В районе архипелага Франца-Иосифа в Северном ледовитом океане во время учений «Умка — 2021» одновременно в радиусе 300 метров всплыли, проломив полутораметровый лёд, три атомные подлодки-ракетоносцы России, способных нести на борту комплекты баллистических ракет «Булава» с разделяющимися атомными боеголовками.

В рамках этих же учений два российских самолёта МиГ-31 достигли Северного полюса и с дозаправкой в воздухе вернулись на базу.

Всё это продемонстрировано впервые Вооружёнными силами России.

29 марта

Только сегодня, после пяти дней остановки, удалось разблокировать Суэцкий канал. За этот срок огромные убытки понесла мировая торговля. Часть большегрузных судов отправлены владельцами вокруг Африки, мимо мыса Доброй надежды. А всё из-за того, что огромный четырёхсотметровый контейнеровоз после сильного порыва ветра (такова официальная версия на этот час) уткнулся носом в один берег канала и опёрся кормой в другой.

Гигант перевозил грузы из Китая в Голландию.

Вся искусственная водная артерия оказалась перекрытой — впервые после арабской войны 70-х годов прошлого века.

Теперь должна возрасти роль нашего Северного морского пути.

5 апреля

Вот и ещё один герой моего романа-дневника покинул сей мир, а значит, и страницы этой книги. Не стало художника Кима Ивановича Шихова. Оборвалась ещё одна жизненная сюжетная линия долгого повествования, связующего всех нас во что-то единое, целостное, неотделимое.

Я долгие годы знал Кима Ивановича. Он меня — намного меньше. Потому что кто обращает внимание на какого-то начинающего литератора, из которого ещё неизвестно, что получится. Но в несчастных наших сборищах, совместных — нижегородских писателей и художников, в которых сбоку-припёку и я участвовал (как нечто случайное и почти незаметное

из-за моей врождённой стеснительности) Кима Ивановича я знал, видел. Ну, а на равных мы стали общаться десятилетие спустя. Ким не единожды говорил, что я вернул его к чтению книг, подарив номера журнала «Вертикаль. XXI век» на одном из вернисажей местного Союза художников. После этого Шихов стал часто зазывать меня в свою мастерскую в Кузнечихе. Мы часами сидели за длинным столом, сконструированным самим хозяином под изломанной, но не потерявшей своего изящества старинной посеребрённой небольшой люстрой, найденной художником на чердаке особняка Сироткина, в котором располагался (да и сейчас там) областной художественный музей, пили водку, настоящую на кедровых орешках, и хорошо разговаривали — допоздна.

— Я словно всю жизнь тебя знал, — не раз замечал при разговоре со мной Ким Иванович.

Затем эта горячая заинтересованность друг в друге стала потихоньку остывать, переходя в обыденное знакомство, которое продолжалось до последних дней художника. Буквально накануне его ухода Киму звонил А.Ф. Важнёв и в разговоре Шихов поинтересовался: «Как там Валера?»

После перенесённой операции Ким Иванович успел написать несколько картин (в мастерской на площади Лядова, куда переехал из-за того, что на шестой этаж в Кузнечихе стало трудно подниматься), а потом слёг в кровать и последний год просто доживал. Окончательный кризис в здоровье и смерть произошли буквально в течение одного-двух дней. Едва не дотянул художник до своего девяностолетия. Практически успев всё, что только было предназначено судьбой сделать, выполнить. Испытал он и почести, и гонение. Но был в этом человеке какой-то непостижимый стержень. Шихов, казалось, не обращал внимание на побочное в своей жизни, умел (во всяком случае, внешне) не замечать его и ощущал себя при этом абсолютно самостоятельным — без показного вызова и высокомерия. Не заискивая, но и не позволяя хоть на каплю унижить себя.

7 апреля

В левом небольшом зале Выставочного комплекса на площади Мина и Пожарского на постаменте стоит дорогой гроб тёмного дерева. С боков по три массивных ручки под бронзу. Часть крышки, та, что в ногах, закрыта. Вторая открыта, давая видеть по пояс лежащего в гробу покойника. Шихов, казалось, не изменился лицом — всё та же седая борода. У постаamenta стол, который всё больше и больше заваливается принесёнными цветами, розами и гвоздиками.

Когда только поднимался по лестнице, меня уже предупредили, что я должен выступить. И вот начинается прощание, а ведущего В. Величко рядом нет. Возникла неловкая пауза, и тогда я вышел первым. Подойдя к вдове («Валерочка», — только и произнесла Софья Александровна), осторожно тронул её за плечо и тут почувствовал, что не могу говорить — душат слёзы. Сделав паузу, справился с собой, сказал то, что было на сердце. Но в завершение не вытерпел — слёзы всё-таки навернулись на глаза. Плаксивость эту я в себе не терплю. К тому же выступавшие после меня были спокойны, рассудительны, собраны, говорили почти по-деловому, хорошо поставленными голосами — как на торжественном собрании.

Выслушав человек пять, выбрался из первого ряда в коридор и так ушёл к себе в Союз писателей работать над следующим номером журнала. Позже в телефонном разговоре мне передали слова вдовы, что я сказал хорошие слова у гроба её мужа.

Теперь всё чаще и чаще думаю, что столь затянувшаяся моя книга подходит к концу. Уходят в воспоминания те, кто был живой плотью её повествования.

Всё в этой жизни когда-то заканчивается. Нам не дано чувствовать, как истощаются отпущенные нам судьбой годы жизни. Только разом

подсказывает — слой этот становится всё меньше и меньше, беззащитнее. Потеряв свою гибкость и прочность, он может обломиться и рухнуть в любой день, в любой час...

9 апреля

Из недавнего нашего разговора по скайпу с внуком Сашей. Тема — кто такие двоюродные братья и сёстры.

Бабушка Саше объясняет:

— Вот когда у тётки Наташи, родной сестры твоей мамы, родится сын, то он будет тебе двоюродным братиком.

— Когда он родится?

— Мы не знаем. Спроси об этом у тётки Наташи. Потом и нам расскажешь.

— А если она попросит никому не говорить?

От неожиданности мы не сразу сообразили, что ответить.

— Тогда я буду играть в молчанку... — подвёл итог разговору Саша.

14 апреля

Так беспокойно в европейской и американской политике в отношении России давно не было. Украина открыто начинает стягивать тяжёлую военную технику к границам территорий, объявивших себя народными республиками. По дорогам и на железнодорожных платформах везут танки, бронетранспортёры, самоходные артиллерийские установки и даже тактические ракеты «Точка У».

В пригороде Донецка сброшенным с малого беспилотника взрывным устройством во дворе частного дома убит четырёхлетний мальчик.

Российское Министерство обороны официально объявило о проведении учений. Для этого сосредоточило войсковые группировки в Крыму и около Воронежа. Закрыло проход в Азовское море для иностранных судов.

Для Киева переброшено какое-то оборудование на пяти американских транспортниках «Геркулес». Власти государств Евросоюза, командование НАТО и США требуют от В.В. Путина убрать войска от границ Украины. Из России отвечают — на своей территории делаем то, что считаем нужным. Всё чаще и чаще в телевизионных комментариях звучит слово «война».

Американский президент Байден позвонил В.В. Путину и предложил встретиться на территории третьей страны. Москва держит паузу, не отвечает согласием. Спустя короткое время Америка вводит против РФ новые экономические санкции и высылает из страны десятых дипломатов. В ответ Россия отвечает зеркально, при этом комментарии представители МИДа непривычно резки и бескомпромиссны.

Чем же всё это разрешится?

15 апреля

Батюшка Евгений Юшков заехал в Союз писателей за 68-м номером «Вертикали...». Как всегда, торопится отбыть дальше. От предлагаемого чая отказался.

— Лучше давай поговорим.

Сели в уголок на диван, заговорили. С о. Евгением всегда получается о важном. В этот раз — как предстанем после смерти перед Богом. Какой ответ будем перед ним держать.

В словах Юшкова нет назидательности, готовых решений. Он свободно и как бы на бытовом уровне размышляет. На груди тяжёлый серебряный крест с коричневыми камнями — остался от покойного отца.

Настала очередь моего ответа. И памятуя о пережитом в больнице прошлым летом, я сказал: «Возможно, там всё будет намного проще, чем мы фантазируем. Всё созданное на Земле в основе своей очень сложно и непонятно — от живого организма до крошечного микроба. Но наше

внешнее взаимодействие со всем этим «сложным и непонятым» очень просто и естественно. Может быть, там нас примут как что-то простое со всем сложным внутренним, духовным».

— Да, возможно, там намного проще, чем мы фантазируем здесь, — будто даже радостно откликнулся на мои слова восьмидесятипятилетний батюшка.

Юшков уехал. Я начал вычитывать его заметки для следующего номера журнала. Есть в тексте эпизод, рассказанный прихожанкой отца Евгения, которая побывала на службе в другом храме. Там священник произнёс хорошую, правильную проповедь, в завершении которой спросил у прихожан: смогут ли они сами до смерти пойти за Христом?

Пришло время целовать крест, но священник не дал этого делать, а только слегка касался им голов молящихся, выполняя предписание санитарных служб в виду борьбы с эпидемией коронавируса.

Весь мир, вся наша жизнь, похоже, разделена на правильные суждения и одновременно неверие в них. Мы существуем в двух параллельных реалиях. Видимо, иначе существование человека невозможно в современном (почему же — во все времена так было) обществе. Вопрос в другом: сами-то мы осознаём эту двойственность?

О случившемся прихожанка рассказала и одной своей пожилой подруге, на что та задала резонный вопрос:

— Для чего же тогда крест?

23 апреля

На сцене Театра юного зрителя «Снежное шоу Славы Полунина». Удивительное представление мимов — почти всё с глубоким философским подтекстом, каждый сюжет эмоционально многослоен. В них человек во всей своей жизненной простоте и трагичности, когда на первый взгляд кажется всё предельно понятно и однозначно, но проходит совсем немного времени, и начинаются в нашей душе необъяснимые перевёртыши, меняющие первоначальные эмоции и оценки.

Вечернее представление, но многие родители пришли с маленькими детьми, хотя в сути своей действие не для них. Оно об одиночестве, несбывшихся мечтах, конечности жизни, разочаровании. Но внешние эффекты (бумажный снег, большие надувные шары, натянутая над залом над головами зрителей паутина, разбрызганная клоунами с поломанных зонтиков вода...) нравятся детворе — они кричат от восторга.

В какой-то момент мне показалось, что артисты пошли по упрощённому (в эмоциональном состоянии) пути, чтобы зрелище удовлетворило юного зрителя. Правда, качество лицедейства от этого не пострадало.

Завершение со снежным бураном, когда со сцены в лицо зрителей несётся, гонимый невероятной силы ветром, так, что приходится жмуриться: столь плотен и напорист «снежный» вихрь из мелко нарезанных кусочков белой бумаги (после я их вытряхивал из-под джемпера, из-под рубашки — туда забил их воздушный поток) — это что-то феерическое, волшебное, переносящее сознание, которое старается рационально всё осознать, в иную действительность, что на грани чего-то потустороннего, спрятанного от нас в бытовой повседневности.

Эта сценическая находка — на многие десятилетия вперёд будет связана с именем Полунина.

24 апреля

Пропало, скрылось за тучами солнце. Первый затяжной весенний дождь. Всё в природе разом потухло, побледнело. Даже первая зелень берёз не веселит взгляда. Серо, сумрачно. К вечеру сырой асфальт засветился кругами и квадратами, отражая свет уличных фонарей и окон домов вдоль дорог и тротуаров.

Чтобы выйти на улицу, нужно преодолеть в себе некоторое сопротивление. Потому и остаюсь дома, записываю мировые политические

события, которых невероятнo много: США выслали десять российских дипломатов, на что РФ ответила зеркально, добавив запрет нанимать обслуживающий технический персонал для американского посольства в России и в третьих странах.

Вооружённые силы России провели масштабные учения на юго-западе страны с быстрой переброской в этот район двух армий, кораблей, самолётов, подразделений десантников и т.д. Страны НАТО, Украина этим фактом оказались крайне озабочены — посыпались требования отвода войск. Но вот всё завершилось, войска возвращаются на места постоянной дислокации. Напряжение в Европе по этому поводу спало, хотя у них тоже разворачиваются какие-то грандиозные манёвры у наших границ.

Украинские СМИ в восторге сообщают, что Россия испугалась мощи их армии и давления Евросоюза с США, потому не посмела напасть на незалежную. При этом не учитываются слова министра обороны РФ Шойгу в приказе: быть готовым немедленно привести войска в случае необходимости в прежнюю боевую готовность. Боюсь, в Киеве не поняли главного — проведена подготовка, отработаны плацдармы и цели. Теперь, не дай Бог, случится обострение, российские подразделения будут чётко знать, где и что делать у украинских границ.

Невероятную политическую активность развернула Чехия с выслакой 18-и наших дипломатов. Повод — взрыв на их территории складов с боеприпасами в 2014 году. Виновными объявлены спецслужбы России. Традиционно — без предъявления доказательств. И тут Москва ответила моментально, жёстко и непропорционально, а с добавлением. Ещё и настойчиво Москва предложила послу США отбыть к себе в страну «для консультации». Ранее Вашингтон по собственной воле покинул наш посол. Американский дипломат нехотя, потянув время, исполнил желание российских властей. Куда же деваться, раз повторно напомнили о «предложении».

В.В. Путин выступил с ежегодным посланием Федеральному Собранию, в котором большую часть посвятил внутрироссийским социальным вопросам, строительству скоростной дороги до Урала, расширению Транссибирской магистрали, финансовой помощи матерям и тому подобному. Но было высказывание и по международным делам. Из слов главы государства стало понятно, что отныне Россия в ответ на недружественные действия других стран, сдерживать себя, как это было до того, не будет.

«Мы действительно хотим иметь добрые отношения со всеми участниками международного общения, в том числе, кстати, и с теми, с кем отношения в последнее время у нас, мягко говоря, не складываются. Мы действительно не хотим сжигать мосты. Но если кто-то воспринимает наши добрые намерения как безразличие или слабость и сам намерен окончательно сжечь или даже взорвать эти мосты, должен знать, что ответ России будет асимметричным, быстрым и жёстким. Организаторы любых провокаций, угрожающих коренным интересам нашей безопасности, пожалеют о содеянном так, как давно уже ни о чём не жалели. При этом у нас, я просто вынужден это сказать, хватит терпения, ответственности, профессионализма, уверенности в себе и своей правоте и здравого смысла при принятии любого решения. Но надеюсь, что никому не придёт в голову перейти в отношении России так называемую красную черту. А где она будет проходить, это мы будем определять в каждом конкретном случае сами.»

К 2024 году доля современного оружия и техники в войсках составит почти 76 процентов — это очень хороший показатель. А в ядерной триаде уже в этом году превысит 88 процентов. Увеличивается количество ударных авиакомплексов с гиперзвуковой ракетой «Кинжал», кораблей, оснащённых высокоточным гиперзвуковым оружием, как я

уже сказал, «Кинжал» и ракетами «Калибр». На боевое дежурство будут поставлены в ближайшее время гиперзвуковые ракеты «Циркон». В полном соответствии с планами развития Вооружённых Сил идёт работа и над другими самыми современными боевыми комплексами, включая «Посейдон», «Буревестник» и другие системы».

В мире государства одно за другим уходят на карантин, вводят комендантский час, тотальные ограничения. Теперь жуткие кадры поступают из Индии, с бесчисленными погребальными кострами, с сюжетами, где показаны склады с гробами в Италии, где очередь на кремацию ждёт по несколько месяцев — так много умерших. Турция полностью закрывает все международные сообщения...

Второй год мир не может справиться с коронавирусом, который мутирует, появляются новые его штаммы: английский, южноафриканский, индийский... Но даже при таком планетарном испытании нации (руководящие ими чиновники) не могут объединиться, прийти в разум.

Да вот ещё пришли дожди, наводящие тоску на сердце.

28 апреля

Теперь ещё Болгария заявила, что взорвавшиеся на её территории склады с боеприпасами десять лет назад — диверсия России. Любопытно, что владельцам имущества, как в первом, так и во втором случае, является один и тот же человек, болгарский бизнесмен. Во всех отношениях любопытный факт.

30 апреля

В Париже двадцать отставных генералов и более тысячи офицеров обратились с открытым письмом к президенту Эммануэлю Макрону, которого предупредили, что эмигранты-исламисты в разных частях страны образовали анклав, не подчиняющиеся законам Пятой республики. В стране фактически идёт расовая война.

«Как мы видим, — говорится в документе, — времени на промедление нет, иначе завтра гражданская война положит конец этому нарастающему хаосу, и количество смертей, за которое вы будете нести ответственность, начнёт исчисляться тысячами...»

Израиль, гора Мерон (Галилея). Праздник Логба-Омэр. В давке, где собрались десятки тысяч ультраортодоксов, погибло 45 человек, 150 получили ранение, 23 из которых — очень тяжёлое. В стране объявлен траур.

В России недалеко от города Ставрополя большегруз врезался в большой автобус, перевозивший детскую баскетбольную команду из Волгограда. В страшной трагедии погибло пять детей. В волжском городе объявлен траур.

Завтра Пасха. Будем ждать схождения Благодатного Огня. Разве что Чудо смягчит человеческие сердца, образумит людей, заставит измениться. Пока лишь эгоизм, раздражение и горе переполняют землю.

3 мая

Наташа с Лёшей на праздники улетели в Дагестан. Даже Пасху встретили в пути. Своей компанией сначала поживут в Махачкале, затем переедут в Дербент, где побывают в гостях у Рагима. С Наташей для своего друга передал книгу «Лестница». На память. Воочию уж вряд ли встретится. Так и будем переговариваться по телефону.

В Махачкале, как рассказали наши путешественники, позвонив домой, строго блюдут Рамадан. До позднего вечера все кафе закрыты. Для туристов ограничения — воспрещается ходить в шортах. Лёшу на территорию форелевого хозяйства едва пустили — только после уговоров, словно он не на рыб приехал смотреть, а в мечеть.

Сегодня в главных новостях по ТВ показали сюжет из Дербента. Там невиданный за все времена наплыв туристов. Только в мае приезжает более ста тысяч. У крепости столпотворение. Появилась набережная

вдоль моря. (Ранее Рагим говорил: «Где вы купались, теперь это место не узнать».)

Да, я помню совсем другим этот древний город: и жарким летом, и поздней осенью, и в самое начало разрухи, когда у самого края стояло существование СССР, и в завершении ельцинского правления, и в период Грузино-Осетинской войны (об этих днях есть уже записи и в моих «Искрах потухающих костров»). Я узнал этот город благодаря гостеприимству Рагима Мукаиловича Казиханова. С хорошим человеком когда-то давно свела меня судьба, и вот наша дружба длится и длится.

Сейчас вспомнилось начало ноября 2000 года. Погода пасмурная, но без дождей. Побывав в Новошахтинске и Ростове-на-Дону, мы с коллегой по тогдашней случайной работе наконец добрались на поезде до Дербента. У железнодорожного вокзала нас встретил Рагим, повёз к себе домой — в тогдашний, ещё старый дом. На втором этаже, для обогрева в зале в камин был протянут шланг, подающий газ. На конце шланга торчала металлическая трубка. Газ горел всю ночь, вместо дров и угля.

На следующий день ездили на берег моря. После застолья, разгорячённые, мы с Рагимом бегали наперегонки по пустынному пляжу. После этих соревнований сердце у меня в груди бешено колотилось. Тогда впервые осознал, что уже не так молод. Это «открытие» опечалило своей неожиданностью.

Песок охлаждал ступни ног, но я разделся, вошёл в море и поплыл. Вернулся к берегу, вместо мягкости донного песка ощутил его бетонную твёрдость. Так и выходил, подгоняемый волнами, на давно знакомый берег, тот самый, на котором со своими дочерьми более десяти лет назад валялся на пляже. И так в моей душе в тот миг что-то заныло от этой проснувшейся памяти, так одновременно горько и сладостно стало в ней, что я повернулся и долго смотрел в море.

Жизненный период конца 90-х годов ушедшего века был для меня самым тяжёлым, безбудущным, потому, видимо, о добром времени и вспомнилось с такой острой болью.

Только после этой поездки начнётся период создания «Вертикали», альманаха-журнала, принёсшего смысл моему дальнейшему существованию.

Все дни Рагим вкусно и обильно кормил, поил, показывал город, пытался помочь в деловых вопросах, ради решения которых мы, собственно, и приехали.

Пребывание в Новошахтинске оставило скорбный след в памяти. Закрытые шахты (для консервации их мы и поставили в местное управление несколько вагонов с лесом), никакой жизненной перспективы у людей. Как рассказывала занимающаяся нашим вопросом женщина: «Мужики либо спиваются, либо вешаются. А женщинам куда деваться? Хоть и безвыходно, но убить себя они не могут. Им детей хранить надо, их кормить, одевать. Вот и бьются из последних сил, выкручиваются. Они сильнее мужчин».

Дербент на этом фоне тоже не выглядел праздничным, но и обречённость его не чувствовалась. За многие-многие столетия чего только не видела эта земля. Хотя ни о каких туристах в те годы в Дербенте не слышали, их присутствие не предполагалось.

Рано утром просыпались под молитву муэдзина, разносящуюся по окрестностям из динамиков расположенной недалеко мечети. Опять же примета наступившего нового времени. Мы заезжали в прибрежные посёлки и покупали у рыбаков (или браконьеров?) только что выловленных не очень больших осетров, которых они доставали уже выпотрошенными из люльки мотоцикла. Рыбины светло-коричневые, шершавые, тяжёлые и влажные. Заезжали в одичавший, заросший сад, который я помню другим — щедрым на яблоки и сливы, ухоженным, с высохшей, пожелтевшей от жаркого солнца травой, хрустко пылившейся на коричневой земле и громко хрустевшей под подошвами башмаков. Земля тре-

бовала полива, как уставший путник жаждет глотка прохладной воды, и всё-таки в изобилии плодоносила.

Но пришло время отправляться в обратный путь. Из Махачкалы ночным поездом мы поехали в Астрахань. К утру я почувствовал, что заболеваю. Через силу погулял со своим спутником по центру города, но вскоре вернулся на вокзал в зал ожидания. Поезд на Нижний Новгород уходил вечером, а мне становилось всё хуже и хуже. Непрестанно хотелось спать, в теле разбитость, но скамьи на вокзале с подлокотниками, лечь невозможно. Попросил коллегу, который как-то между прогулками по вокзалу подошёл ко мне, узнать, где здесь медпункт. Он отошёл на короткое время и вскоре, вернувшись, сообщил, что ничего не нашёл, зато великолепно попил пиво с раками в местном пивбаре. Тогда, прельзая слабостью, я встал сам, прошёл один зал, второй, и невдалеке обнаружил комнату с красным крестом на двери. Первым делом пожилая врач измерила у меня температуру — 39,5. Дала выпить какую-то таблетку, что-то доброжелательно посоветовала, и я вернулся на прежнее место в зал ожидания. Вновь попросил попутчика, который вернулся из пивного зала, у вокзала на ближайших путях посмотреть наш поезд. Я бы подошёл к вагону, попросился у проводников лечь в своём купе. Но и тут от коллеги получил отказ.

В полузабытьи дождался объявления посадки. Лишь войдя в купе, тут же обессилено, не раздеваясь, лёг на полку. Появившаяся проводница, было, прикрикнула: «Это ещё что такое!» Но, поняв моё состояние, посетовала, словно слышала прежнюю мою просьбу: «Так чего же не пришли раньше? Наш состав стоял недалеко от вокзала».

Как прошла дорога до Нижнего Новгорода, совсем не помню. Позже я как-то повторил этот путь, и он оказался очень долгим, утомительным, более двух суток. Товарищ мой быстро подружился с соседями по купе, ходил с ними в вагон-ресторан, был в хорошем расположении духа. Но это я вспоминаю короткими урывками. Всё остальное время, видимо, спал или был в каком-то забытьи.

В Саратове смог заставить себя выйти из вагона, найти в кассовом зале вокзала аптечный киоск, купить по совету продавца таблетки, из которых, не задумываясь, сразу несколько штук выпил.

Только, когда подъезжали к Нижнему Новгороду, я немного пришёл в себя. На такси с подаренной Рагимом картиной в тяжёлой раме, вырезанной из бука, доехал до дома. Тут отлежался, сбил температуру.

После всего пережитого я принял решение, что никаких обязательств перед тем своим коллегой не имею. Исходя из этого, из приобретённого опыта и поступал в дальнейшем в отношении него.

Картина же из Дербента и сейчас висит на стене в моей рабочей комнате. На ней изображен большой букет сирени, высокий бокал с вином, яблоки, чайная чашка на блюде... Автор — художник из Чечни. Во время военных событий бежал из Грозного. Нашёл пристанище в недостроенном новом доме Рагима, заодно сторожил его и писал картины на продажу. В один вечер мы сидели в большой комнате недостроенного дома, и тогда художник (на картине стоит его подпись — А.Бахтияр) рассказал, что ещё в первую чеченскую в Грозном был разграблен и уничтожен Художественный музей, в фондах которого хранились произведения классиков русской живописи.

С попутчиком же моим, которого я в своё время пригласил с собой в Дербент, в последний раз мы встречались по его просьбе. У него возникла производственно-финансовая проблема, к решению которой он хотел подключить меня. С лёгким сердцем я ему отказал.

6 мая

«Журавли» — некое действие из семи сцен в здании Учебного театра показало Нижегородское театральное училище, поставив его к Дню Победы. (Руководитель проекта Леонид Чигин — он и пригласил меня на

премьеру, сценарист Родион Белецкий — в программе представлен как «известный российский писатель и драматург»). В постановке приняли участие студенты разных курсов творческих направлений — драмы, куклы... Само оно разбито на семь сцен, каждая из которых разыгрывается в отдельном помещении. Зрители разбиты на шесть групп по числу букв в слове ПОБЕДА. Мне досталась буква «О», и надо сказать — наш просмотр локаций (такое создалось впечатление), очередность сцен, оказался наиболее удачным.

«Бомбоубежище». Спускаемся в подвал старинного здания. Высокие сводчатые потолки, толстенные стены красного кирпича. Подвал глубокий. Встретившая нас у двери наверху «Провожатая» (лучше бы её назвать «Дежурная по бомбоубежищу») проводит по небольшим помещениям. Затем, освещая низкие проёмы тёмных отдельных комнат фонарём, проводит зрителей в самое отдалённое от лестницы помещение. Здесь сумрачно, свет только от небольшого фонарика на столике. Рассаживаемся на лавочки вдоль стен. Появляются двое молодых людей — парень и девушка. Слышим, как будто где-то на улице сигнал воздушной тревоги, шум самолётных двигателей. Провожатая якобы успокаивает зрителей, что стены надёжные, мы в безопасности, при этом чуть ли не через слово называет нас «товарищами» — видимо, так представляется драматургу общение людей между собой в те годы.

Вот тут и начинается главная сцена этого отрывка постановки. Двое молодых людей, что оказались среди нас как бы случайно и, понятное дело, влюблённых, говорят о войне, желании уйти на фронт, приписав себе лишние годы, и т.д. Всё это происходит вполне достоверно, даже проникновенно.

Заканчивается всё с отбоем воздушной тревоги. Для просмотра второго эпизода пришлось подняться в зрительный зал. Тут («Синенький скромный платочек. Агитбригада») происходит репетиция фронтового концерта. Девушки поют песню, когда одной приходит похоронка на кого-то из близких. И тогда «трагически», со слезами она исполняет «Синенький платочек». Режиссёр концертной бригады (инвалид-военный) до этого всё кричавший на девчонок за их не совсем качественное исполнение песни, наконец, смягчается.

Режиссёр двух просмотренных сцен А.А. Ярлыков в целом с задуманным драматургом справился. Огорчает лишь неточность в деталях, которые лучше бы всего знать. О слове «товарищ», использованном так часто, что это переходит в гротеск, я уже сказал. Но ведь и похоронка, это не солдатский треугольник, а четвертушка канцелярской казенной бумаги определённого утверждённого образца. Видел я их — подлинные. Оттого трагизм потери только глубже: личное горе соприкасается с холодом государственной бюрократической машины, где потеря человеческой жизни становится казённой бумагой по учёту солдата, находящегося на военной службе.

«У гробовщика». Действие разворачивается в отдельном новом помещении на первом этаже. Постановка Ю.Э. Фильшина. Пожалуй, самая глубокая и многослойная сцена. Плотник делает гробы (тоже калека с повреждённой ногой, которого, несмотря на его требования, не берут на фронт), а рядом другой рабочий разукрашивает матрёшки. И встаёт вопрос — что нужнее в это время людям, которые должны решить тут же зрители: либо помогать соорудить гробы, либо мастерить игрушки. Для этого и будущие актёры подобраны удачно: гробовщик строг, в обращениях и суждениях груб и категоричен; игрушечник мягок, улыбчив, услужлив — но без лести, от внутреннего человеколюбия.

«КуКрыНикСы». Самый верхний этаж здания — под крышей. К художникам приходит принимать работу представитель горкома коммунистической партии. Те рисуют карикатуры на Гитлера, но представитель власти и сам мало чем от него отличается. Он туп, визглив, размахивает руками. Зовут представителя Андрей Андреевич (намёк на Жданова?).

И хотя в итоге всё вроде бы сводится к розыгрышу, шутке, даже выпивая по десяти граммов (вместе со зрителем) коньяку с тостом: «За победу!», но какое-то тягостное впечатление от увиденного и услышанного не проходит. Поставлено режиссёром А.А. Богдановым.

«Коктейль Молотова». Выходим во двор театра. Действующие лица: двое изобретателей, генерал с адъютантом, офицер особого отдела. У изобретателей не всё получается с первого раза. Генерал нервничает, адъютант весь процесс непрерывно зачем-то фотографирует, офицер особого отдела не переставая орёт на изобретателей и генерала, который перед ним оправдывается, но всё-таки даёт последний шанс до смерти запуганным изобретателям, у которых, наконец-то, всё получается.

«У директора завода». Режиссёр А.Я. Кулиев. Для постановки освободили кабинет администратора Учебного театра. Директора Сормовского завода военного времени Ефима (Хаима) Эммануиловича Рубинчика сыграл студент третьего курса И. Степашин, показав тот тяжелейший момент, когда по просьбе И.В. Сталина завод должен был значительно увеличить выпуск танков Т-34. И тут всё сводится к крику, страху, словно именно на этом чувстве страна изобретала, строила, побеждала...

Вся подобная либеральная чернуха порядком надоела своей вопиющей неправдой, многожды опровергнутой самой жизнью, но нет — ради того, чтобы быть в «тренде», тянут и тянут эту ложь в киноленты, театральные постановки, на страницы книг и журнальных публикаций.

И вновь, как мне показалось (я об этом уже писал), в училище соперничают два направления: поиска исторической и духовной правды, нравственного поиска высшей справедливости и поверхностного подлаживания под столичную моду либерального толка, абсолютно чуждого национальным интересам, традициям русской культуры, духовным основам нации.

Примирияюще выглядит последняя сцена, разворачивающаяся на улице Большая Покровская напротив здания Учебного театра — «Вольер» (постановка М.Р. Сабирова и М.А. Сторожевой). Собравшиеся зрители всех групп образовали круг, убираются решётки импровизированного вольера, где стоят модели трёх белых журавлей. Звучит знаменитая песня на стихи Расула Гамзатова. Журавли «оживают» в руках актёров... и в итоге «улетают».

Прощаясь с директором Театрального училища, поздравляя его с премьерой, я дважды повторил: «Вы должны понимать свою ответственность: что, как педагоги, вложите в души молодых актёров, с тем они и пойдут по своей жизни — как гражданской (граждане России), так и театральной».

Не знаю, услышал ли меня, правильно ли понял Леонид Александрович Чигин?

7 мая

Приехал Борис Лукин, привёз дополнительные четыре тома поэтической антологии «Война и Мир. Великая Отечественная война (1941-1945) в русской поэзии XX — XXI вв.» с шестого по девятый. Я устроил встречу с составителем этого поистине грандиозного собрания в нашем Союзе писателей. Там есть стихи нижегородцев, подавляющее большинство из которых я передал ещё раньше Борису.

На Западе удивляются тому масштабу, с которым в России отмечают День Победы. В раннее время демократии и у нас этого застыдились, начали всё сворачивать, признаваться в тех грехах (перед мировым сообществом и оголтелыми русофобами), которые не совершали. Но вот проходят годы, и всё возвращается на круги своя.

Народы СССР и, в первую очередь, русский народ, понесли такие жертвы, отстаивая свою независимость, право на жизнь, что убить эту память в душах людей оказалось невозможным. Даже в угоду политической конъюнктуры. И во многом помогла сохранить её поэтическая

строка, произнесённая и написанная на многих языках, но в первую очередь (и тут!) на русском. Стихи — эмоциональная память поколений о пережитом.

Прозой фиксируются, изображаются исторические факты. Поэзией — состояние души народа во время этих событий. Конечно, не всё однозначно в антологии, не все помещённые в ней стихи высокого качества. Да только стоит ли эти тексты оценивать лишь по критериям таланта и одарённости их авторов. Разве мало талантливо написано всякой дряни, возведено до небес, чуть ли не названо современной классикой. А на деле — ни уму, ни сердцу. Эквилибристическая словесная пустота.

10 мая

Двадцатый Пасхальный фестиваль, организованный Валерием Гергиевым. Концерт Симфонического оркестра Мариинского театра. Начало задержалось более чем на час, но зрители терпеливо дождались не расходясь, и оказались полностью вознаграждены великолепным исполнением замечательных музыкальных произведений.

В этот вечер в зале Нижегородской филармонии звучало много музыки С.С. Прокофьева. Её исполнял вместе с оркестром неожиданный гость фестиваля, пианист Даниил Трифонов, совершенно покоривший слушателей своей виртуозной игрой. По требованию зала ему ещё дважды пришлось играть на бис.

Завершился концерт Симфонией № 5 Сергея Прокофьева. В этот раз я сидел во втором ряду совсем рядом со сценой, потому невольно наблюдал, как Гергиев руководит оркестром, как тот повинуется каждому движению его пальца, а ладони дирижёра трепещут, каждый палец на них, всякий по отдельности, как листья ивы на ветру. Всё живёт, всё живёт музыкой — глаза, мимика лица, всё тело.

Мне всегда казалось, что музыка Прокофьева несколько сконструирована (в отличие, например, от парения духа в произведениях Петра Ильича Чайковского), но в исполнении оркестра под управлением Гергиева вся эта композиторская инженерность исчезает — музыка звучит возвышенно, органично, объединяюще, и уже ничто не отделяет слушателя от оркестра. Это достигнутое единение — заслуга только дирижёра.

11 мая

Утром стрельба в одной из школ Казани. 19-летний парень из многозарядного охотничьего ружья убил семерых учеников восьмых классов и двух учительниц, более двадцати человек пострадало, шестеро из которых в реанимации в крайне тяжёлом состоянии. Нападавший взорвал в школе и самодельную бомбу. Всё происходило в течение восьми минут. Быстро приехали специальные силовые службы. Нападавший сдался. Все, кто его знает, отмечали: воспитан, вежлив, ни в чём дурном никогда не был замечен. Единственное — в январе бросил учёбу в колледже. После чего и купил ружьё.

На завтрашний день в Казани объявлен траур. Учёба во всех школах отменена. Будем ждать уточняющих новостей.

Продолжаются столкновения между палестинцами и израильтянами в Секторе Газа и в Иерусалиме, на Храмовой горе. Всё началось из-за выселения палестинских семей с территории Восточного Иерусалима и столкновений с протестующими у мечети Аль-Акса. За несколько дней с обеих сторон выпущены сотни ракет, есть убитые и пострадавшие как среди арабов (большинство), так и среди евреев.

Впервые вспыхнули столкновения внутри самого Израиля, в разных городах, где мусульмане-горожане, граждане страны, оказались на стороне палестинцев. Заговорили о возможной войне внутри Израиля, которой, я уверен, евреи не допустят. Но от факта эскалации нового качества никуда не деться.

В Кабуле взрыв у школы для девочек. По сообщению ТАСС, по меньшей мере 85 человек погибло и 150 получили ранения. Ответственность за теракт пока никто не взял.

Появилось второе письмо французских военных с предупреждением о возможной гражданской войне, на этот раз уже не от отставников, но зато анонимное. Текст его полностью поддерживает авторов первого послания: «Мы видим насилие в наших городах и деревнях. Мы видим, как коммунитаризм закрепляется в публичном пространстве, в общественных дебатах. Мы видим, что ненависть Франции и её истории становится нормой...» Под письмом поставили свои подписи уже более двухсот пятидесяти тысяч читателей форума, на котором появился его текст.

14 мая

Сорок дней, как не стало Кима Ивановича Шихова. Собрались помянуть художника в кафе на Малой Ямской, недалеко от дома художников, в котором находилась последняя мастерская Кима.

Погода стоит тёплая, из дома в верхнюю часть города пошёл пешком, и всё невольно думал, как сжимается, сокращается наш круг, круг тех людей, с которыми мне было хорошо, несмотря на наши споры, несогласия в каких-то вопросах. Все эти люди прошлой, ещё советской культуры. Теперь-то ясно видно — между нами и сегодняшним поколением проходит некий водораздел. Это явление объективное, и всё-таки на мой взгляд будет нести для общества безвозвратные потери как в интеллектуальном, так и в духовном отношении. Нам уже не совсем уютно в окружающем мире, а дальше будет только холоднее.

В кафе пришёл вовремя. Расселись за столы. Выступать мне никак не хотелось — всё сказал раньше, у гроба. Внимательно слушал других. Отметил: почти все говорившие плакали. Подобное на поминальном обеде вижу впервые. И ещё удивительно — совсем не было художников. А на самом видном месте, на отдельном небольшом столике в окружении цветов стояли икона и прислонённый к ней с траурной лентой в углу фотопортрет Шихова. Вся семья Кима верующая, но он к православию так и не пришёл, на все уговоры сыновей и супруги об исповеди и причастии ответил отказом. В этом он был категоричен и стоек, как не раз подчёркивал — по завету своего отца. Об этом поподробнее есть в нашей большой беседе, опубликованной в журнале «Вертикаль. XXI век».

Несколько раз ко мне всё-таки обращались, чтобы сказал какое-то слово. Упорствовать становилось просто неприлично, будто не хочу выступать, имея в виду какой-то вызов. В итоге моё слово об ушедшем оказалось завершающим. Главная мысль — первая горечь от потери прошла, мы осознанно можем утверждать: достойно завершилась долгая и полностью воплощённая во всём (творческом, общественном, семейном) жизнь. Теперь это наше достояние, достояние города, которое со временем должно быть внешне увековечено.

Назад по жаркой Ильинской шли с С.И. Рогожкиным. Продолжали обсуждать мысль о том, что город не очень-то дорожит памятью важных для его истории людей в разных сферах: от спорта до культуры. Многочисленные памятники В.И. Ленину или как под копирку созданные в России монументы Петру I, в том числе и у нач, не способствуют возвышению Нижнего Новгорода.

15 мая, р.п. Воскресенское

Не так часто я бывал в рабочем посёлке Воскресенское, но всё же бывал. Об одной поездке сюда даже рассказал в своём раннем очерке «Река Ветлуга». На этот раз случай привёл на берег Ветлуги в связи с открытием персональной художественной выставки А.Ф. Важнёва.

Жарким и сонным полднем встретил нас посёлок. Пока Александр Фёдорович с дочерью Светланой на другой машине ездил на кладбище навестить родные могилы, мы остановились у набережной. Она постро-

ена на высоком откосе, с неё хорошо смотреть на широкую в половодье реку. Цветёт сирень, черёмуха. Смешанный запах несёт вольный ветерок — не сильный, ласковый, освежающий.

Прошли с Ириной к возрождающейся церкви. Видно, что восстановление идёт трудно. На месте некогда высокой каменной колокольни лишь несколько возвышается над крышей трапезной скромная деревянная звонница с несколькими небольшими колоколами. Значительная часть некогда величественного строения с чередой колонн по бокам до сих пор не отреставрирована.

Вернулись к машине, созвонились с Важнёвым. Александр Фёдорович уже в Доме Левашёва — филиале местного краеведческого музея. Отправились туда. Это оказался добротный каменный двухэтажный особняк постройки начала XX века. Внутри винтовая каменная лестница с кованой металлической решёткой перил. Архитектурный «аромат» прошлого дореволюционного времени.

Нас встретила директор музея Ольга Геннадьевна Бусловская. Тут на втором этаже выставочные залы и комната Музея земского доктора Ивана Дмитриевича Шукина, созданного стараниями С.И. Рогожкина: старый письменный стол, шкаф с немногочисленными книгами, на нём старая картина — по стилю похожая на ту, что осталась Николаю Офитову от деда. Видимо, такая изобразительная манера была модной и востребованной в те далёкие годы. Глядя на картину, не сразу и поймёшь: то ли это русский пейзаж, то ли европейский прошлых веков. Но написана со знанием дела, не дилетантски. В углу бюст врача, изготовленный благодарным пациентом. На столе множество копий фотографий, некоторые медицинские инструменты, настольная лампа прошлого времени — тяжёлая, массивная, камень с бронзой; металлическая чернильница в виде головы собаки (откидывающаяся крышка)... Позже ещё раз сюда зайду с Сергеем Ивановичем перед открытием выставки, и он подробно расскажет об истории каждого представленного здесь предмета.

Ольга Геннадьевна зовёт в основное здание музея — будет потчевать нас чаем с пирогами. Переезжаем к самому красивому дому посёлка, высокому рубленному деревянному терему, в котором в 1977 году по решению местного Райкома КПСС и был открыт музей — главный дом усадьбы лесопромышленника Сергея Никаноровича Беяева 1905 года постройки. Чудо, что в годы лихолетья он не сгорел, не был разобран, сохранился (в отличие от каменных подсобных помещений — конюшен, погребов и так далее, которые в руинах), и теперь является символом посёлка, непременно везде изображающимся.

Попросил провести нам экскурсию по музейным залам. Много любопытного увидел и услышал. Непроста и запутанна история всякого народа. Людские судьбы переплетены с глобальными политическими событиями. Но насколько живуч этнос в жажде своего исторического существования. Есть в этом что-то закономерное, не случайное, заранее определённое. Мы ходили по относительно небольшим комнатам, в которых когда-то протекала мирная жизнь отдельного семейства со всеми его радостями и горестями, с любовью и непониманием. И думать не думали эти люди, что пройдёт совсем немного времени, и история не только их семьи, но и всей страны кардинально изменится. Появятся новые символы в виде знамён, лозунгов, пионерских галстуков и горнов, Похвальных грамот и соответствующих времени орденов... И всё это наполнит комнаты их дома, который превратится в музей, где окажутся выставленными на обозрение и их личные вещи, и вещи нового времени, которые довольно быстро превратятся в образцы ушедшего быта...

Чай пили на третьем этаже, на смотровой площадке, открытой во все стороны и продуваемой ветерком. Изумительные виды на реку. Подняться сюда по крутой узкой лестнице не просто, но созерцательное удовольствие с лихвой окупает труды.

Пирогои оказались открытые, с рыбой, куски которой истекали жиром. Ветер срывал салфетки со стола и доносил до нас запах цветущей в отдалении черёмухи. Одно посещение этого чудесного места оправдало часы, затраченные на эту неблизкую поездку.

Но пора возвращаться в Дом Левашова. Открытие выставки происходит в том зале, в котором мальчишкой учился Саша Важнев — тогда в здании располагалась школа.

Само по себе удивительное совпадение. Думал ли тогда этот мальчишка, что пройдут многие годы, он много где побывает, много чего сделает и построит, вырастит своих дочерей и в итоге вернётся в эту комнату как художник, со своими полотнами, чтобы открыть персональную выставку, а его бывшие одноклассники, друзья, такие же мальчишки (в прошлом), а теперь степенные мужчины, часть — старики по виду, придут поздравить его с этим событием.

Александр Фёдорович подробно рассказал о родителях, о своём жизненном пути, о том, как пришёл (а вернее, вернулся — рисовать любил с детства, и первые шаги в этом делал, возможно, тут, в этой самой комнате, за ученической партой) к творчеству, живописи. Картины, все мне хорошо известные (среди выставленных есть две моих, подаренных художником в разные годы, и я ими дорожу не только как имеющими эстетическую ценность, но и как дружескую память), на музейных стенах смотрятся иначе, по особенному, чем в комнатах на стенах дома Важнёва. В них словно больше воздуха, простора, красоты нашей природы...

— Обрати внимание, как красивы наши пионы, — с затаённой гордостью прошептала мне на ухо супруга.

Она любит эту картину, и за несколько дней отсутствия (как призналась) уже соскучилась по ней.

Музейные работники к организации открытия подошли ответственно. Было местное телевидение, пришла начальник отдела культуры районной администрации. Важнёв раздал зрителям на память выпущенный ранее альбом с репродукциями своих картин.

В Нижний Новгород возвращались вместе с Рогожкиным. Ирина и хозяин машины, как оказалось, никогда не были у озера Светлояр. Последний, мужчина немногим за сорок, всю жизнь проживший в нашем городе, даже не слышал о нём. Иногда дикая необразованность людей меня, уж вроде бы ко всему привыкшему, приводит в ступор. Я сразу понимаю, что это человек, похваляющийся, что имеет четыре машины, никогда не читал книг.

К озеру мы заехали. Оставив машину на площадке, пошли к берегу. Лишь одна собранная группа миновала нас. На Светлояре тихо и покойно.

На Кировском шоссе увидели берёзу, упавшую верхушкой на легковую машину. Поднявшийся сильный ветер, ослабевшие порывы которого немногим ранее и мы почувствовали, уронил дерево поперёк трассы, повредив капот автомобиля, за рулём которого ехала девушка.

Вот так и в нашей жизни — кого-то бури минуют благополучно, кому-то доставляют неприятности, кого-то уносит поток времени, кто-то из этого времени неожиданно возвращается совсем в другом качестве...

16 мая

Продолжается Палестино-Еврейская война. Сотни убитых с одной стороны, десятки с другой. Разрушены дома, сожжены машины. Уничтожены высотки в Секторе Газа: авиация Израиля работала последовательно, планомерно используя высокоточные боеприпасы. Продолжают лететь ракеты в обе стороны, неся смерть и горе людям.

Что-то жуткое происходит в Индии с продолжающейся эпидемией. 350 000 заболевших в день на протяжении последних недель. На улицах горят погребальные костры — близкие сжигают трупы умерших. Ко-

стров множество. Вид сверху впечатляет и пугает. Но деньги на дрова есть не у всех. И тогда трупы просто бросают в реку. В одну из излучин их принесло более ста пятидесяти: что-то прибило к берегу, что-то находится в воде. Жуткое зрелище.

Новое коллективное письмо военных в информационном поле. На этот раз 120 отставных генералов и адмиралов США высказались о нарушениях на прошедших президентских выборах и поставили под сомнение физическое и психологическое состояние Байдена, обратили внимание на введение в стране цензуры и прочее назревшие политические проблемы в США.

20 мая

Ярослав Кауров выступил в Союзе писателей со своими стихами из цикла «Шуты и клоуны» на фоне развешенных по стенам им самим нарисованных картинок на ту же тему. Выступил хорошо, театрально, с перевоплощениями (шляпа-котелок, панамы, накладной красный клоунский нос, трость, шутовские очки) и исполнением песен под гитару. Многие из стихов будут опубликованы (уже завёрстаны) в 69-м номере «Вертикали. XXI век». Есть в них и социально-обличающие строчки, есть горько-созерцательные и безжалостно-оценочные.

Как мне показалось, какого-то эмоционального контакта между незначительной слушающей аудиторией и исполнителем так до конца установить и не удалось, оттого сам Ярослав внешне «заскучал», но моноспектакль с достоинством довёл до конца.

Там был один эпизод. Кауров прочитал стихотворение, смысл которого: покрыть бы все вершины гор золотом. Как оказалось — это стихотворение написано не на пустом месте. Всё разъяснил присутствующий другой поэт Андрей Тремасов.

Когда его отец уже был серьёзно болен, то как-то высказал такую идею — покрыть вершины гор золотом.

— Зачем? — спросил Андрей.

— Чтобы их видно было из космоса.

— Но ты же понимаешь, что это невозможно...

— Да какой ты после этого поэт!

Таков просто потрясающий ответ отца сыну.

Николай Захарович Тремасов (1927-2005 гг.) был выдающимся учёным, доктором технических наук, профессором, одним из основателей НИИИС, первым главным конструктором института (1966-1995 гг.), имел большой практический опыт в «Проблемах по разработке и изготовлению ядерных боеприпасов и их компонентов... Под непосредственным руководством Н.З. Тремасова также были разработаны радиотелеметрические системы контроля, предназначенные для получения информации об основных параметрах изделий при лётных испытаниях, позволившие проводить их отработку без натуральных испытаний. ...был создан комплекс аппаратуры для инспекционного дистанционного контроля наличия ядерного оружия на контролируемом объекте».

Лауреат Государственной премии. Награждён двумя орденами Ленина, двумя Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта», «Октябрьской Революции» и прочими наградами. Написал книгу воспоминаний.

А сын его теперь производит горькое впечатление — руки трясутся, выглядят несвеже и даже более, за этим чувствуется большое физическое разрушение.

Вот, кажется, всё было дано человеку: талант поэта, способности учёного (кандидат наук), высочайший авторитет отца (отсюда отличная квартира в прекрасном месте Нижнего Новгорода, с видом на Волгу), но всё оказалось разменено на алкоголь.

Прочитав эти строки, Андрей, возможно, обидится на меня. Но если откровенно взглянуть: что здесь неправда?

Я по-доброму, с приятной отношусь к нему. И в моих оценках нет зла — только горечь. Ну что я могу с этим поделать?

21 мая, Горбатовка

Ровно год не бывал в гостях у А.Ф. Важнёва. Сколько же всего за этот срок произошло!

Первое, на что обратил внимание в доме — новая для меня работа художника Владимира Ерофеева. Очень хорошая, трогательная. Сразу вспомнил наш прежний разговор о возможной выставке Ерофеева у нас, в Союзе писателей.

Позвонил Володе с напоминанием и подтверждением прежней договорённости. Он в деревне, на Ветлуге: занимается огородом и прочими хозяйственными делами. Осенью зовёт к себе.

Я с радостью вспоминаю гостевание у него, берега Ветлуги, хождение по лесу, рыбалку и сбор грибов, шиповника...

22 мая

Начал серьёзно разбирать свой архив писем. Пришёл к выводу: уже сейчас многое следует готовить к публикации. Например, переписку с Геннадием Петровым из Атланты. Там много интересных наблюдений, оценок и суждений, серьёзной критики моих работ (даже ругательной). Это подлинные письма писателя. Кое-что раскрывается и о жизни в США. К письмам можно присоединить мою вступительную заметку и статьи, написанные о прозе Геннадия Петровича и об издаваемом им журнале «На любителя».

Довольно неожиданно количество писем от А.И. Казинцева. Вот уж что надо бы подготовить к публикации в первую очередь. Смерть Александра Ивановича оказалась столь неожиданной, что, говоря своё прощальное слово о нём, я даже не подумал заглянуть в нашу переписку. А там его живой голос: мягкий, интеллигентный и немного насмешливый.

Необычное происшествие в Китае. Во время ультрамарафона (дистанция сто километров) по пересеченной местности в Ганьсу спортсмены попали в ураган. Поднялся сильнейший ветер, обрушился град и холодный дождь, температура опустилась до нуля градусов. В итоге 21 спортсмен погиб, замёрзнув на перевале в горах, остальных 150 человек эвакуировали спасатели.

После окончания учений спецназов Сербии и России на Балканах Министерство обороны РФ подарило хозяевам (Белграду) тридцать штук танков Т-72 и столько же бронетранспортёров новейшей модификации.

Политика и расточительство?

24 мая

В продолжение темы состояние поэта Андрея Тремасова.

Позвонил Ярослав Кауров. Из его рассказа:

— Каждый раз, когда я уговаривал Андрея бросить пить, он в это же время уговаривал меня с ним выпить. В итоге к вечеру мы в драбадан напивались.

Далее замечание на мой смех.

— Тремасов психолог, потому знает, как найти подход к любому человеку.

В таком случае его зависимость от алкоголя воспринимается только горше.

Прочитал третий за последнее время рассказ Николая Бондаренко из присланных для публикации в «Вертикали. XXI век». До этого были «Песня о родине», «Подруги», теперь «Не все». Все — истории человеческих судеб. Тексты больше похожи на пересказы, за исключением «Песни о родине». Этот по объёму превышает совокупно два последующих, по художественному воплощению более серьёзная работа. Тут автору

помогло знание среднеазиатской жизни. Он не только этнографически точно многое описал, но и психологически передал происходящее как с героем, попавшим в кабалу, так и с его хозяевами, которые не относятся к нему как к врагу или в полной мере как к рабу, но и за равноправного себе человека не считают.

Бондаренко удалось избежать сериальных штампов в развитии сюжета, хотя за основу всех рассказов взяты услышанные им истории, в действительности, случившиеся с разными людьми. И хозяин, и его сыновья, и жена, и даже пёс с верблюдом — все естественны в своей природной жизни.

Истории о встрече двух бывших подруг и о поэте выполнены в виде пересказа. Художественной ценности они не представляют, но в общем блоке вполне читаются и выглядят как дополнение к главному «азиатскому» повествованию.

25 мая

Начинаем работу над новой книгой Евгения Юшкова. Её содержание — опубликованные в журнале «Вертикаль. XXI век» заметки о Евгения, которые он продолжает писать не так часто, но с определённой периодичностью, вполне подходящей, чтобы достойно быть представленными на страницах очередного номера.

Как говорит батюшка — это я ему когда-то посоветовал (впрочем — не так давно) подумать о подобном издании. Я этого не помню, впрочем, не важно, предлагал или нет. Отец Евгений показал обложку будущей книги, которую назвал «Обитель твоя Там какая будет». На мой взгляд, название несколько длинноватое, но вполне раскрывающее содержание собранных текстов. На лицевой стороне фотография одного из древних восточных монастырей, вырубленных в горе.

Мне по сердцу будущая книга Юшкова. Главное в ней: спокойные размышления о сущности человеческой жизни, в простоте своей вроде бы граничащие с чем-то бытовым, повседневным. Но в этом повседневном и сокрыта главная тайна существования души — с эмоциями, муками совести, томлением духа...

26 мая

Утром сообщили, что в нашей деревне полностью сгорело два дома.

— Наш тоже? — совершенно спокойно спросил я. Словно давно ожидал подобной новости.

— Нет. Наш дом отстояли. Только немного опалена стена двора, — уточнила, отвечая мне, Ирина. Она в это время разговаривала по телефону с нашей соседкой по деревне.

Как оказалось, всё произошло чрезвычайно быстро: прошедший с рыбалки сосед миновал дом, где потом загорелось, ничего не заметив, а через короткое время тот оказался объят пламенем. Вроде бы престарелая хозяйка что-то неудачно поставила на газовую плиту и ушла. Её сын в это время спал на веранде, и только услышав крики с улицы, едва успел выскочить наружу, не прихватив даже документов и ключей от машины. После загорелся и второй дом, который от нашего в нескольких метрах. По словам очевидцев — сгорел и он.

Завтра поедем (я и без пожара завтра собирался туда отправляться) проверять наше загородное жилище. Останусь наводить порядок, если смогу и пойму, как это сделать. Если руки не опустятся.

Как рассказала соседка, шифер на горящем доме лопался и разлетался в разные стороны. Вполне возможно, повредил и мою крышу. Приедем — увидим.

И всё-таки: так равнодушно я воспринял весть о пожаре. Что это: переоценка ценностей из-за возраста? В мои года иначе воспринимаешь, что в жизни главное, а что второстепенное.

27 мая — 2 июня, Кунавино

Да, жуткое зрелище предстало моим глазам.

Только повернули к дому с дороги, только расступились деревья на обочине — по глазам непривычно ударило пустое пространство улицы. Нет высоких крыш соседских домов, нет аккуратных палисадников. Лишь две обугленные коробки срубов — всё, что осталось от когда-то добротных домов.

Подъехали, вышли из машины, подошли к пожарищу. Вблизи это место ещё страшнее. Веет от него невыносимым горем, глубинной скорбью.

Обошли с Наташей наш дом. Увидели — дальний угол двора, обрешётка под крышей уже занялась, обуглилась, явно горела. Пожарные вовремя потушили не набравшее силы пламя. Только стена небольшого сарайчика выгорела. Пламя оставило после себя тощие обугленные, словно обгрызенные огнём доски.

Подошли соседи (дальние), рассказали подробности, показали на телефоне фотографию начала пожара. Столб огня свечой намного выше конька крыши. По их словам, пожарная машина из совхоза «Сормовский пролетарий» и из посёлка Линда приехали спустя пятьдесят минут. Причём совхозные без воды — у неё повреждена цистерна. Только и смогли, что поставить помпу, чтобы качала воду из речки. Всё делали без спешки, нехотя. И всё-таки это была спасительная помощь. До неё соседи бились за свои постройки, обливая стены водой из бочек для полива огородов, таская её оттуда в ведрах.

— На помощь прибежали два человека из-за овражка и два человека из соседней деревни Лискино. С вашего конца никто не пришёл.

В словах дальнего соседа раздражённая обида. Я его понимаю. Пока одни боролись, другие трусливо собирали на всякий случай для спасения вещи.

Когда всё завершилось, один из таких собирателей подошёл к пепелищу, и не найдя слов соболезнования для пострадавших, равнодушно произнёс:

— Всякое бывает...

Бывает-то всякое, да только в общем деле и проверяется порядочность человека. Вот теперь двое хозяев, две совсем пожилые женщины остались без последней радости в жизни — своего летнего деревенского дома. Около этих домов на участке всё лето они выращивали овощи, хлопотали, обретая смысл оставшемуся жизненному существованию. Хозяйка того дома, что соседствовал с нами (да и сейчас соседствует), как мне передала, обречённо промолвила на пепелище:

— Вот и закончилась жизнь.

Всех она похоронила: мужа, затем сноху, через три месяца сына... Остался взрослый внук, который и увёз её в город.

Тут опять тема для моего «деревенского» рассказа. Не знаю, стану ли его писать. Подумал о сюжете рассказа ещё зимой, но никак не ожидал событий, произошедших за короткий промежуток времени, которые должны во многом изменить первоначальный замысел.

Однако приехал я в свой деревенский дом не ради созерцания погорельщины. Потому пришлось приступить к хозяйственным хлопотам — устраивать быт на летние месяцы. Открыл окна, подмёл полы, стряхнул покрывала, натаскал воды из родника (с запасом), затопил печь (в комнатах после зимы холодно, неуютно), разложил всё необходимое на рабочем столе. Наташа передала распечатку нашей переписки с Геннадием Петровым (Сквиренко). Решил в первую очередь вычитать этот довольно большой текст.

Перед сном, под пение ночных птиц взялся за «Соть» Леонида Леонова. Давно поглядывал на этот роман, плотненько стоящий на полке стеллажей, что у самой лестницы в первой верхней комнате. Как поднимусь, или подойду, чтобы спуститься — всё погляжу на его корешок. Сегодня вот взял, начал читать.

Многу не так много прочитано у Леонида Максимовича. Стыдно, а что делать, приходится сознаться.

Читаю, а сам мысленно невольно возвращаюсь к пожару. В прошлом году в эту пору так буйно, замечательно цвели шиповник и садовая роза, что живой изгородью отделяли мой участок от соседского. Мечтал и в этом году полюбоваться множеством белых и нежно-розовых бутонов. Не случилось. Кусты опалены, как от боли свернули коричневые пожухлые листочки. И к ним, дарящим красоту, от людей пришло страдание...

В телефонном разговоре с Ириной всё о последнем деревенском происшествии и о фигурантах в нём участвовавших. Как хорошо, что приезд из Союза писателей когда-то подаренную мне довольно давно красивую икону преподобного Варнавы Ветлужского Чудотворца. Как вошёл в комнату, где у окна стоит мой рабочий стол, так и поставил её в углу, под божницей (она-то уж вся заставлена), недалеко от себя. Теперь время от времени поднимаю глаза (отрываюсь от чтения переписки с Г. Петровым), смотрю на икону — и так хорошо становится на душе. Словно именно её в этом главном углу не хватало — на фоне коричневых стен, потемневших от времени, стёсанных когда-то давно топором старательного и умелого плотника. Лишь в углу лёгкие зарубы от этого топора и остались — тёмные до черноты. Это от падающего на них света настольной лампы.

Встал, сделал шаг, провёл рукой по плоскости тёплого бревна. Еле чувствуют пальцы гладкое углубление этих зарубов. Свет и зрение обманчивы. Не обманывает лишь прошедшее время.

28 мая

Потекла своим чередом деревенская жизнь. Убрал в сарайчике пожарный хлам. Надо бы его весь перестраивать, но это уже потом, когда дойдут руки. Вернее всего, ближе к осени — сейчас одолевают комары, жарко, да и хочется спокойно почитать, а плотничанье — дело долгое, только начни. К тому же ни навыков, ни инструмента, ни материалов путных нет. Всё на голом энтузиазме.

Поправил порушенный заборчик около дома. Тут времени немного затрачено. Ещё светит жаркое солнце, а откуда-то издалека доносится непрерывный гул: словно кто катит по дороге пустую металлическую бочку, наподобие тех, которые украли с моего участка «добрые люди».

Пока затапливал печку, уже заморосил дождь, а гром всё удалялся и удалялся. Главное ненастье прошло стороной. Теперь в окно смотрю на слабенький дождик, больше напоминающий водную пыль, на поправленный заборчик. Мы его ставили с Григорием (забыл фамилию) из Толоконцева при присутствии Володи Цветкова. Тогда был солнечный, прохладный день поздней осени. Деревня с нашей стороны пустая, безлюдная. Мы с Григорием ходили за жердями, рубили их у реки и вдоль дороги, на плечах приносили к дому. Часть из срубленных деревьев Володя сразу забраковал:

— Ольха, долго не продержится.

Однако, вон сколько лет прошло, пока эти жерди по очереди не подгнили и не переломились. Самого Цветкова нет более семи лет на этом свете. Время быстротечно, а в нашем возрасте — стремительно.

От попугавшей грозы и след простыл. Вновь выглянуло солнышко. В печке радостно гудит пламя, пожирая остатки погибшей яблони. Всё живёт, погибает, движется, изменяется. Так мудро устроен наш мир.

Неужели можно по этому поводу рассуждать, что всё — череда случайностей, необязательных совпадений. У Л. Леонова в романе «Соть» Увадьев (главный герой, человек передового коммунистического мировоззрения) в споре с молодым ещё монахом Геласием приводит такие, как ему кажется, убийственные аргументы против веры в Бога: в этой глухомани на берегу реки «будем строить большой завод, как праведники твои и в видениях не имели. На том заводе станем мы делать целлю-

лозу из простой ели, которая вот она, пропасть, без дела стоит». Далее раскрывает перед монахом перспективы материального благополучия. На всё это «необразованный монах из народа» спрашивает: «...а душа... душу куда определишь? Она что гвоздь: полежит без дела — заржавеет!»

И тут Увадьев приводит свои главные аргументы:

«— Душа, ещё одно чудное слово. Видишь ли, я знаю ситец, хлеб, бумагу, мула... Я делал их, или ел, или держал в руках... я знаю их на цвет и наощупь. Видишь ли, я не знаю, что такое душа. Из чего это делают?... где это продают?»

В ответ Геласий отвечает:

«— Как же я рыбине объясню, зачем мне ноги дадены!»

Хороший ответ. Леонид Максимович написал своё произведение в 1928-1929 гг. Переместить бы его героя в 1980-е годы, когда по сравнению с началом века было достигнуто для людей невиданное материальное благополучие. Но этого им оказалось мало, потому что души их полежали без дела и заржавели. В итоге все идеалы Увадьева, воплощённые в жизнь невероятным напряжением физических сил, огромными жертвами не одного поколения отцов и матерей, оказались молниеносно разрушенными и посрамлёнными. С мечтой о ещё большем благополучии граждане державы разрушили собственную страну, обрекли десятки миллионов на нищету и бесправие, унижение и смерть.

С заботой о сохранении своих душ предки наши построили великое государство. Отказавшись от этой заботы, мы лишились многих их достижений.

К позднему вечеру опять погрохотал гром, прошёл ленивый дождичек, и всё стихло...

До следующего раза.

29 мая

На этот раз туча пришла с молниями и ливнем стеной, загнав меня в дом от кустов смородины, которую я освобождал от прижившейся под ними травы, обсыпал освободившуюся землю золой из печки.

Пока пил чай на веранде у окна, за которым обрушивались сверху потоки воды, волнами колышавшиеся от налетевшего ветра, прочитал небольшую статью Владимира Бондаренко в старом номере газеты «День литературы». В ней критик вспоминает свою жизнь и своих друзей питерского периода 60-х годов. Таким хорошим дружеством повеяло от статьи, что я невольно начал вспоминать своих друзей, своё прошлое время.

Всё-таки я был везучим человеком на хорошую дружбу. Таких отношений не может быть много, но мне посчастливилось ощутить и искреннюю заинтересованность во мне, и, возможно, даже преданность в отдельных случаях. Почему так произошло? Мне кажется, что я без меркантильного расчёта входил в эти откровения, и те, кто откликнулся душой, понимали это и тоже как бы открывались.

Мы верили друг другу, и этой верой жили. Теперь прошли не только года, но и десятилетия, а я их всех с благодарностью помню.

Да, на дружбу я был счастливым человеком. Может быть, и остаюсь.

Дождь, прекратившийся на время, вновь забарабанил по крыше. Из дома не выйти. Взял со стеллажа том Есенина, лёг на диван к окну и начал перечитывать «Пугачёва», «Чёрного человека»... Стоило бы заняться своей работой, но ведь понимаю: пройдёт время, и буду с неизменным теплом вспоминать этот пасмурный день, шум дождя, уют большой комнаты, беззаботное чтение, когда тускловатый свет из окна падает прямо на книгу, на её пожелтевшие (издана в 60-х годах прошлого века) страницы. Не хватает только потрескивания горящих поленьев в печке.

Пойду затоплю.

Дождь же всё никак не утомонится. Даже интересно — что ни приеду один в деревню, всё попадаю в непогоду (за редким исключением).

30 мая

Утром, пока вновь не пошёл дождь, взялся чистить шиферную крышу двора от напавшей на неё листвы и ягод росшей рядом рябины. Вчера, во время ливня, увидел, что вода не успевает полностью стекать по шиферным желобам. Там образуются заторы из перегнившей листвы, превратившейся в чернозём, и вода, поднимаясь, как у плотины, начинает сочиться под пластами шифера внутрь двора. Пришлось подставить под неё что под руку попало. Этот пролив прекратился только тогда, когда ливень спал, перейдя в обыкновенный дождь. Тогда то я и догадался о причине случившегося «бедствия».

Час потратил на то, чтобы справиться с задуманным. От начавшегося дождя не уберёгся, он успел меня окропить, но зато сейчас можно быть спокойным за состояние крыши.

После обеда позвонил отец Евгений — всё в хлопотах по поводу готовящейся новой книги. Находит всё новые записи, и их туда надо обязательно поместить. С некоторым удивлением и радостью узнал, что я в деревне. Разговорились по этому поводу. Я сознался: временами бывает здесь душе не просто.

— Отстранившись от повседневной городской суеты, где телевизор, компьютер, рабочий кабинет в Союзе писателей, пререкания с Ириной, чтение книг и рукописей урывками и т.д., здесь вдруг оказываешься только наедине с самим собой. Здесь становишься настоящим, подлинным, без всякого внешне раздражительного, что мешает сосредоточиться. Оттого многое вспоминается, чувствуется, переживается острее, откровеннее, для души болезненнее. Ты отчётливо понимаешь: многое уже позади, а впереди неведомый, но короткий, по сравнению с прожитым, срок. Стараюсь не брать в руки журналы, где есть мои публикации, потому что посмотришь на год — и внутренне ахнешь. И вспомнишь, как всё было, с какими людьми тогда встречался, где бывал, что делал... От этого что-то внутри заносит нестерпимой нотой, от которой не больно и не страшно, но... не спокойно. Главное — объяснения этому беспокойству нет, не находишь.

— Помоги тебе Господь. Держись! — поняв моё настроение, поддержал батюшка.

Только сегодня, на закате, сел за рукопись рассказа. Пока только правлю написанное ранее начало его. Пытаюсь пойти вперёд.

31 мая

День начался, можно сказать, со склочных дел. Погоревшая соседка слева потребовала, чтобы я убрал скинутые с крыши прелые листья от её пожарища.

— У меня и без этого хлама достаточно.

Это она про разбросанные вокруг обожжённые доски от её дома.

Взял ведро, грабли, совковую лопату и пошёл сгребать перегной, перетаскивать его на свой участок на компостную кучу. Жалко такое добро просто вываливать за обочину. Всего набралось четыре ведра — стоило шум поднимать.

Пока носил, один из односельчан (или правильно сказать однодеревенцев?) поведал мне, что соседка справа обмолвилась: так как со стороны проулка у моего забора не скошена трава (расстояние от полуметра до метра), то надо бы куда-то позвонить, пожаловаться.

По этому проулку ездят машины только её внука и ещё одного соседа. Траву они скашивают, но оставляют ровно столько, чтобы показать: то, что у забора — это моя часть, хотя я в деревню, бывало, за всё лето ни разу не приезжал, или, как в последние два года, в общей сложности на две недели.

Как-то вывело меня всё это жлобство из душевного равновесия, но, видимо, этого-то и не хватало, чтобы сесть за стол.

Позначалу почитал, затем поваялся (вроде как спать захотел), а потом разозлился на себя, взялся за рукопись и хорошо двинул рассказ вперёд. Теперь-то уж не останавлиюсь.

Пока писал, то, чтобы отдохнули глаза, смотрел в окно на торец соседнего дома. Там под самой крышей в укромном и недоступном месте воробьи оборудовали себе гнездо. Воробья, видимо, сидит на яйцах, а суетливый, пухленький, всем видом выражающий озабоченность воробей то и дело подлетает к ней, высовывающейся из укрытия, и передаёт корм — пойманную мошку или ещё какую-то букашку.

Не задерживаясь, он тут же срывается вниз, садится либо на провод, который протянут к моему дому, либо на жердь забора, и, поскакивая, озабоченно оглядывается по сторонам. Затем вновь срывается с места, перелетает на сирень, что ветками наклонилась к самому моему окну, и скрывается в её листе.

Видел я этого воробышка и в соседнем окне: он скакал по земле, выискивая что-то между травинками и побегами черёмухи.

В тысячный раз хочется воскликнуть: как же всё разумно и последовательно в природе! Уж не знаю, случаются ли среди её обитателей склоки, но то, что там отсутствует желание доносительства — это точно. Подобная привилегия оставлена (матушкой) лишь человеку.

1 июня

В нашей стороне деревни всё никак не улягутся страсти после пожара. Случившаяся беда разделила людей, которые и до этого-то жили каждый дом сам по себе, тихо скрывая недоброжелательность к соседям. Иногда эта недоброжелательность выплёркивалась в виде женской ругани, но в скором времени затихала, затаивалась на годы. Но случившееся испытание, словно кто муть со дна всколыхнул, всё изменило, и взаимное недовольство обнажилось.

Надо сказать, дом, с которого начался пожар, принадлежал женщине, известной у нас как крайне скандальной и неуважительной. Она единственная из коренных, дом родительский, в котором прошли её детство и молодость. У дома три хозяина, но летом в нём жила только она. Ещё одного жителя короткое время в деревне видели в начале девяностых годов. Звали парня Слава и он, кажется, только что освобождился из тюрьмы. Здесь он себя вёл тоже беспокойно. В конце концов, пьяный сжёг старенькую баню на их участке (не специально — по неосторожности, недоглядел, затопил и ушёл куда-то) и больше в деревне не появлялся.

Жила женщина (зовут её Агния) одиноко, но у неё сын, который со временем вырос в молодого и хозяйственного мужчину. Хотя по слухам у него был свой дом, тоже за городом, мать он не оставлял, часто к ней приезжал, хорошо обустроил участок, поставил новую и более современную баню. Но бывал у матери только один, без семьи. Возможно, и с невесткой у хозяйки отношения не сложились.

В общем, не сладкий это был человек. Но сейчас в деревне обсуждают не её, а кто и как вёл себя на пожаре. С любопытством взиравшие на горевшие дома, теперь объясняют своё бездействие одной фразой: «А что я мог сделать». До конца, до приезда пожарных боровшиеся с огнём, таская воду ведрами из бочек, упрекают их, что не принесли ни одного ведра со своего участка. Ну и далее пошли воспоминания давних обид...

Дух разъединения, живущий в любом обществе, — вот коренное зло в нашей жизни. Это основа всякого зла. И зло это, оглядываясь на всю историю человечества, непобедимо — хоть в большом, хоть в малом. Тут неважно, какое общество, с каким политическим, социальным, экономическим укладом строится. Главное — человек остаётся неизменным в своих желаниях, стремлениях, в своём индивидуальном самолюбии и эгоизме.

Неужели нет силы, которая бы это всё изменила?

А воробы-то от гнезда улетели, опустело оно сиротливо, только клок пакли свисает на том месте, слегка шевелимый ветерком, да испачканные белыми каплями птичьего помёта крашенные коричневые доски напоминают о том, что когда-то под этой крышей зарождалась новая воробьиная жизнь.

Выходит, ошибся я, не воробья там сидела, а подросток, готовый вылететь из гнезда птенец.

Утром они все втроём сидели на ветке моей рябины, что растёт чуть дальше сирени. Потом улетели — в вольную птичью жизнь. А я поглядываю туда, где наблюдал за жизнью гнезда, и отчего-то испытываю чувство, похожее на грусть или жалость.

Странные мы всё-таки существа — люди. Ну чего мне до этих воробьёв? А вот ведь что-то в душе трогает, и ничего с этим не поделаешь.

Это не во власти нашего разума.

Нечаянное наблюдение.

Ирина дала с собой прибор для измерения давления с наказом измерять его утром и перед сном. Все дни давление у меня было в пределах одного и того же, пока вчера после обеда не засел плотно за рассказ. Писал несколько часов. Тут к вечеру давление стало подниматься и дошло до 150 — это для меня почти небывалое.

Закончил писать, через час оно вернулось, можно сказать, к норме. То же и утром. Из нормы, пока писал, оно поднялось свыше 130. Сделал час перерыва — оно опустилось до 113.

Стало любопытно: неужели тут есть какая-то связь?

Опять писал полтора часа. Давление поднялось до 135. Перестал и через час проверил вновь — 122.

Неужели работа воображения так может влиять на непосредственное физическое состояние пишущего? Надо будет дополнительно это проверить.

2 июня

За два прошедших дня хорошо продвинулся с рассказом. Конечно, это пока всего лишь черновик, который нужно будет прописывать, и всё-таки есть ощущение не зря прожитого времени.

Утром, походив по улице (ветер холодный, северный, а солнце яркое, летнее), полистав книги со стеллажей, вновь засадил себя за стол — жить другой, выдуманной жизнью.

Слева на столе стопка исписанной карандашом бумаги заметно подросла. Как жаль, что почти четыре дня было потеряно на раскачку, впустую. Сегодня большую часть рассказа удалось закончить. Осталась последняя главка — возможно, самая трудная. Но пора вернуться в город. Истрачены основные привезённые продукты, накопились некоторые дела. Вечером Наташа должна за мною заехать.

Традиционно иду ей навстречу, чтобы зря не терять время на проезд машины по нашей, разбитой до глубоких ям дороге. Пешком быстрее по ней пройти. Да и прогуляться хорошо. От леса такой замечательный запах в это время. И настроение отличное — основная часть задуманного выполнена.

Пока шёл просёлочной дорогой, невольно вспоминал, как немногим менее года назад, в реанимации, я вдруг понял, каков должен быть сюжет продолжения «Шумело море». Тогда, в не самом лучшем своём состоянии, обклеенный датчиками и со скованными приборами руками, в уме я писал и писал этот рассказ, так ясно, в деталях видя его, чувствуя происходящее в нём, переживая это происходящее.

За прошедшие месяцы эмоционально сюжет во мне подостыл, но совсем не угас. Радостно, что (возможно) большую часть его перенёс на бумагу.

Неисповедимы пути Твои, Господи.

3 июня

В Союз писателей заходит посетитель: пожилой мужчина (лучше сказать, старик) невысокого роста, сухонький, в руке цветастый не новый потёртый полиэтиленовый пакет, на лице не совсем свежая, много дней использованная коронавирусная маска, несколько топорщащаяся на отросшей бороде.

Я сник — непременно поэт пришёл показать свои стихи. И не ошибся. Только никаких бумаг он из пакета не достал.

— Был в бюро по регистрации интеллектуальной собственности. Оно тут недалеко. Там сейчас обеденный перерыв. Вот и решил узнать, действительно ли здесь союз писателей.

«Ещё не легче, — подумал я, — станет узнавать, как вступить в члены СП». Но опять ошибся.

Старичок говорил медленно, словно вспоминая, ища каждое нужное слово, которое хотел произнести.

— Издал я две книжки по 15 экземпляров: в одной стихи, в другой рассказы. Теперь надо их напечатать по-настоящему, чтобы это были законно мои произведения. Хочу что-то оставить после себя.

— Вам сколько лет?

— Семьдесят девять.

— Значит, к юбилею?

Рассказал посетителю о принципах издательской деятельности, по узакониванию автора на его интеллектуальную собственность. Старичок внимательно выслушал.

Расспросил посетителя, где он живёт. Оказалось, в Гордеевке, в однокомнатной квартире 17 метров, с женой, дочерью и тремя внуками, старшему из которых исполнилось восемнадцать лет.

— Как же вы там все умещаетесь? — удивился я, и тем самым допустил ошибку.

Старичок стал подробно, обстоятельно рассказывать, кто, где и как ложится на ночь спать. Общее впечатление от рассказа — да вповалку, как ещё!

В завершение, повторно, посетитель с надеждой произнёс:

— Если получу приз от компании, которая разносит продукты...

Он и там во что-то ввязался.

В Нижегородской государственной академической филармонии им. М. Ростроповича закрытие XVI Международного фестиваля искусств им. А. Сахарова «Русское искусство и мир» (к 100-летию со дня рождения А.Д. Сахарова).

На сцене наш Академический симфонический оркестр с дирижёром Александром Скульским, солистка Государственного академического Большого театра России Анна Аглатова (сопрано) и (так отмечено в программке: «Приглашённый солист театров «Ла Скала», «Ковент Гарден», «Метрополитен-Опера») Дмитрий Корчак. Устроили феерию арий из классических опер (на итальянском языке). Отметились двумя из русских: «Снегурочка» и «Евгений Онегин».

5 июня

Сколько их, бегущих из своей страны, уверенных, что где-то за границей им будет лучше, удобнее, сытнее. К тому же, немалое количество денег в России они уже успели «нарубить» — праведно, неправедно, это уже другой вопрос, сейчас совсем не о том. И все эти предприниматели, художники, актёры, да простые обыватели при этом обязательно считают своим долгом в адрес оставленной Родины наговорить всяких гадостей, ненавидящих её слов. Ну, кажется: всё от неё получили, теперь решили попытаться счастья на стороне — ну и езжай с миром. Так нет — уезжаю, стараясь погромче хлопнуть дверью, не думая, что, возможно, и возвращаться придётся. Потому как никому они в Европе и Америке не

нужны — там своих подобных девать некуда. Как туда приедут чужаками, так ими и останутся. Примеры много не просто редки — единичны.

А ещё разбогатевшие из «наших» взяли за правило покупать себе дома и квартиры за границей — подалее от нецивилизованной «рашки». Мол, там культура и порядок, а ещё неприкосновенность частной собственности. Однако, пожив в чужой стране какое-то время, убеждаются в известной истине: хорошо там, где нас нет. Потому опять возвращаются в так опостылевшую им когда-то Россию уже тихонечко, без всякого прежнего шума — словно в дверную щель проскальзывают, дабы остаться незамеченными.

И среди наших знакомых в общественном ранге — уж совсем мало-значимые, такие люди есть. Купили себе дом на Кипре, стали там отдыхать, да в сторону «путинской России» ядовито поплёвывать. Однако раз их дом ограбили, затем в отсутствие хозяев и вовсе внутри всё разгромили, затем вновь ограбили уже в присутствии хозяев, ночью... И заунывали новоявленные киприоты. Не той, говорят, стала и эта страна. А то, что дело не в стране, а в них самих — в головы не приходит.

6 июня

Раньше считалось, что это версии конспирологов. Но вот всё больше и больше стало появляться информации, что злосчастный коронавирус — дело рук человеческих. Вернее, не он сам, а те особые свойства поражать организм людей, которыми он обладает.

В публичном пространстве оказалась доступна переписка с коллегами главного инфекциониста США Энтони Фаучи. В документах замечается, что в вирусе явно видны вмешательства извне.

Президент Байден поручил разведывательным службам США выяснить этот вопрос с уклоном доказательств виновности Китая в разразившейся в мире пандемии с тем, чтобы затем потребовать выплатить пострадавшим несколько триллионов долларов. Так те подозрения, над которыми поначалу смеялись (в публичном пространстве), стали почти неопровержимым фактом.

А кто, действительно, виноват в выращивании и выпуске на волю микро-монстра — США или Китай — человечество, возможно, никогда с полной достоверностью не узнает.

Монстра, потому что всякий вирус до того приспособиваясь к жизни, со временем ослабевал, теряя своё негативное влияние на здоровье человека. Этот же, напротив, приобретает всё более агрессивные свойства.

8 июня

Повторно в зале Союза писателей развесили фотографии с работами костореза П.П. Черниковича. Этим занимался Н.В. Чугунов, — преданный памяти Парфёна Парфёновича человек, его биограф, недавно выпустивший большой альбом с полным каталогом и описанием всех известных работ народного художника России. Значимый, серьёзный и профессиональный труд. Подарил книгу с тёплой надписью мне. Вместе (в который уже раз) осмотрели подробно всю выставку, представляющую невероятно красивые произведения искусства самого высокого достоинства. Хорошо, что наш Союз писателей хотя бы так причастен к увековечиванию памяти Черниковича, к пропаганде его творчества.

Привезли сумку с архивом Н.П. Мидова — неприподъёмную. Набита блокнотами, записными книжками, рисунками. Есть биографические записи, написанные неразборчивым почерком, сильно дрожащей рукой. Я успел только сверху немного взглянуть: записи, наброски, сделанные на Чукотке. Вот куда заводили дороги нашего художника. Сбоку в сумке же, оформлен в рамке и паспарту, мой портрет. Выполнен карандашом и словно через пелену дождя. Но черты лица узнаваемы. Да ещё что-то неконкретное, слабо улавливаемое, но характерное.

Пока решил оставить портрет на память (как понял, он для меня и предназначался). С остальным буду разбираться.

Зашла в кабинет писатель из Херсона Ирина Цветкова. Не сразу её вспомнил, но вспомнил. Она подсказала о прошлой встрече 2017 года. Теперь совсем уехала из Украины, получила в России вид на жительство. Вновь много всего рассказала большого о теперешней жизни в Новороссии. Предложил написать об этом что-то в виде записок, в вольном стиле, чтобы было в них побольше личных ярких впечатлений, эмоций. Заинтересовалась, пообещала. Хочет участвовать в жизни нашей организации. Творческому человеку трудно остаться совсем одному. Нужно общение, нужна понимающая среда.

9 июня

Сел у сумки с архивом Мидова (Николай Павлович беспокоится, звонит — что будет с его бумагами дальше), достал первую стопку блокнотов, стал перелистывать.

Невероятное количество задумок, зарисовок, сюжетных разработок. Есть вполне состоявшиеся по мысли, наблюдению, по передаче характера.

В записях — мучительный поиск смысла жизни. Обострённый, беспокойный, почти нервный:

«С хорошо налаженной организацией мошенников вкупе с торговцами совестью и доверием людей постараться не иметь никаких общих дел. Несмотря на то, что «один в поле не воин», он объявляет им беспощадную войну до конца дней своих. Помня бесчисленное множество обманутых, искренне верящих в доброту людей, тружеников, загнанных в преодоление ненужных препятствий, бесконечно воздвигаемых на их пути чёрствостью местного самоуправления. Быть всегда с людьми в работе!

Осень 74 г.»

Есть и заметки-наблюдения:

«Мальчик лет около трёх ходил разговаривая по храму, шла литургия, увидел голову Адама у подножия распятия, обрадовался, и, касаясь пальчиком глазок, носа, рта, забавлялся, повторяя: баба яга, баба яга...

И где же ты, детство моё невозвратное.

83 г.»

И ещё:

«Нет!

Не сочную зелень листвы в застывшем тумане предрассветного часа, не тишину утра и не дорогу — предвестницу новых встреч лелеем мы в мечтах своих. Но тайный, неведомый зов души тревожит нас повсюду.

26 июня 1975 г.»

В самостоятельно переплетённой, обтянутой тканью записной книжке-альбоме, напоминающей стандартную книгу размера А-5, целый ряд портретов, нарисованных чёрной шариковой ручкой, созданных в 1983 году. 16 сентября. Кто изображён — неизвестно, художник не подписал. Но перед этим есть короткая, размашисто набросанная строчка: «Ой, да ты польнушка — горькая трава!..»

Всё тут перемешано, и во всём беспокойная, требующая ответов жизнь.

И это только в одном из многих десятков блокнотов и прочих бумаг, упрессованно собранных сейчас, лежат передо мной.

10 июня

Мне ничего не говорит имя драматурга Натальи Мошиной, премьеру пьесы которой «Сдвиг» иду посмотреть в нашем театре драмы. Постановка Александра Сучкова, который наговорил в интервью всего многозначительного и путанного о спектакле. Подобное обычно случается тогда, когда режиссёр сам не очень понимает, что хочет сказать зрителю.

Но оформление спектакля удачное — под дизайн современного, обеспеченного загородного дома. В нём живёт хозяин (дом ему достался от отца, как и пекарня, которой он владеет и руководит), приехавшая к нему сестра (собирается развестись с мужем) и её заканчивающая школу дочь.

Упустил — сцена закрыта экраном, на нём идёт короткая видеозапись, на которой девочка со школьным рюкзаком гуляет по осеннему или зимнему лесу или парку. Так всё начинается. Затем экран поднимается, и спектакль проходит в традиционном формате.

Хозяин почему-то долго занимается упражнениями йоги. Но появляется милиционер, совершающий обход домов, выясняя, не видел ли кто-то чего-то подозрительного, потому что в лесу неподалёку нашли убитую одиннадцатилетнюю девочку.

Почему-то недружелюбно встретивший милиционера хозяин поначалу отказывается по фотографии опознать девочку, но потом, после многозначительной паузы, останавливает уходящего милиционера. И уже в кабинете следователя мы узнаём, что он последний, кто видел её живой: раньше никогда на дороге не останавливался, а тут увидел заглохшую машину, решил помочь. В машине на заднем сиденье и сидела эта заплаканная девочка с разбитой губой. Водитель (как оказалось — убийца) объяснил, что она подралась с одноклассницами.

Со слов свидетеля составили фотографию преступника, а самого хозяина дома стали одолевать муки совести. На разрешении этого главного нравственного вопроса (виновен-невиновен; мог спасти — не мог спасти) и должен был сосредоточиться драматург, а следом за ним и режиссёр. Однако вместо этого началось невнятная околесица не только из избитых бытовых сцен: дочь сестры, не предупредив, уезжает в город (истерика в доме); муж сестры приезжает уговаривать жену к нему вернуться (истерика и злоба к нему, никак не объяснённая автором, хозяина дома); приход родителей убитой девочки (после узнаём, что отец попал от пережитого в больницу и ходит уже одна мать); следователь объявляет, что нашли труп убийцы — того зарезали — и допрашивают хозяина дома — не он ли совершил самосуд; хозяин пишет бумагу с требованием его за что-то наказать (как не спасшего девочку), но в чём сам он себя считает виновным (кроме внешнего излишнего пафоса), психологически не объясняется; приходит мать девочки, и ей почему-то очень важно, чтобы именно он оказался убийцей того, кто лишил жизни её дочь; приходит милиционер (первоначальный дознаватель), многозначительно вертит ножом, но так и уходит, говоря, что если бы это сделал хозяин дома, то он бы его понял, и так далее.

И в каждой сцене пустая, ложная многозначительность, оставляющая зрителей вполне равнодушными.

Если бы драматургу и режиссёру (сумевшему отбросить всё побочное и сосредоточиться на разрешении главной задачи (выбора совести, почему она так мучает по прошествии времени, хотя явной вины твоей ни в чём нет) — могла бы получиться серьёзная работа. Только, боюсь, для этого надо быть Достоевским. А где его взять в наше время, да ещё в провинциальном театре.

12 июня

Второй день по телефону дискутируем с А.В. Мюрисепом по поводу состояния провинциальных театров в России. Разумеется — творческого. Я в этом вопросе пессимист, Александр Васильевич — защитник. Хотя вся наша жизнь утверждает обратное. Культурная жизнь в стране деградирует. И в глубинке намного быстрее, чем в столицах. Кажется, она, напротив, должна быть более консервативна в этом вопросе. Но власти глубинки чутко ловят посылы, исходящие от центра — если там господство непрофессионализма, то и им можно смело шагать той же дорогой. А уж в вопросах культуры (из второстепенных самый второстепенный) и подавно.

Но это общеполитический момент. Который, впрочем, влияет на всё остальное — появляются местные классики, чаще всего люди энергичные, оборотистые и неталантливые, они и становятся мерилом качества в захваченных сферах: театре, литературе, живописи... Это приводит к понижению общего уровня в творчестве, и потому местные актёры ощущают себя выдающимися и не развиваются, не работают над собой, не ищут, не общаются с коллегами за пределами административных границ. Всё это приводит к понижению общего культурного уровня в регионе.

Кто судьи — таковы и критерии. В этой связи показателен эпизод, рассказанный Мюрисепом. Александр Васильевич проводит занятие на первом курсе нашего театрального училища. Сослался на «Метель» А.С. Пушкина. Полное молчание. Вы знаете о таком произведении? Молчание... Осталось спросить: знают ли они, кто такой Пушкин? Хотя и тут, вполне вероятно, ответ будет неутешительный.

13 июня

Прочитал «Воспоминания» Л.Е. Белозерской-Булгаковой. Конечно, много бытового, поверхностного — в этом отношении женские воспоминания вообще нечто особенное и не всегда полностью объективное. Хотя в данном случае, возможно, что и исключение в лучшую сторону. Затем пересмотрел в компьютере «Театральный роман» М.А. Булгакова, снятый телеканалом «Культура» в 2003 году. (Я видел ранее эту работу по телевидению: но тут неудержимо захотелось пересмотреть.)

Несколько лет назад, перечитав «Дьяволиаду» писателя, я сделал оценки для себя творчества Михаила Афанасьевича в контексте первой трети XX века и теперь не отказываюсь от них. Но за последнее время, прочитав и перечитав «Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» А. Фадеева, «Дорога на океан» и «Соть» Л. Леонова, «Мятеж» Д. Фурманова, «Волга впадает в Каспийское море» Б. Пильняка — все эти романы, написанные приблизительно в одно время, когда писал свои произведения и Булгаков, но проникнутые совершенно иным устремлением, пафосом, конфликтом (социальным и историческим) — они яростно вступали в противоречие с задачами и помыслами, вкладываемыми в своё произведение Михаилом Афанасьевичем. И поделать тут ничего нельзя — объективность времени.

Другое дело, что по прошествии всё того же времени перечисленные мною книги как бы затерялись (уверен — тоже до своего времени), а булгаковские вышли на первый план.

Тут-то и сокрыта загадка всякого творчества — рационально не объяснимая. Внешние причины создают условия для нового прочтения книг: обнаружить в них то, что не было видно в момент их выхода в свет, да и авторы в содержание своих произведений это заранее не закладывали. Всё происходит само собой и заново. Новые события освещают старые тексты непривычным светом, как бы заштриховывая в них одно и высвечивая другое (Тут уместно вспомнить про «обман зрения» при разглядывании зарубов на брёвнах в моём деревенском доме — писал об этом немногим ранее в этой же главе.)

Насчёт же книги Белозерской-Булгаковой: приводит в ней Любовь Евгеньевна такой эпизод из своих послереволюционных эмигрантских заграничных странствований:

«Сам Владимир Пименович (Крымов — В.С.) — человек примечательный: происходит из сибирских старообрядцев, богатый владелец многого недвижимого имущества в разных точках земного шара, вплоть до Гонолулу. (...) Из России уехал, «когда рябчик в ресторане стал стоить 60 копеек вместо 40, что свидетельствовало о том, что в стране неблагополучно», — таковы его собственные слова». (Это из берлинских впечатлений.)

Вот этого старообрядческого чутья (не в смысле бежать из страны, а в понимании, что на страну надвигается неблагополучие) подавляющему

большинству людей не хватает. Сколько бы можно было бед избежать, вовремя обратив внимание на «рябчиков».

Наверное, повторюсь (наверняка это уже отмечал), и всё-таки как не вспомнить, как старушки, пережившие многое на своём веку, вздыхая, говорили (я это сам не раз слышал) в 70-х годах прошлого века: хлеб перестали ценить, батоны в мусор выбрасывают, быть беде (войне). Тогда это воспринималось буквально — копеечное дело, экономят, жадничают. Смех, да и только.

А за этим чувством скрывалось другое: не ценят хлеб — пропала боязнь голода, а значит, со временем перестанет цениться и то, что сделало для тебя государство ценой многих лишений и страданий, чем оно тебя одарило.

Всего-то лет пятнадцать прошло — и всё свершилось.

Вся разница: там рябчики, тут булка.

14 июня

Узнал, что скоро Андрею Реброву исполняется 60 лет. Решил написать о нём несколько строк. Но не хочется путаться в хвалебном панегирике. Лучше и о поэзии его, и о нём, как о человеке сказать простыми, понятными словами.

Всякой мемуарной лжи о русских литераторах за последние десятилетия чего только не написано. В воспоминаниях всё той же Белозерской-Булгаковой есть пересказ знаменитого письма Михаила Афанасьевича правительству СССР, к Сталину.

Оказывается, (во всяком случае с её слов) писатель не просил, чтобы его выпустили за границу. Вот что пишет Любовь Евгеньевна:

«По Москве сейчас ходит якобы копия письма М.А. к правительству. Спешу оговориться, что это «эссе» на шести страницах не имеет ничего общего с подлинником. Я никак не могу сообразить, кому выгодно пустить в обращение этот опус. Начать с того, что подлинное письмо, во-первых, было коротким. Во-вторых — за границу он не просился. В-третьих — в письме не было никаких выпяченных выражений, никаких философских обобщений. Основная мысль булгаковского письма была очень проста. «Дайте писателю возможность писать. Объявив ему гражданскую смерть, вы толкаете его на самую крайнюю меру... «Письмо», ныне ходящее по рукам, — это довольно развязная компиляция истины и вымысла, наглядный пример недопустимого смещения исторической правды...»

Далее бывшая жена писателя рассказывает о звонке И.В. Сталина М.А. Булгакову. Разговор вождя с писателем она слушала (по предложению самого Михаила Афанасьевича) через «отводные от аппарата наушники».

«Он говорил глуховатым голосом с явным грузинским акцентом и себя называл в третьем лице: «Сталин получил, Сталин прочёл...» Он предложил Булгакову:

«— Может быть, вы хотите уехать за границу?»

(Незадолго перед этим по просьбе Горького был выпущен за границу писатель Евгений Замятин с женой.) Но М.А. предпочёл остаться в Союзе».

Сколько же неправды и всевозможной фальсификации нас окружает. Тем более в сегодняшнее интернетное время.

Но вернусь к статье о Реброве. Я её написал и перед публикацией всё-таки решил показать Андрею (чтобы не обидеть его ненароком), сопроводив таким коротким письмом: «Решил не умничать, а написать человечески о Человеке. Вот что получилось. Если есть что не по душе — убери. Если совсем не нравится — публиковать не буду. Остальное, о моём отношении к тебе, — в тексте».

Андрей ответил быстро.

«Огромное спасибо. Статья понравилась. Если не возражаешь, потом пошлю её ещё по сайтам».

Ну и хорошо, раз моя писанина пришлось по сердцу юбиляру.

Ее очень-то мы расположены говорить друг другу добрые слова. Злословие много легче и быстрее вылетает из наших уст.

16 — 21 июня, Кунавино

Как же я рад вновь вернуться за рабочий стол — первая фраза, которая пришла на ум после того, как привезённые из города вещи были разложены по своим местам, открыто окно, и особый деревенский покой с пением птиц не ворвались, а вплыли в мою комнату.

Во время телефонного разговора вдруг пришла мысль: всё проходит — дожди и засухи, холода и зной, пожары и наводнения... Всё проходит, и во время этого движения неумолимо становится меньше и меньше огрызочек всякой индивидуальной человеческой жизни. Это-то больше всего, даже если не осознаём, нас и мучает.

Для разбега, перед намеченной работой взял полистать (да и вчитался) книгу статей и репортажей Константина Симонова и Ильи Эренбурга «В одной газете» (Издательство Агентства печати Новости. М.: 1984). Как понял — тут материалы писателей, опубликованные ими в 1941-1945 гг. на страницах газеты «Красная звезда». В предисловии составителя Л. Лазарева уточняется, что ряд статей Эренбурга, не имеющих названия (вместо заголовка стоит число их написания), писались им для зарубежных изданий.

«Рукописи этих статей были обнаружены уже после смерти Эренбурга, и на русском языке они впервые были изданы несколько лет назад, составив книгу «Летопись мужества»... В статьях Эренбурга 1942 и 1943 годов... самый большой вопрос во взаимоотношениях с союзниками: ... военные руководители западных стран тормозят и саботируют высадку армий на побережье Франции... что зарубежная пропаганда нередко очень преувеличивает и военные усилия союзников, и размеры их поставок Советскому Союзу. Он постоянно подчёркивает, что советский народ несёт главную тяжесть борьбы с фашизмом, что вклад союзников... не идёт ни в какое сравнение с теми жертвами, которые приносит... советский народ».

Я специально выписал цитату из предисловия 1984 года, чтобы показать, как со временем изменились в оценках национальные акценты.

Правда, я прочитал пока публикации самого трудного 1941 года, и всё-таки...

«Фраза «Победа будет за нами» ещё четыре месяца тому назад была газетной фразой. Она превратилась теперь в гул русских лесов, в вой русских метелей, в голос русской земли».

Так написал Эренбург 25 октября 1941 года. А так писал Симонов о том бое, над полем которого завещал развеять свой прах после смерти:

«Грозное русское «ура» совершенно неожиданно обрушилось на переправившихся через реку немецких солдат... многим поневоле пришлось всё-таки испытать на себе силу русского штыка» (5 июля 1941 г.).

И первый и второй в статьях и репортажах о стране говорят, как о России, а о солдате — как о русском солдате и совсем не упоминают СССР, советский народ.

Симонов пишет очерки «с места события» — о походе к румынскому берегу на подводной лодке, о бое полка прикрытия, о вылазке в составе группы разведчиков в тыл к немцам на Севере, о лётчике-ассе Коваленко, истребителе вражеских истребителей...

Эренбург — либо об оборонительно-тыловой службе противоздушного прикрытия столицы, либо статьи аналитическо-осмысливающего плана.

Здесь есть о чём поразмышлять и в наше время.

«Гитлер утверждает, что против России идёт «коалиция государств». Может быть, он спросил финнов, хотят ли они умирать за «Великую Германию»? Может быть, он осведомился, желают ли словаки стрелять в

своих братьев-русских? Нет, он приказал, и его наёмники — ...Муссолини, ...Тисо, ...Антонеску, ... Рюти не осмелились возразить».

Далеко ли это от утверждений и действий нынешних США?

Непостижимо, с какой точностью всё в истории человечества повторяется — как по раз и навсегда написанному сценарию. Только Россия в третьем десятилетии XXI века уже не та. Как сказал её президент: «Зубы выбьем, кто к нам полезет с желанием откусить от территории России».

Ну, да в сторону книгу, пора приступать к главному делу.

Как заметил Константин Симонов в статье, опубликованной 6 мая 1944 года в газете «Литература и искусство»: «Бывают писатели с неистощимой выдумкой — это хорошие писатели. Бывают писатели с неистощимым сердцем — это большие писатели».

И то, и другое — вершины мало кому достижимые.

17 июня

За прошедший вечер закончил эпизод в горном селении. Чего-то в этом отрывке не хватает, но сам ясно не понимаю, чего. Просят воспоминания о посещении гор Северной Осетии, но не улавливаю органичность их в контексте всего повествования.

После обеда постараюсь дальше пойти в рассказе. Собственно, впереди кульминация, с которой трудно будет справиться.

А пока вновь цитата из статьи Эренбурга, предназначенной для иностранных изданий (20 апреля 1942 г.).

«...На нашем огромном фронте английские и американские истребители и танки — это отдельные эпизоды. Достаточно вспомнить, что все заводы Европы работают на Гитлера. И Гитлер самолёты не коллекционирует. Гитлер не копит свои танки — его самолёты и танки не во Франции, не в Норвегии, они даже не в Ливии — они перед нами и над нами...

Накануне весны мы говорим о втором фронте как о военной мудрости и как о человеческой морали. Так мать, у которой все дети на фронте, глядит на другую — её дети дома...»

Это ответ из 1942 года тем, кто говорит, что победили немцев и общеевропейский фашизм США и Англия, а СССР только и был не разгромлен Гитлером потому, что ему помогали страны союзницы. Это свидетельство очевидца.

Всё-таки эпизод о поездке молодого тогда героя рассказа впервые в горы решил написать. Чувство искренней, глубокой любви в чём-то сравнимо с преодолением себя привычного, обыденного. Как это случилось в горах. Тут и попадание в непонятные, новые, неведомые обстоятельства, и преодоление физической сути всякого человека — в том числе эгоизма, эгоцентризма.

Но всё для него в итоге оказалось потерянным. Впрочем — это впереди.

18 июня

Который год на нашей черёмухе возле дома поёт соловей. Я уже отнущусь к нему, как к домашнему обитателю. Не знаю, сколько живут эти птицы. Вернее всего — это не один и тот же. Но вот чем-то особенно приглянулась черёмуха этому пернатому братству. Возможно, тем, что вместе с двумя рябинами, берёзой и разросшимися кустами сирени им сверху кажется, что перед домом моим маленький лесок. Все деревья, когда-то нами посаженные (кроме сирени), разрослись вольно, единой пышной кроной, высоко.

Всё продолжаю идти с Симоновым и Эренбургом (год за годом) по дорогам той страшной и Великой войны, совершенно иначе (фактами) начиная её ощущать, понимать. Словно прошлое никуда не ушло, не кануло в вечность, а продолжает обжигать чувства сокрытыми где-то между строк токами. И то, о чём спорят современные политики и политологи, ясно видится и понимается.

«Когда мы говорим «Россия», мы этим не выделяем того или иного народа. Слово «Россия» теперь не название государства, а нечто глубоко внутреннее, связывающее нас с нашей историей, Вторую отечественную войну с Первой, молодого красноармейца с Суворовым, колыбели детей с могилами предков (И. Эренбург. «О патриотизме» 14 июля 1942 г.).

Когда шёл от трассы к деревне и сумка с продуктами оттягивала руку, я в уме прикидывал, насколько легче мне будет отправляться в обратный путь: не будет того, оставляю в доме это. Но в какой-то момент напомнил себе: зато появится тяжесть стопки исписанной бумаги. Подумал так, и сразу радостно сделалось на сердце. Потому что был убеждён — стопка исписанной бумаги обязательно должна появиться.

И вот рукопись всё дальше и дальше продвигается вперёд. Растёт стопка перевёрнутых листов бумаги на столе слева от меня. Она уже имеет свой ощутимый размер и вес. Какое же ни с чем не сравнимое удовольствие держать её в руках, ощущая с каждым днём прибавления веса в ней. Уже не огорчает качество написанного. Главное — довести работу до конца. А уж там потрудимся, попытаемся рассказ привести в божеский вид, в удобочитаемый.

Сажу за столом. Передо мной открытое окно, в которое время от времени врывается порывистый, хулиганский ветерок. Сбрасывает листья с заметками на пол. Не сердясь, их опять поднимаю на стол.

За окном тихо, только птицы поют, да иногда зашелестит потревоженными ветвями сирень. Слегка колышется высокая трава и цветы. Что же ещё нужно для того, чтобы сосредоточенно и упорно работать.

Сегодня навёл порядок в верхней своей рабочей комнате. Впереди обещают жаркие дни. По вечерам можно будет писать там, у большого открытого окна, поглядывая на небо и на лесок за дорогой, да на то, как на верхних ветках незло повздорят воробьи — больше играя, чем чего-то деля или «выясняя отношения». Потом на черёмуху прилетит соловей, и уж не умолкнет долго, до полного захода солнышка.

Так хорошо, тихо, безветренно, что, сходяв к роднику за водой, отправился писать дальше в верхнюю комнату. И хорошо поработал, сочинив шесть страниц. Завтра, если что-то не помешает, должен закончить.

Пока писал, в открытое окно залетела и вылетела одна бабочка, затем две, после и вовсе три.

Интересно было за ними наблюдать. Они не терялись в комнате, а опять вылетали в окно точно по тому маршруту, по которому влетели. Прочие насекомые начинают биться в стекло, в стены, и чаще всего так и не находят выхода. А эти настолько разумно себя ведут, что трудно заподозрить их в отсутствии некой памяти.

Вспомнил, что здесь на стеллаже есть книжка «Атлас животных Нижегородской области для детей». Её подарил мне один из авторов (на обложке их указано трое) — Шустов С.Б. с надписью: «Глубокоуважаемому Валерию Викторовичу с добрыми чувствами и радостью от того, что понимающие «друг друга» люди всё-таки иногда находят «друг друга». А также — с искренней благодарностью и надеждами на дальнейшую творческую (совместную) деятельность. 6.05.2004».

Я помню, что какие-то материалы этого автора я публиковал, но далее наше общение развития не получило. Так вот, пока на подоконнике сидела бабочка, я нашёл её изображение в атласе (это, конечно же, «Дневной павлиний глаз»). А книжица-то хоть и не из дорогих, а занимательная. Только ящери, которую сегодня увидел у себя на веранде (читал книгу и краем глаза заметил, что будто что-то мелькнуло, посмотрел, а она застыла у стенки и вдруг в миг скрылась в незаметную щелку) описание я не нашёл.

Ирина сообщила, что Андрей прислал вёрстку № 69 с исправлениями и дополнениями. Тут бы мне тоже надо поспешить, завершить работу над журналом. Ну, да ладно, какое-то время это терпит.

Всё-таки удивительно, как разворачивается действие в рассказе. Ещё утром я представлял одно общение героев друг с другом, а за рабочим столом, по мере написания текста, вдруг ловлю себя на мысли, что они ведут себя совершенно иначе. И удивляешься этому изменению, и в то же время ничего не можешь поделать. В этом загадка всякого творчества. Возможно — главная. Рождённые тобой герои живут своей жизнью, чаще, отдельной от той, что уготовил для них писатель.

Молодые соседи привезли в деревню двух собак. Одна большая, сильная, чёрная и невероятно добрая. Со всеми играет, ко всем ластится. Она и у меня уже несколько раз попросила её погладить, со мной крутилась, пока я убирал с изгороди прогнувшую жердь, обошла со мной весь наш двор.

Другая маленькая, белая, с большими рыжими пятнами на спине. Если слышен в деревне лай, то это её голос. Но сегодня, работая за столом, увидел в окно, как она, играя, задирает большого пса. Рычит на него, хватая за пасть. Тот отпихивается, убегает, но маленькая — пристала, как репей. Кажется, чёрный пёс, с его-то пастью, мог играючи перекусить забяку, а вот не трогает. Та от безнаказанности только больше распаляется. Ну чем не пример для нас, людей?

Отдыхая от рукописи, прочитал очерк К. Симонова (всё из той же книги) «На старой смоленской дороге». Вот бы что прочитать перед немецкими парламентариями мальчику «Коле из Уренгоя», а не сочинение с сожалением о безвременно погибшем пленном немце. Сколько десятилетий прошло, а и теперь без слёз всё это узнавать невозможно. Почему этого очерка (или подобного ему) нет в школьных учебниках?

Быстро, быстро мы прощаем своих врагов, не давая им осознать своей вины перед Россией. Знаю, что повторяюсь, но в сердце-то кипит.

«Вот следующая за Вязмой деревня, овраг, в котором лежат ещё не закопанные, вчера только убитые старики и женщины. Одна из них лежит, закинув голову, судорожно прижав к груди убитого ребёнка».

«Они мстительно взрывали улицу за улицей, дом за домом, пока не взорвали всё — от первого и до последнего. И вот мы стоим на одной окраине города, и нам насквозь видны снежные поля, идущие за той стороной города — весь город виден насквозь, потому что его больше нет, он перестал быть городом».

Из таких страшных, жутких картин весь очерк очевидца — трупы расстрелянных, сожжённых, невинных русских людей. Никто за эти смерти так по-настоящему и не ответил.

Из статьи И. Эренбурга «Судьба Европы» (19 марта 1943 г.):

«Гжатск значится на карте, он значится в сердцах, но его больше нет на земле. По последнему слову техники вандалы — вандалы нашего века уничтожали город. Они взрывали толлом ясли и церкви... В районе половина деревень сожжена, уцелели только те деревни, из которых немцы убегали впопыхах под натиском Красной Армии. Мало и людей осталось. Шесть тысяч русских немцы угнали из Гжатска в Германию... По улицам города шли мальши двенадцати-тринадцати лет, подгоняемые прикладами: это немцы гнали детей в рабство. Порой угоняли целые семьи, целые сёла. Район опустел».

20.06. В 13 часов 50 минут закончил писать рассказ. Поставил точку. Непередаваемое облегчение.

МЧС прислало на телефон сообщение: «По данным Гидрометцентра 21-25 июня 2021 г. в Нижегородской области ожидается аномально жаркая погода». Встаёт вопрос — стоит ли возвращаться в город?

Продолжу выписки из статей Эренбурга.

«Если в других странах мы можем говорить о частном предательстве... то во Франции приходится признать наличие групповой измены. Верхушка французского довоенного общества оказалась частично

гнилой. Немцы наши изменников оптом; с дельцами, с генералами, с журналистами и с политиками» (10 августа 1944 года).

«Лейтенант Битти, командовавший десантной операцией в Сен-Назаре, был взят немцами в плен. Английское командование наградило лейтенанта орденом Виктории. Немецкий комендант лагеря, выстроив пленных офицеров, огласил приказ о награждении Битти... (этот эпизод Эренбург цитирует из газеты «Дейли Мейл» от 4 августа 1943 г. – В.С.). По словам газеты, он «горячо заплодировал».

И далее:

«Немецкий комендант поздравил Битти, что было джентельменским поступком».

«Русских военнопленных фашисты кормят отбросами, — продолжает Эренбург, — заставляют их руками собирать испражнения, подвергают их изощрённым пыткам» (13 августа 1943 года).

«Англия запретила детям до 16 лет смотреть фильм «Разгром немцев под Москвой»: зрелище виселиц, воздвигнутых гитлеровцами, и трупов замученных немцами признано для подростков безнравственным. Я знаю пятнадцатилетнего русского, он партизанит. Его мать убили, сестру изнасиловали... Описание фашистских зверств в России некоторые англичане и американцы считают безнравственным чтением» (13 августа 1943 года).

«Один наш батальон был сформирован из уроженцев Курской области... И вот пришли страшные известия. Лейтенант Колесниченко узнал, что его отец повешен в селе Медвинка. Мать капитана Гундерова немцы расстреляли. Красноармеец Бородин прочитал, что немцы замучили его мать и расстреляли двух братьев. Лейтенант Богачёв — расстрелян отец, убита жена. Красноармеец Луханин — расстреляна жена. Красноармеец Карнаузов — убиты двое детей и сестра. Красноармеец Барышек — расстрелян отец; дядя, не выдержав издевательств немцев, наложил на себя руки. Красноармеец Орехов — жена приговорена к повешению. Красноармеец Есин — расстреляны дядя, жена его и дочка. Красноармеец Бридин — убит племянник, пятилетний мальчик. Красноармеец Рыбалко — расстрелян зять. У девятиерых семьи угнаны в Германию. У тридцати двух дома сожжены. Это всё в одном батальоне». («Изгнание врага» 9 сентября 1943 г.)

«Передо мной секретное донесение командира Судетской дивизии генерал-лейтенанта Деттлинга. Записка озаглавлена: «Настроение местного населения». Вот что пишет немецкий генерал: «Подавляющее большинство населения не верят в победу немцев... Молодёжь обоёго пола, получившая образование, настроена почти исключительно просоветски. Она недоверчиво относится к нашей пропаганде. Эти молодые люди с семилетним и высшим образованием ставят после докладов вопросы, позволяющие сделать заключение об их высоком умственном уровне... Они читают ещё сохранившуюся советскую литературу. Эта молодёжь сильнее всего любит Россию...» («Душа России» 11 ноября 1943 г.).

21 июня

Не мог уснуть. Встал и вновь начал читать об ужасах войны. В два часа запели птицы. Сразу многие, разноголосые. Вновь решил попытаться уснуть, но в голове вертится что-то несуразное и совсем не относящееся к только что завершённом рассказу. Отсюда делаю невесёлый вывод — его герои не живут в моём воображении. Или пока не поселились в нём. Надо сделать передышку.

Сегодня должен приехать электрик, устранить неполадки в нашем щитке — попробую с ним вернуться в Нижний. Нужно завершать с номером «Вертикали» — тяготит.

Вчера перебрал некоторые книги наверху (искал роман Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» — нашёл) и натолкнулся на ряд тех,

о которых совсем забыл: в частности, Сергея Чупринина «Крупным планом. Поэзия наших дней: проблемы и характеристики» — сборник статей о поэтах, вышедший в «Советском писателе» в 1983 году. Интересно будет познакомиться с этой «доперестроечной» книгой автора.

С ремонтом электрик закончил быстро. Вместе едем в город. Парень он занятой, по телефону непрерывно что-то выясняет, даёт указания. Но вот утихомирился, начал меня расспрашивать: правда, что я писатель; как это вышло?

Немного ему рассказал о себе. У всякого свой путь в жизни. Он с этим согласился. В итоге довёз меня прямо до подъезда.

После душа и обеда ушёл в Союз писателей, завершать с выпуском журнала.

22 июня, Горбатовка

Новое сообщение на телефон: «По данным Гидрометцентра с 22 по 26 июня 2021 г. местами по Нижегородской области ожидается сильная жара 35 — 37 гр. С».

В Новостях говорят, что вчера в Москве отмечен самый жаркий день за всё время метеонаблюдений.

Целый день по главным телевизионным каналам передачи, посвящённые началу Великой Отечественной войны. Скорбь, которую мы так и не пережили. За восемьдесят лет.

Канцлер Германии Ангела Меркель в обращении к немцам сказала: «Для нас, немцев, этот день (начала войны — В.С.) повод для стыда». Она признала ответственность Германии за преступления нацистского режима. И тут же: о Крыме, преследуемой оппозиции...

В электричке листовая, временами перечитывая, тербил в руках книжку Анатолия Пафнутьева «О русской литературе». Издавал её в 2008 году. Обязательно нужно её опубликовать, с необходимыми сокращениями — убрать стихи автора, на страницах «Вертикали. XXI век», как теперь делаю с текстами В. Цветкова. Книжка издана мизерным тиражом, никто о ней не знает. А самостоятельные суждения Анатолия Ивановича стоят того, чтобы с ним познакомиться более широкая читательская аудитория.

Совсем поздно написал письмо Геннадию Щеглову (он верстал сборник) с просьбой найти файл набора. У него обычно всё сохраняется.

23 июня

В Чёрном море британский эсминец «Дефендер» в 11 часов 52 минуты на три километра вошёл в территориальные воды России у мыса Фиолент. Нашими военными эсминец предупреждён «о применении оружия в случае нарушения границы», но британские моряки не отреагировали. В 12:06 и 12:08 сторожевой корабль пограничной службы России открыл предупредительную стрельбу. В 12:19 бомбардировщик Су-24М произвёл предупредительное бомбометание по курсу движения эсминца. В 12:23 корабль-нарушитель покинул российские воды.

Военный атташе Посольства Великобритании вызван в Министерство обороны РФ.

Прослушав эту новость, Ирина произнесла: «Теперь Европа криком изойдёт».

— Напротив, — возразил я, — сделает вид, что ничего этого не было. Попытается избежать позора.

И ведь как в воду глядел.

В 15:28 Интерфакс сообщил: «В Лондоне утверждают, что российские военные не открывали предупредительный огонь. «Никаких выстрелов по кораблю «Дефендер» не было, и мы не признаём, что на пути его следования проводилось бомбометание», — говорится в пресс-релизе Министерства обороны Великобритании. «Корабль королевского военно-морского флота мирно проходил через украинские территориальные воды в

соответствии с международным правом», — утверждается в документе. По версии британской стороны, Россия вела в то время учебные стрельбы в акватории Чёрного моря, о чём заранее оповестила».

Теперь будем ждать публикации видео от нашего Министерства обороны с подтверждением произошедшего инцидента.

24 июня

Минобороны РФ выждало, пока власти Великобритании наговорят всевозможных глупостей, что их никто не вытеснял от Крыма, и опубликовало видео и о предупреждении английского корабля, и об открытии предупредительного огня.

Диву даёшься — как легко глут нынешние главы европейских государств. Знают, что им предъявят неопровержимые доказательства — и всё равно...

Неделю восстанавливаются прибрежные города Крыма после прошедшего невиданного ливня. Сели с гор и вышедшие из берегов речки забили грязью и мелким камнем улицы, спрятали под собой автомобили, дома, дороги и улицы. В Ялте сейчас вывозят эту грязь, но конца ей не видно. Нарушено водоснабжение населения. Много всего мелкого разрушено.

Почти все руководители Украины выразили по этому поводу большую радость. «Вы просили воду для Крыма, вот и получите».

25 июня

В России по зараженности вирусом всё возвращается «на круги своя». Обновлён рекорд января этого года. Количество заболевших людей в сутки перевалило за 21 тыс. случаев. Нет прошлого ажиотажа, страха, тотальных ограничений, но с эпидемией справиться никак не удаётся. Бесконечно призывают граждан России прививаться — в каждой телевизионной программе, в каждом выпуске новостей.

27 июня

Позвонил православный человек, с которым сотрудничаем по печатанию «Вертикали. XXI век». Озабоченно спросил, сделал ли я прививку от коронавируса. Увы, но пока всё тяну, никак не соберусь. Тогда он начал пересказывать все мракобесные страшилки, каких огромное количество размещено в интернете. Мои возражения, что предполагаемое им «скрытое чипирование людей» — вне логики сегодняшней России. Да и не чипирование, а совсем иные, вне зависимости от человека технологии слежки за ним и уничтожения его могут применяться (цифровые технологии с невероятными темпами развиваются в мире) — эти возражения на моего собеседника не действовали.

А ведь именно для того, чтобы исключить все неожиданности, в России сразу было заявлено: никаких зарубежных вакцин использовано не будет, только отечественные, которые сами создадим.

И по поводу уничтожения людей. Всячески стимулировать рождаемость, выплачивать на это огромные деньги из бюджета, призывать соотечественников вернуться в Россию, чтобы затем этих людей уничтожать? Зачем такие сложности. Легко вернуться к социальной политике 90-х годов прошлого века, когда население страны сокращалось на 1 млн в год — и проблема будет решена, мы придём к тем цифрам, о которых мечтали на Западе — 30 млн человек будут населять наши огромные просторы, чтобы только добывать и транспортировать для золотого миллиарда полезные ископаемые.

Конечно, с вирусом, с вакциной остаётся много непонятого, неясного. Но упрекать современную власть в России в людоедских наклонностях всё-таки нет никаких оснований. Так мне кажется.

29 июня

Теперь капитан фрегата ВМС Голландии рассказал прессе, как 24 июня они шли в направлении к Керченскому проливу и над ними «в опасной близости» стали летать самолёты России. Это издевательство над голландцами продолжалось пять часов. Истребитель Су-30 и бомбардировщик Су-24 имитировали атаку на фрегат, средствами электронной защиты, отключали на корабле электронику. (Это всё со слов капитана фрегата.) Корабль отвернул от нашей границы, пошёл прежним курсом, только тогда наши самолёты его оставили в покое.

«Но нас не запугать», — заявил капитан убежавшего от границы России фрегата.

Инцидент произошёл на следующий день, после провокации англичан, однако обнародован голландцами только сегодня.

Вчера в акватории Чёрного моря, в районе Одессы и Очакова, начались двухнедельные учения — США, Украины, Великобритании, Турции и других стран. Подаются они как нечто грандиозное.

Из романа «Волга впадает в Каспийское море» Бориса Пильняка:

«Коломна пребывала во мраке и пустоте, на окраинах выли псы, поэты русской провинции». Написано это в непростое время 1929 года.

Сегодня листал книгу о Евгения Юшкова «Последняя тетрадь», написанную тоже в непростое время 2016-2017 гг., и вычитал: «Итак, Валерий Викторович Сдобняков ровно и твёрдо ведёт корабль под названием «Вертикаль. XXI век», на который как-то незаметно, как бы ненароком, посадил и меня... Надо же! И мы, выходит, что — плывём? И уверены — в правильном направлении. Ориентиры-то опробированы, и эпиграфы тверды, потому что Апостольские: «сеющий в дух от духа пожнёт...».

Никакого «воя псов», никакого душевного угнетения, иллюстрируемого Борисом Андреевичем этим «воем», а ясное понимание своего пути, своего дела в жизни.

В романах, что прочитал в последнее время (Л. Леонова, Б. Пильняка), повестях (В. Вересаева) невероятный порыв, жертва в построении нового социального мира. Но в них же как бы дана и перспектива будущей катастрофы, которую пережили мы, шестьдесят лет спустя. Катастрофу душевного, духовного сиротства. Словно об этом и выли собаки.

Только обратившись к духовному опыту, пережитому за века поколениями наших предков, мы находим, обретаем истинное родство и с этим миром.

30 июня

Над городом, после десятидневной за тридцать градусов жары розовый закат. Небо отчасти затянуто облаками, но это не мешает городу за Окой, его части по откосу, на Дятловых горах, превратиться в розовую сказку, в которой всё — и зелень откосов, и бетон лестниц на этих склонах, и дома по Гребешку — подёрнуто розовой пеленой: лёгкой, словно впитавшейся во всё за рекой, да и в саму реку.

Миг... и реальность превращается в сказку.

1 июля

Звонок незнакомого мужчины. Голос совсем пожилого человека. Сегодня умер Евгений Галкин. После инсульта, долго не приходя в сознание, он пролежал в больнице, и вот сегодня жизнь Евгения Ивановича оборвалась.

Впервые пришло ясное осознание того, что круг довольно давних знакомых стремительно сужается, словно тает время, и вместе с ним исчезают небезразличные мне люди. И это для сердца всё беспокойнее и больнее, тревожнее.

О Галкине я услышал, узнал, а потом и с ним самим познакомился при начале издания «Вертикали». В своё время связанный с областным комитетом комсомола, служивший офицером в пожарной охране и т.д.

Пиком его карьеры стали 90-е годы. Евгений организовал тогда юридическую фирму, стал представлять интересы своих клиентов в судах. Из появившихся свободных денег помогал художникам и поэтам. Об этом оставили устные воспоминания его друзья.

Мы познакомились, когда у Галкина ни фирмы, ни свободных денег уже не было. Но осталась неизменная страсть к собиранию всего, что связано с жизнью и творчеством А.С. Пушкина. На эту тему он писал крайне редкие статьи для местных газет. Но именно при мне он начал выпускать серию своих книг, посвящённых А.С. Пушкину. Первые две пришлось издать за свой счёт («Пушкин в былях и небылицах», «Игра несчастливой родит задор. Картёжник Пушкин» — 2012 г.), последующие финансировал Пушкинский музей Большого Болдина. Там эти книги и продавались: «Верное эхо пушкинских строк», «Способ благопристойной независимости. Деньги в жизни Пушкина», «Досье на Пушкина», «Персоны Пушкинской поры», «Пушкин, как зеркало», «Нижегородские вёрсты, дни и труды А.С. Пушкина. Эпистолярный дневник Поэта (с дополнениями и комментариями)».

Самая последняя книга Евгения Ивановича «Нижегородское досье на Пушкина. Популярный краеведческий словарь» вышла в свет в 2019 году в издательстве «Вертикаль. XXI век» вновь за счёт средств автора.

Ну, а последняя им подготовленная работа — именной указатель, составленный Евгением Ивановичем после прочтения трёх томов моей книги «Искры потухающих костров». За что я его искренне благодарю.

Несколько статей Евгений приносил в журнал. Они появились на страницах «Вертикали. XXI век». Именно он принёс машинописную рукопись книги неизданных стихов пушкиноведа профессора Грехнева. Совместно с Евгением подготовили и опубликовали большую подборку из этих стихов. Именно я всё сделал для того, чтобы Галкина приняли в члены Союза писателей России.

Мне нравилось выпивать с Евгением Ивановичем — правда, этому минуло уже лет десять. И хоть случаи эти можно пересчитать по пальцам, но вот запомнились. Может, оттого, что всё происходило зимами, когда хочется тепла и для тела, и для души. Потому тянуло в тепло кабачка. А выпить — для душевной беседы. Он, как и я, любил при этом прогуливаться по городу, заходить в недорогие кафе или распивочные, брать сто граммов водки с немудрёной закуской, выпивать и идти дальше, не торопясь разговаривая. Галкин не был спорщиком, напротив, довольно добродушным человеком. В деловых вопросах он был собран и обязателен. Потому и ввязался в работу при создании новой партии М.С. Горбачёва — теперь уже не помню, как она называлась. Кажется, в её названии было что-то социалистическое — входил в какие-то руководящие её структуры.

Судьба Евгения — показатель ушедшего времени. Он родился 10 апреля 1947 года в деревне Михайлово Гагинского района. С моим отцом они настоящие земляки. Четыре курса отучился на историко-филологическом факультете Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. После закончил Всесоюзный юридический заочный институт. В Горьковском обкоме ВЛКСМ (комсомола) руководил стройотрядами, работал (как мне рассказывал) инспектором в пожарной охране, в новые времена возглавлял собственную юридическую фирму.

Любовь к А.С. Пушкину Галкин пронёс через долгие годы. Собираал книги, публикации, картины и всякое другое, связанное с именем гениального поэта. А в итоге безвозмездно подарил всё собранное Пушкинскому музею в Большом Болдино. Когда мне попадало в руки то, чего ещё не было в коллекции Евгения Ивановича, я тоже приберегал для него и при случае отдавал.

Но было у него и ещё одно увлечение — протопоп Аввакум. В итоге Евгений собрал и издал «Словарь языка Аввакума».

Последние года он болел. Появилась сильная одышка — задышался, пройдя совсем небольшое расстояние. Плюс к этому обнаружилась онкология.

Кажется, совсем недавно мы говорили с Галкиным по телефону, хотели встретиться, если он станет немного лучше себя чувствовать... и вот горькая новость.

Многих близких знакомых потерял я за прошедший год. И всё больше и больше становится ощущение, что завершается в Нижнем Новгороде в его значительной части культурной составляющей — писательской, журналистской, художественной, театральной — «советская эпоха», оставляющая после себя глубокий след делами и судьбами творцов, памятью ими прожитого и пережитого.

Прощай и ты, дорогой Евгений Иванович. Никакие слова не уймут смятения от этой потери в моей душе.

Для своего блога, чтобы проиллюстрировать прощальное слово с Евгением, искал в компьютере фотографию Галкина. Он один из немногих писателей, кто приходил на творческие встречи коллег, вообще с интересом откликался на подобные приглашения. Евгений Иванович был любопытен до всего нового, происходящего в городе. При этом оставался скромен и почти незаметен. Вот и на фотографиях он везде где-то сзади, на периферии, случайно запечатлённый фотографом. Это ли не дополнительная характеристика к образу человека?

4 июля

Иду давно нехоженым маршрутом: через Канавинский мост к Благовещенскому монастырю и вдоль Оки до Молитовского моста.

Жарко, но спасает подгоняющий в спину ветерок. Думается всё об одном и том же — только когда у человека окажется позади основная часть жизни, он в состоянии понять, насколько она быстротечна и коротка.

И в днях раздумий
Шумит ветрами осень,
Расшвыривая
Мой душевный листопад.

Это из одного из стихотворений Евгения Анатольевича Расторгуева. Я готовлю подборку для 70-го выпуска «Вертикали», беру стихи из подаренной художником мне в Москве, в мастерской, самиздатовского сборника. В книжице все тексты обращены к памяти о прошлом. Двадцатые годы для него, это всё равно, что для меня шестидесятые. Так время при нашей встрече соединилось длиной в век.

На нашей ёлке,
В детстве –
Наивные игрушки:
Конфеты,
Фантики
И погремушки,
Ландрин, завёрнутый в кульки,
.....
и маски, сделанные из бумаги,
И цепи,
Ленты
И банты
То красные,
То голубые,
А на вершине – яркая звезда...

Не будет меня, но всё так же будет течь Ока, а на Новый год будут наряжаться ёлки (только искусственные, синтетические), которые станут украшать по моде новых наступивших времён. Ничем не отличающиеся от нас люди, со своей радостью и грустью, с опытом прожитых лет, с грузом памяти прошлого...

5 июля

Вот и завершена работа над видео повести «Колька». Когда всё началось, никак не думал, что это потребует столько времени. Теперь произведение займет свою особенную судьбу — не только читательскую, но и зрительскую. Насколько будет увидено и услышано — предсказать невозможно. Плохой я ему в этом помощник. Однако, всё созданное по промыслу Божьему — не пропадает, остаётся людям.

Что-то невероятное продолжает твориться с погодой. После дождей вновь топят набережные Крыма и особенно Краснодарского края — с разрушениями и (в Сочи) с жертвами. Разбухшие реки сносят дома, уносят в море легковые автомобили, людей. Телевидение показывает апокалиптические кадры разрушенных дорог, поваленных деревьев, перекрытых для движения мостов.

Поток смыл мальчика, двое мужчин бросились его спасать. Позже всех троих нашли погибшими. От таких новостей сжимается сердце.

Сегодня умер режиссёр и актёр Владимир Меньшов, снявший «Москва слезам не верит», «Любовь и голуби» и сам снявшийся в ста фильмах. Совестьливый русский человек, поднявшийся из низов глубины России. Две недели проболел коронавирусом. Владимиру Валентиновичу шёл 82 год.

6 июля

На Камчатке разбился пассажирский самолёт Ан-26. Погибли 28 человек. Среди них двое детей. Воздушное судно не долетело до посадочной полосы четыре километра. Трагедия произошла на том же месте, где и подобная в 2012 году. Тогда при падении Ан-28 погибли 10 человек.

Американцы в спешке покидают Афганистан. Кадры брошенной авиабазы Баграм впечатляют: оставлены сотни автомобилей, оружие, броневики, склады всякого имущества — от мебели и обмундирования до продуктов питания и напитков. Боеприпасы, — гранатомёты и снаряжённые патронами ленты для пулемётов. Да чего только нет на этой огромной территории.

Талибы взяли под контроль 900-километровую границу страны — с Таджикистаном, Узбекистаном, Туркменией. Появились в сети видеозаписи: бьют палками женщин, укутанных в паранджу — наказание за то, что вышли из дома без сопровождения мужчин; вышедших сдаваться солдат правительственной армии тут же расстреливают...

7 июля

Ночью на резиденцию президента Гаити Жоневеля Моиза совершено нападение. Глава государства убит.

8 — 13 июля, Кунавино

Утром в Союз писателей о. Евгений Юшков с помощниками привёз картины Г.А. Скотиной. Одна большая на подрамнике (её сразу повесили на стену в зале собраний), три холста скручены в рулоны. Пока не очень понимаю, как тут навести порядок. Кого-то просить, чтобы натянули холсты на подрамники?

Проехали с Юшковым на площадь В.И. Ленина. Тут скульпторы из разных городов (Уфы, Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Белоруссии) работают с камнем, вырубая скульптуры, которые затем установят на набережной у Речного вокзала (так, вроде бы, решено главным архитектором).

Я и раньше видел, когда только завезли на площадь каменные глыбы. Догадался, что для городской скульптуры. Затем за работу принялись скульпторы, и к памятнику В.И. Ленина было не пройти — белая пыль маревом стояла над площадью, покрыла её плиты.

Сегодня предпоследний день, отведённый для работы. Завтра торжественная приёмка. Некоторые скульпторы и вовсе уже уехали. Но наш Сергей Мальков что-то поправляет, стучит молотком по зубилу (или как там у них называется этот инструмент). Композицию назвал «Вперёд смотрящий»: Мальчик на стуле с биноклем. Рядом девушка из Москвы создаёт, как я понял, что-то наподобие дерева. Любопытно. На площадке есть скульптуры авангардистского направления (но этим не раздражающие, несущие в своей замысловатости некое обобщение, зарождающие фантазии для зрителя), есть сугубо реалистические. Нужно бы всем этим по-хозяйски распорядиться.

В деревенском доме прохладно. Вошёл в него — словно в иной мир окунулся, где тишина, книги, стол у окна ждёт, соскучившись по работе. Но сегодня мне писать не хочется. Лучше поборюсь с травой у веранды.

Под солнцем, обливаясь потом, выдёргивал из земли высокие стебли крапивы, каких-то колючек. Срубил лопатой единственный разросшийся допух с уже засветившимися бутонами цветков...

Такое ощущение, что в этот раз ничего писать не стану. Тянет прожить дни другой жизнью — у земли. Освободить от дурнотравия кусты смородины, стволы яблонь, редкие оставшиеся цветы. Дать участку волю июльского солнца.

Из последней статьи Ильи Эренбурга в книге «В одной газете...»

«Недавно Франция отметила трауром годовщину уничтожения Орадур-сюр-Глин. Президент Бенеш выезжал на пепелище Лидице. Я думаю о наших Орадурах, о наших Лидице. Сколько их? Если пойти из Москвы на Запад, к Минску, или на юг, к Полтаве, или на север, к Ленинграду, увидишь повсюду развалины, пепел, могилы... И повсюду уцелевшие жители будут рассказывать о том, как качались на виселицах старики, как матери пытались спасти младенцев от палачей, как горели дома с живыми людьми...

После Первой мировой войны Западная Европа жаждала одного: забвенья... Уже Дуче готовился к захвату Рима, уже показался Шлагеттер и немецкие путчисты... а люди, жаждавшие быть обманутыми... восклицали: «Войны больше не будет!» (...) В те годы на стенах Парижа можно было увидеть «человека с ножом в зубах». Русские тогда считались варварами, жаждущими уничтожить цивилизацию, а фашисты — шаловливыми, но благородными юношами. Болезнь роста. (...) Нужно помнить, что путь в Освенцим лежал через Мюнхен» (16 июня 1945 года).

Читаешь такое, и жутко становится от закономерности повторения истории, которая, увы, ничему не учит.

Можно не гадать, а с уверенностью утверждать, что нас ждёт впереди.

9 июля

Вот уже много-много лет, когда тяжело даётся сон и приходится долгое время крутиться в кровати, переворачиваясь с одного бока на другой, в памяти, в глубине сознания возникает одна и та же картина: солнечный день, одинокая берёза в поле. Это дерево росло (а может, и сейчас растёт) в той части поля, что с двух сторон окружало нашу деревню, которая уходила в сторону просеки, ведущей в совхоз. Поле было засеяно многолетней травой, которую съедали стада коров, сюда пригоняемых из совхозных скотных дворов.

Но постепенно скот в совхозе исчезал (наступили 90-е годы), поля дичали и в итоге заросли березняком и молодыми соснами — самосевом, хаотично. В прошлых записях я упоминал, как не узнал дорогу в совхоз,

немного попутал, сбившись, пока не вышел на просеку, которая мало в чём изменилась.

Всё это будет позже.

Мне вспоминается поле вольным, а на нём одинокая, «коренастая», крепкая берёза. Единственный раз, выйдя из леса всей семьёй, мы подошли к ней. Берёза оказалась на нашем пути. Девчонки мои тогда были совсем маленькими. Под деревом мы устроили что-то наподобие привала — недолгого: вытряхнули из обуви набившуюся туда хвою, поправили одежду, посидели в теньке...

Да, у берёзы я был всего один раз, но видел её множество раз: и идя в совхоз за молоком; и проходя на автобусную остановку, чтобы ехать к городской электричке; и отправляясь на рыбалку — на мыску у леса было мною облюбованное место, тут озеро сходило на нет, болотилось, зарастало осокой... Душа моя будто как-то связана с этим случайным деревом.

Нет в этой связи ничего конкретного. Однако, появляется оно в моём сознании, и душа откликается далёким, размытым затаённым беспокойством. Конечно, времена тогда (это я о вспомнившемся сейчас времени) для меня наступили непростые... А когда они были простые?

Уходя от видения этой берёзы как бы в разные временные стороны, везде ощущаю беспокойное душевное томление. Вся жизнь — ощущение неясной горечи, которую не объяснить и не осмыслить, в каком бы ты возрасте не находился. Но для меня невольной точкой этого душевного томления является видение в памяти одинокой берёзы в давно исчезнувшем поле у нашей деревни.

Подспудно думал об этом даже тогда, когда на чердаке с большими мучениями, в неудобстве (ни встать в рост, ни опереться плечом) и много десятилетней пыли изнутри пытался поправить поехавший вниз навес карниза. С разными выдумками, ошибками и их исправлениями навес я поправил. Одному пришлось поднимать его распорками: постепенно увеличивая высоту, подкладывая чурбачки; забивать между нижним толстым бревном и несущей всю основную тяжесть жердью выпиленные из досок небольшие распорки. Когда вылез из темноты и духоты в верхнюю комнату, вельветовая рубашка на мне была полностью сырая.

Прежде чем пойти на озеро (искупаться, смыть с себя пот), после обеда ещё почистил участок у веранды, попутно полакомившись чёрной и красной смородиной, малиной. Решил — каждый день стану есть ягоды. Что же они из года в год пропадают почём зря.

В озере блаженствовал на закате. Сверху вода тёплая, прогретая, так я её специально взбаламутил, чтобы снизу проточная прохлада поднялась. Купаться с дамбы этим и хорошо — сюда скрытая речка приносит свои не слишком обильные воды, чтобы уронить их, перелившись, в бетонный колодец под дорогой.

Днём почитывал, да и перед сном себя занимал «Оводом» Этель Войнич. И этого произведения, как оказалось, толком не знал. В советское время нас всё склоняли при чтении «Овода» к революционной и антиклерикальной сути романа. Однако в книге не всё так просто. Ну, да об этом напишу после, дочитав текст до конца.

10 июля

Умер Андрей Стариченков. Невозможно, не хочется в это верить. Сколько же этот ковид уносит человеческих жизней!

Перед моим отъездом мы разговаривали с Андреем об окончании вёрстки 69-го номера «Вертикали. XXI век». Он уже был в больнице, домашнее лечение под наблюдением участкового врача закончилось госпитализацией. Поражение лёгких не очень значительное, но Андрей обмолвился о возникающих неудобствах по поводу диабета. И всё-таки чувствовал он себя неплохо, температуры не было. Я уехал в деревню

чувством, что максимум через неделю он из больницы выпишется. И вот такой стремительный итог.

Теперь я понимаю радость врача из 2-ой больницы, когда она сообщила, что предыдущий врач случайно подобрала тот антибиотик, который остановил развитие бактериологической инфекции в моих лёгких. Больной может ничего не чувствовать, не понимать опасности, а в нём стремительно набирает мощь бомба, которая внезапно убивает жизнь.

Мы познакомились с Андреем Стариченковым, когда он работал в Братстве св. Александра Невского. Об этом наверняка есть записи в моей книге «Искры потухающих костров». Особой товарищеской близости между нами не было, но общение наше было хоть и не частым, но доброжелательным. У меня сохранился сборник стихов Стариченкова, который он мне подарил в день крушения небоскрёбов торгового центра в Нью-Йорке. Я тогда по какой-то надобности оказался в Братстве.

Андрей закончил Нижегородский государственный университет, работал в газете, поступил в Литературный институт им. М.Горького, но не закончил его.

Изредка я обращался к нему с какими-то мелкими просьбами по нуждам журнала — срочно что-то отсканировать, поправить в вёрстке, подготовить деловую бумагу (это чтобы не терять время на поездку в свой офис — Андрей работал рядом с моим домом, на Стрелке). В один из таких случаев он и предложил прочитать повесть, написанную им о своём детстве. Я заинтересованно согласился и довольно быстро прочитал свёрстаный в виде книжки текст.

Повесть мне понравилась. Пожалуй, она была не совсем художественна, тут больше сказывалась рука журналиста, однако язык её чист, грамотен, аккуратен. Жизнь мальчишки в центре тогдашнего города Горького, на улице Минина. Она мало чем отличалась от моей, но ведь никто о том времени так по-настоящему и не рассказал — о нашем горьковском детстве.

Я сказал Андрею, что готов напечатать его произведение в двух номерах журнала. В ответ попросил его помочь с вёрсткой этих номеров — тогда с деньгами совсем было плохо. Стариченков с готовностью согласился. С тех пор наше тесное сотрудничество не прерывалось. В журнале опубликованы и лучшие избранные стихи Андрея, и все его новые статьи и рассказы. Он, безусловно, обладал талантом критика, полемиста, биографа. Рассказы его большей частью также сводились к полемике. К сожалению, написанного им не так много.

Стариченков привлёк к сотрудничеству с «Вертикалью. XXI век» свою супругу Елену Труфанову — журналистку, несомненно обладающую талантом прозаика. Из номера в номер мы публикуем её рассказы обострённо социальной тематики.

Как и большинство одарённых людей, Стариченковы скромны и доброжелательны, отзывчивы и начитаны. Андрей и вовсе без книги не бывал. Я сам у него брал для чтения наиболее интересное из современной прозы. Стариченков за этим следил, захаживал в книжные магазины, покупал. Как-то он зашёл ко мне в рабочий кабинет радостный — наконец-то купил давно разыскиваемую им книгу. Такого человека невольно определяешь, как «родного по крови» (литературной). Теперь его нет.

Не могу не думать о смерти Андрея. Так она неожиданна. Так горько осознавать это.

Поздно вечером Татьяна Антипова прислала сообщение на телефон: «Андрею в справке о смерти поставили причину ковид и инфекционная пневмония, а ещё перитонит. В последние дни он упал духом, перестал бороться за жизнь...» В какие «последние дни», если я с ним недавно разговаривал и ничего подобного в его словах не заметил.

Перед сном ходил на привычное место искупаться. Там гурьба мальчишек: прыгают с дамбы, ныряют, стараются друг друга подбросить из воды, хотя силёнок для этого не хватает.

Один, увидев, что я раздеваюсь, спросил:

— Вы к нам? А чего с дамбы не ныряете.

— Боюсь. Когда был в таком возрасте, как вы — нырял. Теперь так не делаю.

Вошёл в воду, отплыл от мальчишек, наслаждаясь водой, смывающей с тела пот (до этого потрудился у дома). Вернулся к дамбе. Ко мне подплыл всё тот же паренёк. Начал показывать, какая в этом месте глубина, уходя под воду вместе с поднятыми вверх руками.

На вопрос, люблю ли я купаться, ответил ему, что теперь редко это делаю.

— Я постоянно купаюсь.

— Так чем же тебе сейчас ещё заниматься.

— Почему, у нас много дел. Я сегодня в поле окучивал (видимо — картошку), траву полон.

Я поплыл к берегу.

— А быстро, вот так вы умеете плавать?

— Умею.

Подплыв к дамбе, встал на уходящее под наклон бетонное основание плотины. Вода по грудь.

— Давайте, мы вас обрызгаем.

— Ну, если хочется — брызгай.

Несколько раз он ударил ладошкой по воде, обрызгав мне спину и плечи.

— Нет, лучше бурление.

Руками под водой он начал работать «винтом», но быстро устал. Я поблагодарил и вышел из воды, и мальчишки тут же обо мне позабыли. Один стоял на плотине, укутавшись в рубашку, и трясся. Другой, рыженький, в веснушках, плавал невдалеке — не очень смело. Третий, немного постарше остальных, единственный имел на шее серебряную цепочку с крестиком и образком.

Я услышал, как кто-то из мальчишек его спросил, приглушив голос:

— Ты верующий?

Пока одевался, стал невольным свидетелем, как ребятня уговаривается, кто кого повезёт на багажнике велосипеда. На берегу лежало всего два велосипеда, а мальчишек купалось человек шесть-семь.

Уходил от них по белой, пыльной, в высохших яминах остывающей к вечеру дороге к своей деревне — всего-то метров пятьдесят от дамбы. Меня приятно, что повстречал мальчишек. Неясную отраду, после получения горького известия о кончине Андрея Стариченкова, вселила эта встреча в моё сердце. Ненадёжное, на час-другой, успокоение.

Но дома всё вернулось. Теперь предстоит жить и с этой памятью.

11.07. Написал текст короткого извещения о смерти Стариченкова для 69-го многострадального номера. Надеюсь, наконец, завершить его вёрстку в «Радонеже».

«Когда этот выпуск был практически полностью свёрстан, нас постигла горькая утрата — ушёл из жизни наш товарищ, знаток отечественной и зарубежной литературы, прозаик и замечательной души человек, много и бескорыстно сделавший для нашего издания — Андрей Игоревич Стариченков. Этот номер «Вертикали. XXI век» мы посвящаем его памяти».

Ирина, позвонив, рассказала о присланном Таней эссе. Это работа, которую она написала на английском языке для сдачи экзамена в норвежском университете. Тема — сохранение на планете (в частности в Бразилии) лесов, как неотъемлемой части экосистемы Земли, и связанные с этим социальные проблемы. Всё это уяснил из вступления, которое по телефону прочитала для меня Ирина.

Я рад, что Сдобнякова-Стенерсен становится автором моего журнала.

В это время боролся с травой на дальнем участке. Заросла ею земля немилосердно, высотой чуть не в человеческий рост. Уминал её у яблонь,

пробивался дальше, к посаженному нами с Ириной когда-то леску. Теперь там не лесок, а полноценный лес (и это-то из крохотных, вкопанных в землю ростков сосен и елей), под которым никакой травяной волюности.

Можно сказать — эти мощные стволы доказательство, свидетельство мною прожитых лет. И вот весточка от Тани. Тоже «подросший лес» — дождался, что дочь стала полноценным автором «Вертикали. XXI век».

Дополнение об А. Стариченкове. Спорщик он был безудержный, ярый. При первой возможности бросался в словесную схватку. Чужое мнение выслушивал, только пересилив себя. Самого его остановить было сложно. Но когда стали чаще встречаться, делиться мнением о прочитанном (повторюсь — нас сблизил журнал), мы легко преодолели эти разногласия в общении, давая возможность высказаться друг другу в равной степени.

Во многом наши оценки совпадали. Разногласия были крайне редки и не становились препятствием в уважительном отношении друг к другу.

Я безмерно благодарен Андрею за работу над вёрсткой моих книг, вышедших в 2019-2020 годах. А объём работы тут не маленький — три тома «Искры потухающих костров»; «Записки истерзанного времени» и «Когда душа плачет»; «За тайной гранью». Стариченков в это время оказался без работы. У меня с деньгами не лучше. И, тем не менее, когда разговор коснулся оплаты, Андрей сказал: «как в церковную кружку — сколько можешь, столько и заплати». За двадцать лет моей издательской деятельности — редчайший случай.

12 июля

О реалиях сегодняшнего времени.

Звонок А.М. Коломийца. Он перевёл книжку стихов украинского поэта Григория Коваля. Когда-то поэт был его учителем в Ужгороде, в обыкновенной школе, преподавал литературу. Впоследствии переехал в Киев, стал известным литератором, на родине которого в нынешней Украине создали музей поэта. Алексей Маркович связался с человеком, возглавляющим музей, договорился о посылке туда книжки Коваля в своём переводе. И вот бандероль вернулась назад. Она была вскрыта на таможне, по всей видимости, проверена и возвращена отправителю. На бандероли стоит штамп: «Мытня».

Вчера вечером после купания перебирал книги на стеллажах верхней комнаты, натолкнулся на сборник статей и выступлений Нины Андреевой «Неподаренные принципы» (автора, когда-то в перестройку прославившегося статьёй «Не могу поступиться принципами»). Книга вышла в 1993 году — оказывается, в моей библиотеке есть и такой том.

Заглянул на свою пометку на последней странице: «2 мая 1996 г., пл. Минина». Вспомнил — тогда у подземного перехода, что ведёт к кремлю, частью продавали за бесценок, частью раздавали бесплатно газеты и иную литературу местные коммунисты — старики и старушки. Стал перелистывать 350-страничный сборник (и автор, и то время — всё кануло в прошлое, оставившее невероятно горький, кровавый след в истории страны, её разрушения и разграбления) и тут натолкнулся на заголовок статьи «Антикоммунизм — дорога к реакции и фашизму».

В этом автор прав, подумал я, в первую очередь имея в виду Украину последних семи лет. Начали с запрета компартии, сожжения её офиса в Киеве, сноса памятников Ленина, а закончили нацистскими батальонами, свастикой, факельными шествиями, памятниками фашистским палачам и т.д. Это произошло стремительно. Ну, и в лучших традициях за «умы народа» — борьба с книгами, особенно если они написаны на русском языке. Статья же Н. Андреевой 1990-го года начинается так:

«Сегодня все мы являемся свидетелями крайнего обострения классовых и национальных противоречий в нашем обществе. Ежегодно более 40 тыс. человек становятся в СССР жертвами политического, хо-

зайственного, националистического бандитизма, сотни тысяч получают ранения, увечья, теряют здоровье и трудоспособность. Ежегодная трагическая цена «перестройки-расстройки» во много раз превышает людские потери многолетней афганской войны. В экономическом отношении реставрация капитализма в целом уже обошлась советским людям дороже Великой Отечественной войны. Не случайно на Победу советского народа в этой войне «жёлтая» пресса торопится вылить ушаты грязи и лжи. Всё больше и больше борьба... в стране приобретает содержание и методы гражданской войны. Все потуги М.С. Горбачёва и его окружения предотвратить... эту схватку являются половинчатыми, обременёнными оглядками на Запад, который шантажирует нас такими санкциями, как снижение продовольственных поставок и «помощи перестройке». Кровь продолжает литься во всё возрастающих масштабах».

Но главные разрушения, главная кровь, главные смерти и главные санкции Запада были ещё впереди. Впереди были такие события, которые не мог представить никто из тогда живущих в СССР. В том числе и непрпускание на территорию независимой Украины книг хоть и украинского поэта, но изданных на русском языке.

13 июля

На дальнем участке устроил лесоповал. Два дня вырубал всяческий древесный мусор, который вольно разросся и ввысь и вширь, пользуясь невниманием к этой земле хозяина. Во второй половине нынешнего дня устал до невозможности. Да ещё жара беспредельная.

Закончил трудиться, ушёл в дом. Одежду, насквозь промокшую от пота, развесил сушиться на солнышке. Себя отпаивал водой, сдерживался, чтобы не вбухнуть в желудок разом несколько ковшей. Все двери в доме открыты. Сел у окна, из которого порывами тянет ветерком, напоённым запахом разогретых трав — горьковато-пряным. Над этими травами кружат бабочки. Я раньше и не замечал, что их так много и они столь разнообразны размером и расцветкой. Наконец-то вблизи рассмотрел махаона. Неужели такая красота в природе явилась сама собой, из хаоса частиц, случайно собравшихся вместе без всякого логического, разумного начала?

Вчера прочитал «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло в переводе И.А. Бунина (это в пятом томе его собрания сочинений 1956 года). Тут жизнь североамериканских индейцев вся пронизана поклонением разнообразным божествам (и борьбой с ними) — но всё это не имеет отношения к разумности мира от неизученного до конца человеком микро и не постижимого никогда макро.

Перед сном взялся за чтение «Подпольной России» Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского (долгие годы откладывал, но и эту часть русской истории надо знать, как бы она нам не была неприятна). Напомню: впервые книга появилась на итальянском языке в Милане в 1882 году. Как отмечается в предисловии, «обошла всю Европу, была издана в Англии, Франции, Германии». Во все времена антирусско-государственные книги в Европе восторженно приветствовались. Так и в этом сугубо политическом труде всё начинается с религиозной темы.

«Материализм стал своего рода господствующей религией образованного класса, и едва ли нужно говорить о том значении, которое освобождение от всяких религиозных предрассудков имело для всего дальнейшего развития революционного движения».

Ну хорошо, для революционного возбуждения масс это значение имело. Но как быть вот с бабочкой махаон. Как объяснить её появление, красоту, значение для природы и, в конечном счёте, для существования человека?

Всё существование человечества будто бы имеет в своей сути осмысление этой загадки. В «Песне о Гайавате» главный герой поднимается от земли ввысь. Но перед этим он встречает представителей новой религии.

И когда наставник вышел,
Громко, радостно воскликнув,
Так промолвил Гайавата:
«Светел день, о чужеземцы,
День, в который вы пришли к нам!
Всё селенье наше ждёт вас,
Все вигвамы вам открыты.

Чем это пришествие впоследствии обернулось для индейцев, мы знаем (книга была издана в 1855 году, перевод И.А. Бунина появился в 1896 г.), но сейчас не об этом.

И наставник бледнолицых,
Их пророк в одежде чёрной,
Отвечал ему приветом:
«Мир тебе, о Гайавата!
Мир твоей стране родимой,
Мир молитвы, мир прощенья,
Мир Христа и свет Марии!»

И вот Гайавата уходит от своего народа, оставляя его на попечение нового Бога, к своим богам.

Так в пурпурной мгле вечерней,
В славе гаснущего солнца,
Удалился Гайавата
В край Кивайдина родимый,
Отошёл в Страну Понима,
К Островам Блаженных, — в царство
Бесконечной, вечной жизни!

Степняк-Кравчинский пишет о новой вере для образованного класса России — атеизме.

«Характерно то, что зараза распространилась даже на людей зрелых, с обеспеченным положением, на приобретение которого они затратили свои лучшие молодые силы, — судей, врачей, офицеров; и такие были не из наименее преданных делу. Движение это едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаюсь вполне заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений».

Итак, всё кипит, всё изменяется, одно свергается, другое воздвигается... А тем временем никем не объяснимое чудо — бабочка Махаон — пролетает, трепеща крыльями, с одного красного цветка на другой, и я зачарованно слежу за её движением, не в силах оторвать взгляда от этого простого повседневного чуда, сотворённого вопреки желанию человека.

Но почему я взялся за чтение «Подпольной России» именно сейчас?

В предисловии к роману «Овод» рассказывается о сподвижнической работе Э.Л. Войнич с организатором «Общества друзей русской свободы» («Для привлечения общественного мнения Англии на сторону русской освободительной борьбы») и ежемесячного журнала «Свободная Россия», начавшего выходить в Лондоне «с середины 1890 года», Сергеем Михайловичем Кравчинским (псевдоним «Степняк»).

Их знакомство произошло в декабре 1886 года в Лондоне. «В книге «Подпольная Россия» Этель Лилиан нашла ответы на свои вопросы». Так чтение одной книги тянет за собой чтение другой. Благо всё под рукой, в моей библиотеке. Впрочем, эту мысль в своих заметках я уже высказывал.

14 июля

За прошедшую неделю в Москве провела встречи в МИДе делегация от талибов. Её члены заявили, что никогда с территории Афганистана не будет угрозы соседним странам и движение не допустит в свою страну террористов игил. Сейчас талибан контролирует 85 процентов Афганистана.

Звонок Анатолия Строкина. Сам болен, супруга сильно больна — но ни работу, ни землю бросить не в силах. Вот с написанием стихов сложнее... Про свой огород Анатолий Андреевич говорит так:

— Если бы вы видели, какая капуста у меня в огороде! Вижу, как из земли всё растёт, и ощущаю, что сам живу.

Евгений Юсов принёс в подарок углем написанный мой детский портрет, нарисованный с фотографии, сделанной в первом классе — умиленные чувства пробуждает этот рисунок в душе. И воспоминание — а ведь уже тогда я оказывался, в общепринятых отношениях, не ко двору хоть в школе, хоть на улице.

15 июля

Катастрофа в Германии. После ливня города страны затопили вышедшие из берегов реки. Подтверждена гибель 80 человек. Много пропавших без вести. Хлынувшие стремительные бурные потоки всё сметали на своём пути. Разрушены дома, мосты, дороги. Люди спасаются на крышах домов.

Завершена работа над № 69 «Вертикали. XXI век». Посвятил его памяти Андрея Стариченкова. Совсем немного он не успел довести вёрстку до конца сам. В этом выпуске последний его рассказ.

Как всё сложится с журналом дальше — сейчас сложно сказать. Попробую договориться с прежним специалистом по вёрстке. Вопрос неизбежно «упрётся» в финансовую сторону дела.

16 июля

Достигнута договорённость с А.Н. Гуляевым о возобновлении им вёрстки журнала после трёх с половиной лет, когда этим занимался Андрей Стариченков. Произнёс я этот срок — три с половиной года — и осёкся: «Боже мой, — в тысячный раз хочется воскликнуть, — как быстротечен срок нашей жизни!»

В Германии объявлен режим военной катастрофы. В пострадавших районах масштаб разрушений ужасает. На месте поселений — хаос разрухи: вперемешку, в месиве стволы деревьев, разрушенные дома, уничтоженная инфраструктура электроснабжения и связи, рухнувшие мосты и повалившиеся автобаны, провалы огромных оползней. Растёт количество обнаруженных трупов людей. Сейчас их 133. Населению помогают военные на специальной бронетехнике.

Пришло приглашение от профессора В.Т. Захаровой принять участие в предстоящей традиционной конференции «Нижегородский текст русской словесности», которая пройдёт в Мининском университете. Надо подумать над темой, но принять участие следует обязательно: можно взять за основы мои очерки о русских советских классиках. Или что-то из переписки с писателями.

17 — 19 июля Ромашково

Вечером за столом, отвечая на поздравления с днём рождения, сказал:

— Сейчас у меня хороший возраст, за что благодарен судьбе. Увидел, когда мои дети обрели самостоятельность, живут своей состоявшейся жизнью. И я не боюсь разочарований в общении с людьми. Кажется, уже ничто не может удивить до глубокой сердечной боли — ни предательство, ни осознанная подлость.

Зачитывался в эти дни «Островом в океане» Эрнеста Хемингуэя. Вот где литература и жизнь писателя в самом естественном смысле составляет нечто неотъемлемое, единое. Дело даже не в похожести сюжетных и биографических перипетий. Дело в состоянии души и героя, созданного писателем, и самого творца романа.

Перед отъездом с дачи птица в лесу так странно, то ли кричала громко и надрывисто, то ли жалобно и призывно пела. Никогда до этого не слышал такого жутковатого призыва.

20 июля

Позвонил Елене Труфановой, супруге Андрея Стариченкова. Впрочем, что же я написал — вдове. Она рассказала, что стало причиной (действительной) ухода Андрея. И причина эта не на поверхности, а в глубине души, в страдании, в тоске, в ощущении потери всего и своей ненужности, лишности в жизни.

Вот и я начинаю понимать (хотя ещё не ощущаю этого), что вокруг будет образовываться пустота. Уходят люди, с которыми был как-то по-настоящему связан памятью, общением, делом, эмоциями, нервами, обидами и примирениями, спорами и долгими застольями.

Елена напишет рассказ, посвящённый памяти Андрея. Я его опубликую.

21 июля

Теперь из-за ливней жуткое наводнение в провинциях Китая. Вода хлынула в метро, затопила поезда, в которых погибли люди. Остальные разрушения, как и везде.

В Европе под наводнение теперь попала Австрия.

22 июля

Россия подала в Европейский суд по правам человека на Украину — впервые в истории. В жалобе перечислены и подтверждены доказательствами все те преступления, что совершены с момента переворота в 2014 году: от сожжения людей в Одессе и убитых детей на Донбассе до сбитого Боинга и перекрытия канала в Крым. Думаю, тут сказывается продуманная тактика шагов РФ в отношении европейских институтов, с одной стороны, и дальнейшей судьбы киевского режима с другой. Похоже, Россия переходит в осмысленную информационную атаку, из которой европейскому суду будет непросто выбираться без потерь на дальнейшую перспективу.

Что называется — хитрый Путин выждал свой час.

Другая новость — премьер-министр Михаил Мишустин подписал постановление об отмене внесения в паспорта граждан РФ записи о нахождении в браке и наличии детей. После отмены записи о национальности, это второе принципиальное вторжение в главный документ гражданина страны.

С А.М. Коломийцем вносили правку в эссе Сдобняковой-Стенерсен по поводу сохранения лесов Амазонии. Алексей Маркович проделал большую работу, чтобы разобраться во всех заложенных в тексте смыслах. В итоге, сделал, на первый взгляд, совсем незначительные, но качественно уточняющие поправки. Закончилось всё тем, что я предложил профессору дополнить статью нового автора своим комментарием, на что получил согласие. Ведь в России проблема сохранения лесов и сбережение образа жизни коренных народов (особенно Севера) стоит не менее остро, чем в Бразилии.

Теперь под удар стихии с затоплениями и разрушениями попала Турция. Сюжеты в новостных программах будто не из разных концов планеты, а из одного места — так схожи друг с другом.

Читаю присланную Галиной Данильевой статью «Сновидица Цветаева». Очень любопытный взгляд на жизнь и творчество поэта через его

сны, осмысливания их, с приведением цитат не только из стихов, но и из писем, записок, дневников.

Марина Цветаева — это поэтический нерв, это жизнь, растворённая в поэзии — особенная, подавляющему большинству людей непонятная, внерациональная. Это особенное состояние души, нервного возбуждения. Я не являюсь большим поклонником стихов Марины Цветаевой. Моей душе не близок её творчески взбудораженный стиль восприятия окружающего мира. Но я понимаю — это не искусственное возбуждение, а природное. Иными словами — такой она явилась на свет. (Например, сестра её Анастасия — совсем иной человек, написавшая интереснейшие книги в прозе и прожившая долгую жизнь до глубокой старости.) Но Данильева (по всему видно) влюблена в полный образ поэта — и человеческого, и творческий. Оттого её текст воспринимается с пониманием и доброжелательностью.

В статье автор замечает: «Есть те, кто не принимают, не понимают — не любят Цветаеву, её человеческое и творческое явление. И есть те, для которых это невозможно не любить, но для этой любви необходимо иметь и душу, и сердце... и силы, нет, не равновеликие (это невозможно!), а соприродные любимому поэту».

Этим замечанием Данильева определяет свою позицию в отношении Цветаевой.

24 июля

Суббота, во всём здании никого, только я и Евгений Юсов. В зале Союза писателей Евгений Иванович прикрепляет на подрамники холсты картин Г.А. Скотиной.

Размеры картин большие. Первую оформили — натюрморт с написанными цветами и овощами. По центру и справа — больше цветов. Слева и внизу — плоды земли. Верхнюю часть пространства слева — до конца не оформившийся, с раскинутыми зелёными листьями кочан капусты. Потому эта часть картины кажется пустоватой, но в целом работа мне нравится. Запята в ней ощутимая, хотя явно и не выраженная, радость. Что-то жизнеутверждающее, доброе. Долго любовался этим полотном, созданным, как и остальные работы, темперой. Размер: 80x135 см (сам измерил).

Вторая картина имеет и вовсе для нынешнего времени необычно большие размеры: 110x260 см. С внутренней стороны на холсте есть надпись: Н-Новгород, Г.А. Скотина, 1937 г. «В лодке» 1974 г.»

Тут сюжет чистой молодости. Большая лодка, нагруженная яблоками (они и в цветных корзинах, и высыпаны на дно её до бортов), плывёт по реке мимо деревни. За вёслами двое по пояс раздетые юноши. Девушки на носу, в центре, на корме. Те, что на корме, убирая по ходу движения, придерживают ветки дуба, склоненные над водой. (Тут вопрос — разве дубы, подобно ивам, растут по берегам рек у воды?) Остальные с яблоками в руках: опускают их в реку, любят ими, приподняв в ладони, протягивают друг другу...

И эта картина Галины Алексеевны содержит позитивный, жизнеутверждающий заряд. Решил повесить её в своём кабинете. В длину заняла она большую часть стены, что напротив моего рабочего стола. Теперь, когда отрываю взгляд от компьютера, то ею любуюсь. Краски мягкие, затuşёванные, с желтизной — словно ранне закатные, потерявшие свою резкость, контрастность. Так бывает в природе в преддверии угасания дня... Впрочем, возможно, это мне только чудится.

Евгений Иванович довольно быстро, ловко справился с работой. Без него, если бы я взялся за неё сам, то всё сделал бы неправильно. Не начал крепить с центра холста, не завёл его углы без морщин. Но как же порадовали эти произведения Галины Алексеевны, как душевно взбудрили!

До прихода Юсова читал присланную небольшую повесть автора из Нью-Йорка Аркадия Мара «Кошка Мурка, которую зовут Шепсит».

В письме автор сообщает: «На мой взгляд, «Вертикаль» придерживается сугубо «классического направления». Моя же «Кошка...» написана в несколько ином жанре. Кстати, во многом повесть биографична».

Вот биографическое начало я пока и прочитал с неослабевающим интересом, только коснувшись дальнейшего «кошкиного» (фантастического) сюжета. Не скажу, что это произведение духоподъемно — по заявленной, просматривающейся впереди теме. Но любопытно. И после этого — картины Скотиной. Как хорошо!

Опять бушуют потопаы из-за прошедших ливней. В Забайкалье разрушен мост на Транссибирской магистрали. На несколько дней остановлено движение всех поездов. Пассажиров отправляют на другие станции — перевозят автобусами, чтобы они могли дальше следовать к пункту назначения.

В Сочи нарушено электроснабжение — вода затопила улицы, унесла машины и т.д.

В Индии потоп. Уже погибло 138 человек. На востоке и в центральной части страны затопило более ста деревень. На помощь населению пришла армия.

28 июля Горбатовка

Хозяин дома рассказывает о своём детстве (или юношестве) в родной деревне. С любовью о родителях, у которых и вся жизнь-то была — работа и работа. Выработали два стажа: и колхозников, и рабочих.

— В хозяйстве многое заготавливали две семьи: мясо, овощи, лесные запасы. А вот с тем, что необходимо достать в магазине, дело обстояло плохо — денег не хватало, костюм, обивки не купишь. Детей с малолетства приучали к труду. Мужики идут на покос, кричат: «Фёдор, сам с нами не ходи, Саньку пошли». И Санька наравне с мужиками, со знанием дела, метал стога, забирая на трёхрогатые вилы чуть не по копне. Знал, как сено правильно набрать, как с умом поднять тяжелейшую ношу, как её опустить на стог, чтобы тот приобрёл правильную форму, очертания, размер...

Вот бы о чём писать картины хозяину дома. Из той, главной, прошедшей, но не позабытой жизни. Живые эмоции, чувства, природу — всё бы память вернула, насытила этим пережитым (от первой любви до первой потери — какой бы она ни была) полотно. Здесь могла случиться главная победа художника.

Мы часто идём в искусстве проторённым кем-то путём, более понятным, лёгким, совсем не понимая, что тем самым теряем свою самость. Идти же от себя: от своей памяти, от своего переживания — сложнее и даже мучительнее. Но иного не дано, если ты мечтаешь сделать в творчестве хоть один полностью самостоятельный шаг, который навеки в истории человечества останется только твоим.

30 июля

Третий день цветущие поля Бразилии заваливает снегом. Температура опустилась ниже нуля градусов.

Окрестности курортов Турции на средиземноморском побережье объаты пламенем. Горят леса, жилые посёлки. Пламя подбирается к отелям на побережье. Генконсульство России в Антале призывает отдыхающих быть готовыми к эвакуации. Телевизионные кадры — небо затянуто чёрным дымом, в котором красные отблески огня.

Земля начинает отвечать людям за то безумие, что творят они на ней. Всё в нашем существовании взаимосвязано, и форм, миров этого существования, множество. Это мы способны видеть только то, что подвластно нашим чувствам, а остальное сокрыто от нас.

«...рано утром 4-го марта Вера Ивановна проснулась от голоса, ясно говорившего: «В этой семье будет Божие благословение». А немного спустя после этого 8 марта в 7 часов утра она видит, совершенно ясно, не

во сне, как в её комнату открылась дверь и вошёл о. Иоанн Кронштадтский, в облачении, в митре и с крестом в руке. Подойдя к ней, батюшка молча благословил её и удалился».

Выписано из книги Митрополита Иоанна (Снычева) «Жизнь и служение митрополита Мануила. Биографический очерк».

Вера Ивановна — матушка Виктора Лемешевского, будущего митрополита Мануила, духовного отца и наставника митрополита Иоанна. Рассказанный случай произошёл в 1910 году до того, как будущий инок ушёл в монастырь — Николо-Стопенскую пустынь.

Подобных примеров в книге немало, когда разные миры по особому случаю соприкасаются. Так можем ли мы отрицать, что и нагрывавшие природные катастрофы, это не случайность, а нечто взаимосвязанное с нашей деятельностью, с принципами нашей жизни.

31 июля

В Союз писателей приехали литераторы из Сарова. Цель — представить двух поэтов, достойных вступления в СП.

Шёл по Нижневолжской набережной и улице Рождественской, полностью перекрытым для транспорта. Теперь каждые выходные в летние месяцы устраивают концерты приезжих «звёзд», для чего на набережной у Речного вокзала сооружена сцена. Сколько на это развлечение тратится денег, никто точно не знает, но очень много. Бедный городской бюджет успешно, таким образом, осваивается — так я думаю.

К 800-летию Нижнего Новгорода из федерального бюджета выделены значительные средства. Теперь весь центр города перекопан, дома в строительных лесах. Меняют на брусчатку вполне приличный асфальт, красят фасады домов, на Стрелке огромную автомобильную стоянку (сколько миллионов рублей на её строительство было потрачено) полностью уничтожили. Теперь на её месте будет прогулочная зона с цветниками. Что-то сооружают у Канавинского моста и под мостом. Расковыряли всю территорию у Главного ярмарочного дома — тоже создают зону отдыха для горожан. И прочее, прочее, прочее...

Наверное, это всё нужно: приводить город в порядок, облагораживать, делать более удобным для жизни. Только не правильнее было бы потратить выделенные огромные деньги не на покраску домов, предназначенных к сносу, и на фонтаны, а на что-то более фундаментальное — строительство метро, например, или замену изношенных теплот сетей, или в развитие местной культуры (немного «отщипнуть» от затрат на оплату заезжей попсы)... Да мало ли без спешки на что более полезное их можно было потратить. Хотя бы на виадук над железной дорогой в Автозаводском районе по дороге в Дзержинск, там стоят бесконечные пробки, или на строительство новой городской дороги вдоль Оки. Ведь вот схлынет предъюбилейный ажиотаж, и город вновь задремлет, погрузится в десятилетний летаргический сон, так и не «выздоровевший», не получивший толчок для развития в новом качестве.

Такие мои ощущения от увиденного этим летом. Возможно — ошибочные и не объективные. Тут только время покажет.

А встречу с поэтами я провёл. Выслушали стихи, большей частью похвалили и рекомендовали их авторов для вступления в Союз писателей России.

1 августа, Борский район. Сады.

Воспользовался предложением приехать и накопать для себя чеснок. Хозяин выделил участок, где самосевом вырос этот овощ. Хоть специально за ним и не ухаживали, но луковицы оказались вполне товарного размера. Так что — спасибо хозяину.

Солнечно, жарко. Сначала копал, потом обрезаю — всё на открытом месте. Только когда принялся очищать луковицы, догадался уйти в тень. Хозяин тем временем занимался делами на участке.

За монотонной работой легко думалось. Порывистый ветерок приятно обдувал тело. Над головой ревели набирающие высоту самолёты. Суетились над бутонами цветов, разросшихся невдалеке, пчёлы. Несколько раз малодушно подумывал бросить начатую работу — спина начинала деревенеть. Но в итоге всё успешно довёл до конца.

После обеда прогулялись в лесу, по знакомой дороге, до старой сосны. Говорили о вере и истории без споров. Сознаюсь — поехал сюда, откликнулся на приглашение хозяина, чтобы окончательно оставить в прошлом прошлогоднее недоразумение. Всё недоброе мы в первую очередь должны заглушить (окончательно победить не удаётся) в себе. Хочется мира в душе. А как его достичь? Трудом и сдерживанием своей самости.

Вернулся домой что-то уж совсем уставшим. В компьютере в почте письмо с предложением о сотрудничестве Центра «Холокост». Готовы написать статью на разнообразные темы, посвящённые Великой Отечественной войне. У них собраны материалы: «...уникальные фронтовые, любовные, драматические, трагические истории, рассказы о подвигах советских солдат...». Всё это «предоставят наши историки, учёные, исследователи, авторы военных статей, специалисты своего дела». Предложение неожиданное, надо над ним подумать.

Вот так всегда: трудовое, лирическое, историческое — можно сказать, одновременно переплетается в нашей жизни.

3 августа

Написал ответное письмо в центр Холокост.

Мы готовы опубликовать материал, посвящённый Великой Отечественной войне. Тема — уничтожение немцами и представителями тех стран, которые принимали участие в оккупации территории СССР, убийстве мирного населения на захваченных территориях. Это бесконечная боль, сколько о ней ни пиши и ни говори. На страницах журнала «Вертикаль. XXI век» подобные воспоминания мы публиковали не единожды. Но хотелось бы напечатать более обобщающую работу — не только о безвинной гибели еврейского народа, но и русского, белорусского, украинского, военнопленных частей Красной Армии...»

Ответ: «Дорогой Валерий, добрый день, огромное спасибо за Ваш подробный, трогательный ответ, всё поняла. Сейчас мои коллеги в отпуске, когда они выйдут, тут же передам им всю информацию, и они будут думать на эту тему, будут думать над публикацией. Ещё раз — спасибо за ответ... Приятно было познакомиться...»

К вечеру прошёл ливень. Воздух словно пропитался влагой, стал тяжёл и пахуч. Отправился на Стрелку посмотреть памятник Александру Невскому. Автор — народный художник России Андрей Ковальчук. Святой благоверный великий князь изображён воином, сидящим на коне. Над землёй возвышается на высоком постаменте, с двух сторон которого бронзовые барельефы большой величины, изображающие принятие князем иночества и его кончину.

Прогулялся по благоустроенной бывшей территории порта. Совсем недавно здесь была огромная стоянка для автомобилей, теперь замечательная прогулочная зона, спроектирован отличный ландшафтный дизайн. Остановившись у ограждения, смотрел вниз на Оку, на остров и город на противоположном берегу и думал: когда мальчишкой ночью у этих портовых стен довил с лодки рыбу, разве мог представить, что через несколько десятков лет (в сущности, очень быстро!) так изменится это место. А что будет с городом ещё через пятьдесят лет?

Тихо и неспешно опускались на реку сумерки. И было такое ощущение (в душе), что не только на Оку они опускаются. Не только темнеющей зеленью деревьев остров и дающий о себе знать шумом машин мост затуманивают они. Не только...

4 — 9 августа, Кунавино

А всё-таки уже неуволимо пахнет осенью.

Солнечно, покойно, тепло — но уже не летний жар. Словно усталость накопилась в природе, умиротворение пришло к ней. Оттого запахи трав явственнее, резче. Яблони начали сбрасывать на землю первые яблоки — ещё не совсем спелые, величиной небольшие, но сладкие и сочные.

Ирина с Наташей спешно собирали смородину, я пилил и рубил дровяной мусор. После сходил за яблоками, набрал им в дорогу, предварительно попробовав — стоит ли трудов выбирать их из травы.

Час с небольшим побыли со мной — и отбыли в город. В доме я вновь один. Один в тишине, в незнании, что хорошего получится из моего деревенского жития на этот раз.

Родник встретил одичало заросшей осокой. Сколько людей раньше брало из него воду. Теперь и его срок, видно, подходит к концу. Снял крышку, зачерпнул ведром — вода светлая, прохладная, живая.

В доме, дожидаясь, когда закипит чайник, прочитал у митрополита Иоанна (Снычева) в книге «Жизнь и служение митрополита Мануила» (редкий случай, взял её с собой из дома — обычно в деревне читаю книги, хранящиеся здесь на стеллажах), что во время обновленческого раскола, в 1923 году в Петрограде верными традиционному Православию (Патриарху Тихону) оставались среди духовенства и причта — 93 человека, из 123 приходов — только 8. Остальные 115 находились в обновленчестве.

За короткий срок великими трудами святитель сумел значительно исправить ситуацию. До 2 февраля 1924 года, когда он вынужден был покинуть Северную Столицу, 83 прихода (из 115) перешли в Православие. 1924-1928 гг. епископ Мануил провёл на Соловках.

«Жизнь на Соловках не была красной. Но она и не была слишком тяжёлой. Были возможности наряду с физическим трудом заниматься и своими личными делами, и церковными, и даже совершать в праздничные дни богослужение в монастырских храмах и справлять свои именины с вкусно приготовленными пирогами».

Епископ Мануил непрестанно трудится и тут. Он успевает написать большое количество работ (перечень их приводится в книге), но почти ничего из них сохранить не удалось. Тщательно старался святитель спрятать свои драгоценные рукописи в бочонке с двойным дном, который он специально заказал в Соловецкой кузнице, но так и не спрятал. Нашёлся один православный епископ (их тогда в лагере находилось восемнадцать — В.С.), который донёс Соловецкой охране о тайнике епископа Мануила. И когда он по истечении срока ссылки отправлялся на материк, при осмотре вещей многие рукописи были изъяты и уничтожены. А из уцелевших работ часть их тоже погибла при разных переездах и перемещениях».

Не повезло и тем текстам, которые автор попытался сохранить. Не вывозя за бывшие монастырские стены.

«Перед отъездом на Кемский остров Мануил передал на хранение схиархимандриту Феофану, последнему настоятелю Соловецкого монастыря, рукописи, написанные им, под названием «новый Соловецкий Патерик». Архимандрит, страха ради иудейского, рукописи эти сжёг, причинив тем самым неисцелимую скорбь святителю».

Во все времена были люди, которые своими трудами создавали рукописи (их, если взять от общего числа населения, немного), и были те, которые эти рукописи сжигали, уничтожали, препятствовали их явлению людям — в любой среде — творческой, научной или вот духовной. Как мне тут не вспомнить свой личный опыт.

Да Бог им всем судья.

5 августа

Очищал участок от высоких сорняков сбоку у дома. Продолжил вырубать сорно разросшиеся деревья на дальнем участке. Похоже, что и сегодня не довёл дело до конца.

Трудился в середине дня, солнце припекало так, что через час почувствовал утомление. Когда же после отдыха отправился туда же за яблоками к чаю, воздух уже отдавал прохладой и сыростью наступающего вечера, хотя солнце не успело уйти за вершины леса.

Вот уже довольно большой срок дом — место моего уединения. Разное состояние духа я испытал в этом уединении — от крайнего уныния (даже сейчас тяжело вспоминать те дни, что пережил давним летом в его стенах — тогда казалось, что жизнь прожита зря и в итоге её одна горечь) до чувства возвышенного удовлетворения (не радости, но, что дни не прожиты понапрасну), когда удавалось написать задуманное, завершить рукопись.

И всё-таки уединение — особое чувство, с которым нелегко, сложно, порой страшно. Только здесь самому себе задаёшь те вопросы, на которые не находишь ответа, потому что они важные и даже судьбоносные. В городе за суетой и внешними раздражителями легко от них прятаться. В одиночестве и тишине никуда не деться. Никуда. Только книги ещё как-то спасают, дают возможность уйти в иной мир. Нельзя сказать, что этот мир полностью отстранён от тебя, но всё-таки...

«Он иногда вдруг и скажет самое то, чего нельзя было сказать... Почему-либо не хотелось сказать. Подробной исповеди не требовал, но безусловно, требовал чувства раскаяния... Он во время исповеди не спрашивал — так, в нескольких словах, самое главное, и что было драгоценно, — он сам говорил и говорил так утешительно-благодатно, так врачующе-спокойно...» (Из уже упомянутой книги Митрополита Иоанна (Снычева) «Жизнь и служение Митрополита Мануила»).

6 августа

Вот и дождичек посыпал. В доме от холодного повлажневшего воздуха неуютно. Попробовал было потерпеть, почитать, да нет, закрыл окно, затопил печку — нужно согреть комнату, чтобы вернулся в неё прежний уют.

Сегодня запланировал работать за столом, без тепла не обойтись. Однако и тепло не помогло. Голова отчего-то тяжёлая. Написал всего несколько строк и отложил рукопись в сторону.

Среди звонков — один от желающей стать членом Союза писателей. По голосу — совсем молодая девушка.

— Я поэтесса, как вступить в ваш Союз?

— Вы представляете, что за организация Союз писателей России?

— Нет. Вот я и звоню узнать, что для этого нужно.

— Тогда давайте начнём с начала: у вас есть изданные книжки?

— Нет.

— Публикации ваших стихов?

— Нет. Я готовлю страничку в соцсетях.

— Отзывы о ваших произведениях?

— Нет... Скажите, а на Болдинскую премию Нижегородской области ваша организация может выдвигать?

Пришлось вкратце объяснить «поэтессе» процедуру вступления в Союз писателей. Если честно, разговор с подобными «творцами» меня почти всегда раздражает, и вот почему: это показатель, насколько низко упал авторитет литературного труда в нашем обществе и того, что молодое поколение уверено — все им что-то должны. Они не выясняют и не спрашивают — требуют. Хотя, если ты надумал вступить в Союз писателей — полай в Интернете, найди об этой организации сведения, узнай условия вступления. Впрочем — ладно, это всё поверхностное. Глубинное кроется в другом...

Что такое было ещё совсем недавно, в советское время, книга? Нечто сакральное и важное для человеческой жизни, для его как личного, так и общественного существования. Чтение являлось неким статусным определением значимости человека в обществе. Люди же, писавшие книги,

писатели (пусть даже подавляющее большинство не знало их фамилий, не читало их произведений) — в общественной оценке профессий находились если уж не на самой вершине, то во всяком случае около неё.

Я начал публиковаться (и довольно много), служа в рядах Советской Армии. Это были заметки, репортажи, статьи... Тогда же написал первые свои рассказы, один из которых мой приятель, литовец перевёл на свой родной язык и отправил в республиканский молодёжный журнал. Вскоре оттуда пришло письмо: похвалили, что в армии он пробует сочинять, но рассказ к публикации не приняли. Демобилизовавшись, я писал зарисовки, новеллы и посылал их в вечернюю городскую газету «Горьковский рабочий». Их начали публиковать. А затем из редакции пришло письмо от Галины Алексеевны Селивёрстовой, корреспондента отдела культуры, в котором мне предлагалось зайти к ней для личного знакомства.

Как же я волновался, впервые в жизни идя в редакцию печатного издания. Отделы «Горьковского рабочего» располагались на втором этаже массивного здания на ул. Свердлова (ныне Большая Покровская), недалеко от площади Минина и Пожарского.

— Что же вы сами не приходите, только заметки присылаете? — спросила после знакомства Селивёрстова.

Начальник отдела Аркадий Чеботарёв сидел за своим столом, напротив стола Галины Алексеевны, уткнувшись в бумаги.

Не помню, что я тогда ответил, но и сейчас твёрдо знаю одно — я и подумать не смел, чтобы переступить порог редакции, войти в то помещение, где написанное кем-то (в том числе и мной) превращалось в текст на газетной полосе, который могли одновременно прочитать более ста тысяч людей. (Тираж «Горьковского рабочего» в семидесятые-восемидесятые годы прошлого века был 150 тыс. экземпляров. Выходила газета ежедневно и пользовалась большой популярностью — в киоски «Союзпечати» большими пачками из типографии она поступала в два часа пополудни и к шести вечера её было уже не купить.)

Иными словами — помещение редакции для меня было чем-то вроде святилища. (Кстати, о качестве отбора материала для публикации: по прошествии тридцати и даже больше лет все тогда напечатанные зарисовки и новеллы я поместил на страницы одной из своих книг; повторно публиковал в книгах и литературные рецензии, некоторые не устаревшие по своему содержанию статьи.)

Впервые очутившись в редакции, я на всю жизнь запомнил особый запах — бумаги, свежей типографской краски. Этот запах невозможно спутать ни с каким другим. В уютном кабинете стояло пианино, возле него кресло, столик, на котором лежали большого размера альбомы, в которые клеивались вырезки материалов, подготовленных отделом культуры. На стене, наподобие отрывного календаря, приколоты афиши наших театров, гастролировавших артистов и творческих коллективов.

После этой встречи я летел домой, словно на крыльях. Мне казалось — произошло чудо приобщения к чему-то безмерно важному, высокому. Меня признали достойным бывать в «святилище».

Но это редакция газеты. О Союзе писателей я и помыслить не смел — это было за рамками возможного даже в самых смелых мечтах — если бы таковые у меня возникали. Это всё равно, если мечтать стать космонавтом — полная фантастика и невозможность воплощения в жизнь. Хотя, повторюсь, в армии у меня прошло более тридцати публикаций и довольно было публикаций в вечерней газете.

В помещение Горьковского отделения Союза писателей СССР я попал, став членом литературного объединения «Воложка». До этого наш руководитель, писатель Валентин Николаев приглашал на наши занятия известных в городе писателей — Ивана Бережного, Вадима Баранова, Галину Егоренкову, Ивана Денисова... Но и тогда я не представлял, что когда-то смогу быть полноправным членом этой организации, меня станут называть писателем.

Лишь после того, как Валентин Арсеньевич однажды нам сказал: «Вот вы и станете писателями в Горьком, откуда другие-то возьмутся» — я отдалённо стал надеяться, что чудо со мной может произойти.

Такое было отношение к писательству и к писателям во времена Советского Союза.

После переворота 1991 года всё стремительно стало меняться. Теперь писательский труд воспринимается как некая самодеятельность. Всякий может что-то написать (или за него напишут), издать, назвать себя писателем. Всё размыто, обесценено, а в итоге исчезает критерий качества литературы, а с ним и чудо великого художественного русского слова. Прошедшие тридцать лет тому безусловное подтверждение.

Так весь день дождик мелкий, нудный и протомился. К вечеру вышел я поработать на участке — дождик немного попрिдержался — да не успев завершить намеченного, вновь спрятался под крышу.

Небо затянуто, сумрачно. Рано включил настольную лампу. От её света, при задёрнутых шторах, в комнате потеплело, на душе у меня будто покойнее стало — отгородился от ненастья, спрятался в свою «нору», где всё для меня мило, всё родное.

7 августа

Дождь не прекращается. Подставленное под капли с крыши вечером ведро утром оказалось полным дождевой воды. Оранжевые кисти рябин, тяжело склонившиеся к окну, на каждой яголке удерживают малость дождевой влаги. Листья сирени матово поблёскивают, чуть заметно шевелятся от попадающих на них капель. Всё в мире и преходяще, и вечно. Тепло сменяется дождём, радость — скорбью, мир — войною.

В книге «Жизнь и служение митрополита Мануила» Митрополит Иоанн (Снычев) приводит текст большого письма святителя протопресвитера Н. Колчицкому от 14 ноября 1956 года. Там много о чём владыка упоминает: и о том, что он, епископ Мануил, «государственный преступник» и «злостный рецидивист» (в кавычки эти понятия берёт сам святитель, конечно же, тем самым подчёркивая несуразность выдвигаемых против него обвинений в годы гонений — В.С.) — «только за мной стоят Соловки, Сиблаг, Краслаг и Томлаг»; и о своей работе, важной для истории Русской Церкви: «Месяцами я вожусь с картотекой архиереев. Она заключается в 18 основных ящиках и включает библиографический материал на более чем 2200 архиереев, не считая обновленческих 270 хиротоний. Я сжился с этой картотекой, вмещающей в себя не менее 20 000 вкладных карточек... интимная и официальная жизнь архиереев открывается как живая книга их жизни. Но все они уже усопшие, все они молчат и поучают — не делай так, как мы поступали, а подражай праведникам — собратьям своим».

В письме святитель заверяет: «...не страдаю архиерейской болезнью приобретения драгоценностей, дорогих облачений и т.д.» и что «мои мысли и желания парят выше всего этого и скромны и индивидуальны и несовременны нашему здравствующему епископату. Они скорее похожи на некое «юродство». Но я предпочитаю слыть чудачком, юродивым, человеком «не от мира сего», но не стремиться влиться в колонны святителей, идущих по линии наименьшего сопротивления и слывущих в молве народной — «и вот как он умеет жить».

«...Из биографий святительских делаю посильные выводы о тщете былых мечтаний, интриг, разных авантюристических поползновений целого ряда святителей, не оставивших по себе ни доброй памяти у потомства, ни благодарности церковной истории, как беспристрастного судии. А что сказать о временщиках и фаворитах святителях прошедших и настоящих времён? Что осталось нам от них, если не в наследие, то хотя бы в назидание? Горькие уроки и желание не идти по их пути и не добиваться «выдвижения» «хотя бы на час» в первые персоны».

И тогда что остаётся самым главным в нашей жизни? На этот счёт владыка Мануил приводит цитату из «Сокращённых правил св. Василия Великого (62-е): «...всякий, кто какой бы то ни было дар Божий бережёт только для собственного употребления, не делая другим блага, тот подлежит суду, как скрывший свой талант».

В конце концов, ценностью является только то, что мы доброго оставим после себя людям: в делах и поступках.

В обед обнадёживающе выглянуло солнышко. Ну, подумалось, теперь-то погода пойдёт на поправку, да не тут-то было. Вскоре опять небо нахмурилось, затянуло его серой хмарью.

Ни с того ни с сего взялся читать стихи, в переводе с португальского, Агостиньо Нето. Так к вечеру всю книгу и прочитал.

Это было когда Атлантика
по воле волн времени
вернула тела мёртвых
в белых лилиях пены...
(Перевод В. Краско)

Лицо, отразившее душу,
истерзанную терпением,
измятую тёмной бедой...
(Перевод М.Курганцева)

На горизонте – пламя.
Тёмные силуэты
баобабов, воздевших
к небу ладони...
(Он же)

Так я жил: голодал –
и душа покрывалась рубцами
от зловонных зубов...
.....
Жили в крови
тепло человеческой дружбы,
лихорадочный пульс дышащих
страстью ночей,
птичий взгляд – недоверчево-дикий,
шум потоков,
стремительность молний...
(Перевод А.Сенкевича)

С нежностью я собираю букет,
окутанный летучей печалью
этой короткой зимы.
(Перевод П.Грушко)

В этот день написал новый эпизод для рассказа «Шумело море». Его в тексте не хватало, я это чувствовал. Вернее, понимал, что есть некая пустота, не позволяющая окончательно завершить эпизод с приездом главного героя в горы. Теперь, кажется, этот недостаток устранён.

8 августа

Да, безусловно, С.М. Степняк-Кравчинский был талантливым литератором. Язык его лёгок, образен — это соответствует русскому образованному сословию XIX века. Нарисованные им портреты русских революционеров-социалистов-террористов зримы, как и городские пейзажи, как и воспроизведённые картины всевозможных происшествий,

убийств, обеспокоен... Что ни говори, но именно самое знаменитое, талантливое, обеспеченное, знатное из молодёжи вставало на путь борьбы с самодержавием. Написанные Сергеем Михайловичем очерки о Якове Стефановиче, Дмитрие Кименце, Петре Кропоткине (принадлежал «...к высшей русской аристократии. Фамилия князей Кропоткиных одна из немногих, происходящих по прямой линии от Рюриковичей...»), Дмитрие Лизогубе («...был миллионер, владелец громадного имения, состоявшего из усадьбы, земель, лесов, в одной из лучших губерний России»), Вере Засулич («...под этой простой, мало поэтической внешностью скрывается душа, полная высочайшей поэзии, глубокая и могучая, богатая любовью и негодованием»), Софье Перовской («...происходила из высшей аристократии... отец долго занимал пост петербургского генерал-губернатора...») тому подтверждение.

Это удивительно. Удивительна та патологическая ненависть к власти в Российской империи, то уничижительное отношение к самому государству (текст пестрит замечаниями типа: «...её детство между отцом, деспотом и самодуром, какие встречаются ещё только в России...» — о Софье Перовской. «На одной из окраин первопрестольной русской столицы, там, где этот полуазиатский город... — ничего не напоминает из XXI века?»), особенно, если учесть, что на все эти вопросы в талантливо написанной (с точки зрения литературного труда) книге Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» нет прямого, вполне понятного, разумного и однозначного ответа. За всеми общими рассуждениями о теории, благе для всех, социализме виднеется почти неприкрытая пустота.

Кровавая ненависть к собственному государству (а никакому другому государству они и не нужны) отечественной образованной интеллигенции — никем не объяснимая, неразгаданная многовековая тайна. Но продолжу читать книгу. Вот, например, рассказ о готовящемся покушении на Александра II (глава «Московский подкоп» в разделе «Очерки из жизни революционеров»). В нём отмечено всё — сколько мест готовилось к взрыву, сколько на это потрачено денег, как героически трудились копатели, не имея надлежащих инструментов и оборудования. Да вот обширная цитата из этого очерка:

«Железная дорога на пути следования царя была минирована в трех пунктах — около Москвы, Александровска и около Одессы. Предполагалось, что царю на этот раз не ускользнуть. Однако он ускользнул благодаря стечению непредвиденных случайностей. Оба одесские подкопа — один под железной дорогой, другой в самом городе, на Итальянской улице, по которой царь должен был ехать в экипаже, пришлось бросить, так как он в Одессу вовсе не поехал. Около Александровска, где покушение было организовано под руководством Желябова и Окладского, взрыв не последовал вследствие каких-то недостатков в системе запалов. Хотя цепь была сомкнута в надлежащий момент, императорский поезд прошел благополучно над пропастью, на дно которой он неминуемо должен был скатиться при малейшем толчке. Два других покушения также потерпели неудачу... Только в Москве удалось по крайней мере совершить покушение, хотя, казалось, здесь было всего меньше вероятности что-нибудь сделать... Вся колоссальная работа по прорытию московского подкопа вместе с двумя другими железнодорожными покушениями, подготовлявшимися к тому же ноябрю, обошлась всего от 30000 до 40000 рублей, включая сюда и расходы... Пришлось купить пять лошадей, телегу, оружие; нужно было содержать множество людей в Петербурге, Москве, Курске и Харькове, чтоб следить за движениями полиции. Тем не менее, это предприятие, на основании точнейших отчетов, доставленных организации лицами, которым оно было поручено, обошлось в 4500 рублей с чем-то».

Видите, как подробно повествуется о подготовке убийства. Не объясняется только одного: какова главная, перспективная цель готовящегося злодеяния, во время которого должны пострадать и ни в чём неповинные люди — ведь не один только государь находился в этом поезде.

Но интересна реакция на предстоящий ливень русского общества. По словам автора «...все студенты, адвокаты, литераторы, за исключением состоящих на откупу у полиции, знали, что царский поезд взлетит на воздух (со всеми находящимися в нём людьми — В.С.) во время следования из Крыма в Петербург. Об этом разговаривали, как говорится, повсюду. В Одессе один довольно известный литератор собирал почти открыто подписку на взрыв, и полученные таким путём полторы тысячи рублей были целостью доставлены комитету. Полиция же ничего не знала».

Иными словами — это самое общество к предстоящему убийству относилось вполне сочувственно, что и позволило Степняку-Кравчинскому сделать следующий вывод:

«Революционеры имели дело не с правительством в европейском смысле слова, — при таких условиях борьба, по безграничному неравенству сил, была бы немислима, — а с обособленной бандой, которая была ненавистна всей мыслящей России. Единственными союзниками правительства были шпионы и жандармы».

Но вот в феврале 1917 года революция победила. Долгожданное «обществом» избавление от монархии наступило. И что дальше?..

А дальше мы знаем что — наступила закономерная расплата.

9 августа

Маленькие ласточки, видно, недавно вставшие на крыло, собрались в большую стаю и кружатся над деревней — невысоко, стремительно. Спускаются на провода, сидят в ряд и вдруг срываются стрекочущей тучей.

Завораживающее зрелище, хотя и не объяснимо чем.

12 августа

Вот уже какую неделю горит Якутия — леса, посёлки. Большой группировке самолётов и пожарных из нескольких регионов России (четыре тысячи человек) ничего не удаётся сделать. Одни пожары тушат, другие возникают. Причиной тому — долгая жара, сухие грозы и ветер.

В России зафиксирован новый рекорд ежедневной смертности от коронавируса — 808 человек ушло из жизни.

В Турции ливнями затоплены десятки городов и посёлков. Уже погибло 44 человека. Эрдоган назвал последствия разгула стихии, после того, как посетил пострадавшие районы, катастрофическими.

Ливни обрушились и на российское побережье с теми же потопами — в один день выпали двухмесячные осадки. Улицы Керчи, Новороссийска, Анапы, Сочи превратились в стадионы и дворы — в озёра.

13 августа

Подготовил новый вариант книги бесед (избранное), куда поместил наиболее интересные тексты — как показало время. Попробую предложить сборник в столичные издательства. Ушли из жизни Ю.В. Бондарев, А.А. Парпара, К.И. Шихов. Их воспоминания, высказывания, размышления, теперь это очевидно в полной мере, стали фактом истории. Вымотался, работая за компьютером в Союзе писателей.

На улице Рождественской на углу переулка Вахитова, идущего вверх на гору, начали разрушать (и тут же вывозить строительный мусор) заброшенное уже не одно десятилетие здание, в котором находились в разное время кафе, пивнушка, распивочная... Невысокая каменная коробка уродовала вид одной из немногих улиц, сохранившихся с XIX — начала XX веков в Нижнем Новгороде.

Типичная общепитовская экономная временная постройка позднесоветского периода, потерявшего архитектурный вкус даже в таких мелочах. Во времена своей молодости я несколько раз бывал в её уютных зальчиках-забегаловках. В новый «капиталистический» период так и не нашлось предприимчивых людей, кто бы этой постройкой за-

интересовался, что несколько удивляло — ведь центр города, недалеко от набережной Волги, Кремль... И только когда художник Н.П. Мидов мне рассказал, что на месте стояла небольшая и красивая церквушка, я начал догадываться, почему на «лакомом» земельном участке ничего не «приживается». Конечно, теперь здесь можно разбить крохотный уютный скверик, но лучше бы восстановили церковь — в память той, утраченной. Новодел, исторического и культурного значения никакого, но облик улицы облагородила бы.

14 августа

Разбился и полностью сгорел российский самолёт Бе-200, использовавшийся в тушении пожаров на юге Турции и арендованный для этого у Министерства обороны РФ. Погибли пятеро наших военнослужащих и трое турецких граждан, показывавших, что тушить. «В.В. Путин выразил глубокие соболезнования по поводу гибели турок президенту Эрдогану». В ответ «соболезнование принёс министр иностранных дел Турецкой республики...»

Гибнут на чужбине наши специально приспособленные для тушений крупных пожаров самолёты в то время, когда выгорает Якутия, вместе с лесами и посёлками. А ведь прошло всего два дня, как на Камчатке упал в озеро Курильское вертолёт Ми-8 с туристами на борту. 8 человек спаслись, 8 погибли. Обломки лежат на глубине более ста метров.

Крым и Краснодарский край продолжают бороться с потопом. Убытки огромны. Пострадали частные дома и важные социально значимые объекты.

В.В. Путин на совещании по ликвидации последствий подтоплений и природных пожаров заявил: «Природные бедствия в некоторых регионах страны носят беспрецедентный характер».

К вечеру начали поступать сообщения о землетрясении в Гаити магнитудой 7.2. Известно пока о 227 погибших.

Войска Талибана в Афганистане окружили Кабул, со всеми вытекающими последствиями.

15 августа

День посвятил чтению рукописи воспоминаний А.В. Мюрисепа «Судьбы скрещенье». Это окончание — часть первоначальных глав я уже прочитал ранее, они опубликованы в «Вертикали. XXI век», в специальных театральных выпусках.

Главная ценность книги — полная откровенность, что называется, «не взирая на лица, дружбу и оставленную, в итоге, добрую память». Но что было, то было — правда важнее всего.

Главная заявленная цель литературного труда — рассказать о жизни и творчестве, значении в судьбе автора режиссёра Е.Д. Табачникова. Но Александр Васильевич порой так далеко уходит от ранее заявленной цели, что в итоге лучше мемуары назвать именно мемуарами, где Ефим Давидович, пусть один из главных действующих лиц, но всё-таки именно «один из», и увы, не самых привлекательных. Мюрисеп подобного специально, безусловно, не добивался, но правдиво повествуя о поступках и характере своего учителя по театральному искусству, невольно раскрывает его образ всесторонне.

Достоинство воспоминаний — широкий охват вообще театральной жизни в стране, да и не только театральной, если вспомнить, на какой политической период выпали судьбоносные изменения в жизни рассказчика: перестройка, крушение СССР, нарождающийся капиталистический строй... Потому даже бытовые детали в этом случае важны и показательны. Иными словами, получился увлекательнейший документ истории.

Кабул пал. Американцы на вертолётах бегут из своего посольства, сжигая документы, бросая технику и оборудование. Президент Афганистана уже улетел. В аэропорту безвластие: нет полиции, таможи,

никакого оформления билетов. Сюда рвутся сотрудники посольства — сателлитов США, а также десятки тысяч местных, сотрудничавших с оккупационными войсками. Появились кадры брошенных американцами вертолётов и беспилотников, куч другого оружия.

Вспоминаю кадры хроники бегства США из Вьетнама в 1975 году. Всё в их судьбе повторяется. На этом фоне успокаивающе звучит заявление посольства РФ. Оно работает в обычном режиме, около его территории всё спокойно. Сказывается приезд делегации талибов в Москву для переговоров?

Позже стало известно — наше посольство взяли под охрану подразделения талибов. Появились и видео из Кабульского аэродрома — страшные кадры. Люди заполнили взлётные полосы, дико лезут в стоящие под посадку самолёты. На асфальте тела убитых. Американцы у своего транспортника открыли огонь из автоматов — то ли предупредительный, то ли по людям. Во всяком случае, число раненых идёт на сотни. Вертолёт на низкой высоте лопастями разгоняет толпу. Но люди пытаются остановить самолёт, массой бегут за ним и перед ним, хватаются за шасси, пытаются влезть на крылья. Но транспортник всё-таки взлетел, и вскоре с него, с огромной высоты стали падать люди: то ли не удержались, то ли их выбросили из набравшей высоту машины. Всё это безумие можно охарактеризовать одним словом — ужас!

В сети не преминули сравнить видео бегства дипломатов США из Сайгона (с крыши своего посольства на вертолётах) и идентичный сюжет из Кабула.

16 августа

Узнал любопытную цитату из выступления бывшего президента США Рональда Рейгана 80-х годов прошлого века, когда в Афганистане воевали солдаты СССР:

«Смотреть, как смелые афганцы воюют против современной военной техники с простейшим оружием — это настоящее вдохновение для всех, кто любит свободу. Их смелость преподаёт нам важнейший урок — в этом мире есть вещи, которые стоит защищать. Я говорю жителям Афганистана: мы восхищаемся вашим героизмом, вашей преданностью свободе, вашей непрекращающейся борьбой против ваших угнетателей».

История — безжалостная вещь. Она всё сохраняет в своей глобальной памяти. Но когда мы об этом помнили?!

Вот, говорили по телефону (довольно долго) с А.В. Мюрисепом о его мемуарной книге. Не специально, просто меня тронули страницы, рассказывающие про уход из жизни народного артиста РСФСР, директора нашего академического театра драмы В.В. Вихрова, вспомнили о важности поступков и слов, память о которых остаётся на многие годы. Александр Васильевич в своей книге не единожды и без пиетета вспоминает руководителя театра, куда они с супругой с такими сложностями устроились. И вот Владимира Валентиновича довольно унижительно уволили с должности, устроив в коллективе выборы нового руководителя. За старого Вихрова никто не заступился. Он остался служить в театре простым актёром. Умирал же опустошённый, всеми оставленный и сейчас почти позабытым. Я думаю, что виной тому — отсутствие значимых поступков, твёрдости характера, собственных убеждений.

Так мстит быстротечное время тем, кто не смел огорчать начальство, был покладист и тем им приятен. Но не создал, не нажил той высшей памяти, что остаётся незыблемой среди людей в продолжение долгого срока.

17 августа

Под Москвой разбился ещё не вошедший в серийное производство лёгкий военно-транспортный самолёт Ил-112В. Трое членов экипажа погибли. За штурвалом потерпевшего крушение борта находился заслу-

женный лётчик-испытатель РФ, Герой России Николай Куимов, который поднимал в небо всю последнюю линейку Илов.

Пришло приглашение от Губернатора Нижегородской области принять участие в главном торжестве по случаю 800-летия города. В красивом конверте из плотной чёрной бумаги вложена специальная раскрывающаяся открытка — такая же чёрная с золотым оформлением. Думал, что на этот раз я приглашением воспользуюсь (до этого несколько концертов пришлось пропустить), но вот звонок организаторов — необходимо пройти аккредитацию участника мероприятия, предоставив в электронном виде информацию для специальных служб. И всё быстрее, быстрее... А пропустить не хочется. Всё-таки большая юбилейная дата.

Помню, как пятьдесят лет назад, тогда в городе Горьком, отмечалось 750-летие. К этому сроку отреставрировали и открыли Главный Торговый дом Нижегородской ярмарки. До этого он долгие годы стоял закрытым, окружённым забором с колючей проволокой сверху и вышками охраны (какое-то время там работали заключённые), потом в предъюбилейную зиму горел, после авральными темпами восстанавливался.

К торжествам на площади, очищенной от деревьев, перед старинным зданием выстроили ряд павильонов для продажи всяких товаров. Для этого пригласили представителей всех союзных республик. Их флаги подняли на мощные высокие металлические флагштоки, которые и поныне стоят, прекрасно сохранившиеся — создавались на века. Из громкоговорителей непрерывно звучала музыка. (Вот это невероятно утомляло — наш дом через дорогу, и от ярмарочного радио не было спасения.) Про официальные торжества я тогда, конечно, ничего не знал. И вот дожидаясь до новой юбилейной даты. Надо в этом принять участие и поподробнее описать — для истории.

19 августа

В Астраханской области рухнул истребитель МиГ-29. Лётчик погиб.

Всю улицу Рождественскую, начиная от моста, готовясь к субботним торжествам, закрывают вдоль тротуаров металлическими секциями, образуя непрерывный, решётчатый, двухметровый забор. Видимо, будут предприняты самые серьёзные меры безопасности. Мне, чтобы побывать на гала-шоу «Начало нового» у Речного вокзала, необходимо представить: «сертификат профилактической прививки от COVID-19, выданный после проведения двух прививок; при наличии отрицательного результата ПЦР теста, сделанного СТРОГО 20.08 в аккредитованных Роспотребнадзором лабораториях на всей территории РФ». Сканы этих документов разместить в моём, специально созданном для этого устройством, личном кабинете аккредитации СТРОГО до 13:00 21.08.2021». Завтра придётся всем этим заняться. Хотя жара не отступит и в следующие дни — будет за тридцать градусов.

Талибы издали декларацию по случаю Дня независимости Афганистана, в которой пишут, что 102 года назад маджахеда (борцы за свободу) обрели независимость «от британского колониального государства в результате восьмидесятилетнего сопротивления». Про американцев: «США с треском потерпели неудачу».

В документе, который официально называется «Декларация Исламского Эмирата Афганистан», упоминается и СССР.

Три самые мощные державы XX — XXI вв. вынуждены были (после военных действий, уйти с этой территории, на которой вне городов только 10% населения имеют доступ к электроэнергии. Стали точно известны военные трофеи талибов, оставленные им американцами: 2000 единиц бронетехники и 40 самолётов и вертолётов. Стрелковое оружие (автоматы, пулемёты, штурмовые винтовки...), боеприпасы, амуниция — количество всего этого не поддаётся подсчёту, оно огромно.

20 августа

Сижу в тени на набережной Волги у стадиона Нижний Новгород. Жарко, тихо, по реке проходит большой корабль, затем она остаётся в распоряжении катеров, лодок, прогулочных судов... Все островки за фарватером (маленькие песчаные, побольше заросшие невысокой кустарниковой зеленью) заняты отдыхающими.

Большой корабль — современная красивая самоходная наливная баржа, — словно давил воду под себя, почти не создавая волны. Выкрашенный яркими, сочными красками: борта внизу синие, надстройки (двухэтажные) красные, рубка с большими обзорными окнами белая — он смотрелся на серой воде чудной игрушкой, замечательным изобретением инженерно-конструкторской мысли. Таким же, как и негромко жужжащий коптер над набережной (маленький, шустрый, с лупоглазой видеокамерой и четырьмя пропеллерами на квадратной гарнитуре) или планшет, в котором мама с дочкой недалеко от меня что-то рассматривают, тыкая в него пальцами, или телефон — тонкая чёрная плитка, наподобие шоколадной, по которой разговаривает проходящая мимо девушка. По этому телефону она может связаться с любым уголком планеты, может снимать видео и фотографировать, через интернет получать невероятное количество информации.

Ещё двадцать лет назад эти вещи, устройства были немыслимы для нас, а теперь обыденная реальность. Всё вокруг человека в техническом плане стремительно меняется — и улучшая, и усложняя ему жизнь, только он сам остаётся прежним. И так из века в век, из десятилетия в десятилетие. Никакие приспособления не делают его добрее, внимательнее к ближнему, сострадательнее, не удаляют из его сердца раздражение, злобу, зависть, жадность...

Горько это осознавать. Ведь нет радости, удовлетворения. Словно рождены люди только для мук, бесконечного выяснения отношений, борьбы с болезнями. Нет успокоения для человека на земле. И только одно придаёт прожитым годам смысл — приближение к Творцу, а значит, творчество. Лишь оно наполняет смыслом наше существование. Поэтому большинство, пусть безотчётно, к нему стремится.

Пришёл результат моего анализа на ковид — отрицательный. Пошёл на улицу Октябрьскую получать аккредитацию: через Канавинский мост, по улице Рождественской и Зеленскому съезду. Назад решил изменить маршрут: улица Добролюбова, набережная Федоровского. Дойдя до пешеходного моста через овраг к гостинице, увидел, что он закрыт на ремонт. Обходя овраг довольно далеко. Потому, пройдя по Суегинской, спустился по разбитым бетонным ступенькам в овраг, но там, прежде чем подниматься на другую сторону, обратил внимание, как бодро молодой бородатый мужик с рюкзаком на спине идёт по тропинке вниз в сторону Волги. Отправился за ним следом...

Почти шестьдесят лет живу в Нижнем Новгороде, множество раз проходил над оврагом по мосту, но на его дно спустился впервые.

Сначала шёл по тропинке, заросшей по бокам лопухами, сейчас скошенными. Прохладный воздух с запахом сырости. Там, где спуск резко становится крутым, земля покрыта старым бетоном — чтобы её не размывало при ливнях. В каменной нише, что встроена в откос, слышен шум воды — это течёт спрятанная в трубы (под землёй) речка. Вскоре оказался в переулке (эти места уже знакомы), по нему всё вниз и вниз. Так очутился на Рождественской. На Благовещенской площади скопище машин. Народ приехал на «дармовое развлечение». Каждый вечер, в честь юбилея, в центре города, на набережной что-то необычное устраивается — концерты, салюты, лазерные картинки...

21 августа

Канавинский мост для прохода закрыли прямо передо мной — осталось пройти метров пять. Солдаты-срочники из росгвардии выстрои-

лись в цепь попере́к проезжей части и пешеходных тротуаров. Пришлось подойти к милицейской машине лейтенанту, попросить пропустить, показав пропуск почётного гостя. Тот доброжелательно согласился. Можно было переехать на противоположный берег Оки на вот-вот должных начать курсировать специальных автобусах, но торопиться некуда, до начала гала-шоу «Начало Нового» (да, «шоу» режет слух) ещё несколько часов, успею разобраться в обстановке праздничного города. А народ по мосту валом валит — сплошной людской поток.

То же и на улице Рождественской, которую прошёл всю, и на Зеленском съезде. Каждый раз, видя подобное, думаю — как же велика жажда людей к развлечениям. Может быть, действительно, это важно, для показания успешной работы власти необходимо? Я никого не осуждаю, мне только жалко тех ресурсов (финансовых, материальных, временных, нервных...), что были потрачены не на нечто созидательное, а на сугубо развлекательное. Хотя, возможно, это во мне говорит возраст.

Люди же идут мимо с детьми, куда-то направляются, но все бесплатные концерты закончились, выставки закрылись... Увидел, что есть павильончик, где привитым от коронавируса выдают специальные пластиковые карточки «мультипасс». Подошёл. Две очереди двигаются медленно. Отправился к Ильинской улице, постоял там у церкви, наблюдаю нескончаемый людской поток, текущий по Зеленскому съезду.

Так, слоняясь, дождался, когда начали пропускать на главные трибуны гостей «Начала Нового». Несколько подустал и потому с удовольствием выпил предлагаемый организаторами вкусный лимонад из киви, а затем, устроившись в кресле, потягивал из ими же предложенной бутылочки приятное светлое сухое вино, которое вернуло бодрость.

Из встреч и разговоров отмечу лишь рассуждения Э.М. Чапрака о строительстве и работе в тридцатые годы прошлого века Горьковского автозавода (подсев ко мне, Эдуард Михайлович, глава еврейской общины Нижнего Новгорода, как-то неожиданно от общих приветствий перешёл к историческому экскурсу с верными, на мой взгляд, оценками трудолюбия и быстрой обучаемости русских крестьян, что строили автогигант, а затем на нём работали); разговор с главой (не помню, как сейчас правильно называется его должность) Донецкой Народной Республики Денисом Пушилиным — я сказал, что мы в Союзе писателей с сочувствием относимся к их борьбе, и если донецкие писатели захотят с нами сотрудничать, то вот моя визитная карточка.

— Для нас это очень важно, — ответил Денис, убирая мою карточку в карман, — спасибо, я с вами напрямуюведу наших.

Но вот день погас. Наступили сумерки. Двадцать часов двадцать одна минута.

Возможно ли описать любой увиденный концерт? Нелёгкая задача. А тут... Вечер начался с выступления на грандиозной сцене Президента Российской Федерации В.В. Путина. Поздравив нижегородцев с праздником 800-летия города, он отметил, что приняты все решения по финансированию строительства в городе дорог-дублёров проспектов Гагарина и Ленина (как я понимаю — по берегам Оки), продолжения метро, студенческого городка и прочего.

Владимир Владимирович побывал в бывшем «Парке Ленинского комсомола», который сейчас переименован в подражательное «Швейцария», и в своём выступлении отметил, как хорошо его благоустроили, но названия его не произнёс. Как мне показалось — сознательно, ограничившись оценкой «самый большой парк города». И мне это обезьянничество в названии режет слух.

Началось само представление.

Огромная освещённая сцена, в глубине которой разместился симфонический оркестр, занявший, может быть, пятую часть её — совсем небольшую. Концертные номера идут один за другим — без представлений (конферансье отсутствует). Сопровождаются с применением самых со-

временных технологических новинок: световые эффекты, визуальные инсталляции, потоки воды, горение факелов, взрыв фейерверков... И при этом ни одного даже намёка на иностранщину. Всё пронизано отечественным духом — от классической музыки до советской эстрады и современных ритмов. Старина и молодость — всё едино, органично, слитно, как и должно быть в уважающем себя государстве. К этому хочется прибавить — режиссёр, художник по свету, постановка танцев — опять же всё наши, без приглашённых европейских «варягов».

Закончилось красивейшее и вдохновляющее зрелище великолепным салютом под музыку опять же нашего симфонического оркестра. Мортиры давали залпы с установленных в акватории шести барж, скреплённых звеньями по две.

Сцена, что выстроена напротив Речного вокзала, тоже располагалась на воде. Мощнейшая конструкция в несколько этажей, из её глубин наверх поднимались артисты балета, акробаты, танцоры, певцы... С боков выезжали и уезжали машины (бутафорские и настоящая «Волга-21»), весёлой толпой, махая зрителям руками, исчезал кордебалет...

Я находился на местах зрителей в секторе «С». Но кроме этого импровизированного концертного зала, вся набережная от Канавинского моста до Зеленского съезда была разбита на две зоны: «Ока» и «Волга». Те, кто смог зарегистрироваться и попасть в них, могли наблюдать за всем происходящим на сцене на громадных экранах.

Такие же экраны в специально подготовленных местах были установлены в каждом районе города. Около них тоже оказалось столпотворение.

Достоинно, с самой большой похвалой, отметил город свой юбилей.

Так мне думалось, когда в потоке возбуждённых людей шёл по мосту в обратном направлении.

С трудом пробивали себе дорогу, осторожно посигналивая, всё те же автобусы. Вся акватория слияния Волги и Оки отражала разноцветные огни фонарей, освещающих набережные, Стрелку, Канавинский мост. Словно там, в тёмной глубине ещё продолжался праздник.

22 августа

Ирина упросила пойти с ней посмотреть, как изменилось пространство внутри Нижегородского кремля после реконструкции.

На автобусе поднялись на площадь М. Горького. Тут весь большущий сквер полностью обновлён — от тротуаров до клумб, от лавочек до подсветки.

На Большой Покровской новое покрытие плитами. По бокам улицы, словно случайно, расставлены металлические стулья-кресла, выкрашенные в ярко-красный цвет. Раньше была проблема, чтобы найти место для отдыха. Сейчас — сиди не хочу, сколько твоей душе угодно. Даже учтены современные реалии — люди всё более и более от коллективного удаляются в сторону индивидуально-одинокого. Потому и предлагаемые стулья редко где рядом по двое. В советское время народ запросто на длинных лавочках устраивался: почитать газету, поесть мороженое, дождаться на свидание любимую, чтобы вместе отправиться в кино.

В Кремле проделана большущая работа. Все заброшенные зоны (за Законодательным Собранием и за Городской администрацией) оживлены. Теперь это удобные прогулочные пространства. Многие пока не сделано, но и то, где уже можно не торопясь пройти вдоль крепостной стены, впечатляет.

За мою жизнь нет в Кремле уголка, на который не откликнулась бы воспоминанием память. Теперь о тех давних временах уже мало что будет напоминать. У вновь пришедших людей окажутся свои воспоминания, связанные с новыми местами.

Совсем иным стал спуск к Ивановской башне — ступенчатый, но как-то не под шаг. Проезжая часть покрыта брусчаткой.

Отреставрировано здание бывшего манежа. Теперь это филиал Нижегородского государственного художественного музея, который также претерпел основательный ремонт и реконструкцию. Нужно будет там побывать.

У манежа восстановили небольшую домовую церковь. Вроде бы и порадоваться этому, но на фасаде опять всё та же мозаика. Понимаю, иконы, выполненные в этой технике, долговечнее. Но однообразие в оформлении нижегородских соборов и церквей начинает раздражать. У тех, кто за это отвечает, видимо, недостаток вкуса.

Ранее церкви возводились разными мастерами, в разные года и столетия, отсюда и каждый раз (удачные и не очень) поиски нового. Я это понимаю. Как и то, что сейчас за двадцать лет возрождается разом столько храмов и монастырей — где тут набраться разнообразия. А хочется его, глаз требует, душа жаждет, особенно в век усреднения всего и вся: от одежды до еды и техники. Одно творчество, искусство своей вольностью сопротивляется всеобщему однообразию.

Завершали прогулку по набережной, где разбирают металлические нагромождения после вчерашнего праздника.

С моста немного печально созерцал пожелтевшие верхушки тополей на окском острове. Вот и осень показала свой первый привет.

23 августа

В Союз писателей приезжал о. Евгений Юшков, смотрел в компьютере вёрстку своей книги и в общих чертах остался ею доволен. Поделится с батюшкой впечатлениями от грандиозного концерта, и от вчерашнего похода в Кремль. Мою опечаленность по поводу однообразия мозаик на стенах храмов отец Евгений разделяет, хотя домовая церковь при здании манежа ещё не видел.

Пространство Нижегородской ярмарки приобрело новый вид. Все павильоны снесли. Площадь покрыли брусчаткой, оставив небольшие зоны для отдыха, клумб, имитации крохотного пруда. Получилось доминирующее огромное серое бетонное пространство, на котором можно проводить парады... или устраивать выставки техники, разворачивать временные выставочные шатры, наподобие того, в котором сейчас устроили выставку художественных промыслов. Наши мастера хохломской росписи и городецкой, стеклодувы из Гусь Хрустального, изумительной красоты изделия из серебра дагестанских умельцев... Ножи и кубки, вазы из хрусталя и дулевский фарфор, расписные деревянные братины и красивейшие ручные часы... Всё индивидуально, неповторимо, изумляет мастерством и выдумкой — так бы и любовался, не отходя от витрин.

Третью неделю приходят тревожные сообщения с юга области. Горят леса заповедника близ Сарова, и затушить огонь никак не удаётся. Уже есть сгоревшие дома деревенских жителей. Всё очень тревожно. Группировка огнеборцев постоянно увеличивается. Одна из их групп попала в окружение огня и с трудом вырвалась без потерь.

Похоже, настало время (судя по количеству и качеству летних лесных пожаров в России) что-то менять в лесоохранной структуре страны. Как бы и вовсе беда не случилась.

24 августа. Горбатовка

Когда-то давно, судя по дарственной надписи 26 мая 2008 года, подарил мне В.П. Полеванов (бывший губернатор Амурской области и бывший Заместитель Председателя Правительства РФ) книгу Владимира Куприенко «Два губернатора». Имя автора мне ни о чём не говорило, возможно, поэтому я её и отложил до срока. Как-то в одну из встреч Владимир Павлович спросил, прочитал ли я книгу. Пришлось честно ответить — нет.

— Ну ничего, ещё прочитаете...

И вот в дороге читаю. Полеванов рассказывал, что издание полностью организовал и осуществил его сын. Состоит книга из двух частей: первая о жизни и делах Николая Николаевича Муравьёва-Амурского; вторая о губернаторстве и дальнейшей судьбе Владимира Павловича Полеванова, родившегося не в семье царедворца в Петербурге, а в Харькове в семье фронтовика-инвалида.

Антон Полеванов в кратком предисловии отмечает: «...книга эта является естественным результатом жизни в современной России. Не биографией двух замечательных людей, но изложением их поступков и взглядов».

Первый очерк написан в хорошем краеведческо-биографическом стиле, и похоже, что давно. Второй — более горячо и, видимо, специально для готовящегося издания. Куприенко восхищён Полевановым, и его чувства я разделяю. Владимир Павлович человек неординарно мыслящий, талантливый. Многие из предвиденного и задуманного им сбылось, хотя значительное время спустя и воплощённое другими людьми: космодром в Сибири, там же газоперерабатывающие заводы...

Почти всё рассказанное Куприенко я уже слышал от самого Владимира Павловича. Но есть детали, которые я либо забыл, либо они при нашем общении не «всплывали». Например, много объясняющий портрет Анатолия Чубайса.

«Глядя в холодные, тусклые глаза Чубайса, в которых читалась жестокость палача, я не мог понять, откуда в нём, прожившем такую жизнь, на той же земле, такая нелюбовь к ней».

Это действительно загадка, которую рационально не объяснить. Тут что-то постороннее кроется, глубинное. Патологическая ненависть к русскому народу (другие в учёт и не берутся), помноженная на ещё большую патологическую ненависть к России, как государству, в целом.

Думаю, любопытно будет напомнить о том, как боролся губернатор Амурской области против незаконной миграции с китайской стороны. Эту практику можно взять в пример и теперешним соответствующим структурам в России.

«Нами была разработана операция, получившая название «Заслон». Правда, она несколько нарушала существующее федеральное законодательство, но оно в то время практически не соблюдалось. Согласно закону... можно было налагать штраф до одной тысячи рублей. Я же разрешил органам внутренних дел штрафовать нарушителей на 50 т.р. Из них 80% шли милиции, причём 50% тому наряду, который нарушителя выявил...

Затем, когда депортация незаконных мигрантов стала стоить 200 — 300 долларов (не у всех нарушителей были такие деньги, но я не собирался их депортировать за деньги областного бюджета), пришлось создавать трудовые армии. Китайцы, грузины, украинцы и другие иностранцы... трудились, чтобы заработать деньги себе на выезд... Когда прокурор опротестовывал наши действия, я издавал следующее распоряжение, повышая сумму штрафа с учётом инфляции. В результате... около 20 тысяч незаконных мигрантов депортированы, а Приамурье заработало приличную сумму денег».

Пока был в гостях у художника, домой попытался прийти участковый — проверить оружие. Вечером, когда вернулся, группа милиционеров всё-таки пришла. Завтра приезжает глава Правительства РФ Мишустин, будет на территории ярмарки, и органы (традиционно) обеспечены, как бы я не открыл огонь по гостям. Глупость, конечно, но они выполняют свою работу, которая меня уже не раздражает, как прежде.

Посмотрели на ящик, где хранится ружьё, выглянули в окно, которое выходит на Главный ярмарочный дом, отметили кружком его расположение на большой фотографии фасада нашего подъезда.

Всё это, на первый взгляд, кажется некой игрой взрослых дяденек, но благодаря ей они и знают, что происходит в стране в сфере террористической безопасности.

25 августа

Ну как не отметить такой курьёзный случай, хоть и произошёл он на фоне самых что ни на есть трагических событий, связанных со стремительным захватом талибами Кабула. Все стороны стремятся как можно скорее вывезти своих граждан.

Послали самолёт и украинские власти. И вдруг скандал — МИД этой страны, в лице заместителя министра, заявил, что борт угнали. Мол, какие-то вооружённые люди захватили воздушное судно и скрылись на нём в неизвестном направлении. Однако скоро выяснилось, что никто самолёт не захватывал. Рейс перекинули богатые шииты-хазарейцы, заплатив валютой, золотом и драгоценными камнями, чтобы улететь на нём с семьями в Иран. Из Тегерана, как сообщили власти уже этой страны, борт отправился в Киев.

26 августа

Страшный теракт у аэропорта в Кабуле. Прогремели два взрыва, ответственность за которые взял на себя ИГИЛ. И у пункта пропуска в американскую зону посадки на самолёты, и у гостиницы погибло 103 человека, из которых 13 военнослужащие США; пострадало более 1300 человек, из которых 15 — американцы. Пока известны такие цифры.

Кадры трансляции с места события передают весь ужас произошедшего: груды тел на земле и в сточной канаве с нечистотами, что окружает воздушные ворота столицы.

Здесь всегда меси́во из людей, сотрудничавших с американцами, и теперь стремящихся улететь от талибов. Люди лезли через бетонный забор, через колючую проволоку, держа на руках детей, стояли в этой сточной канаве по пояс в зловонной жиже.

Американцы просили талибов продлить возможность их бегства, но те категорически отказались — крайний срок 31 августа. К этому числу все граждане США должны покинуть территорию Афганистана. И вот взорвавший себя смертник в толпе и взорвавшийся автомобиль у отеля.

Судя по сообщениям, в Вашингтоне растерянность, президент собрал Совет по национальной безопасности. США давно не теряли столько своих солдат одновременно. Собственно, поэтому взрывы и приобрели такую информационный резонанс.

Наверное, главные новости об этом событии узнаем завтра.

Андрей Альпидовский закончил выкладывать в сети рассказы из повести «Колька». Последний видео-файл с «Колькиной звездой» размещён на странице в youtube.

27 августа

Число жертв в Кабуле около аэропорта возросло до 170 человек.

После полутора суток, наконец, выступил президент США. В стране политические элиты оскорбляют Байдена, можно сказать, последними словами. К этому же подключилась английская пресса. Конгрессмен Джим Бэнкс привёл новые данные о количестве оставленного американской армией оружия в Афганистане.

«Всего на сумму 85 миллиардов долларов. Речь идёт о 75 тысячах боевых машин, более 200 самолётов и вертолётов, более 600 тысяч единиц огнестрельного оружия. У талибана сейчас больше «Чёрных ястребов» (ударные вертолёты — В.С.), чем у 85 процентов стран мира».

Если это так, то Пентагон сотворил что-то невероятное.

В России в Верещагинском районе Пермского края разбился фронтовой тактический бомбардировщик Су-24. Оба пилота катапультировались, их жизни ничего не угрожает, хотя и пострадали — переломы рук.

Мы «доблестно» продолжаем уничтожать свою авиационную технику. За последнее время (подводя итоги) армия России потеряла: 31 июля — Су-35 в Хабаровском крае; 14 августа — Бе-200 в Турции; 17 августа —

Ил-112В под Москвой; 18 августа — МиГ-29 в Астраханской области; 27 августа — Су-24 в Пермском крае.

Телеканал «Культура», фильм об актёре и режиссёре Ролане Быкове. Вот герой рассказывает о встрече в Монголии с ветераном войны (как я понял — с Японией), бывшим полковником, которому задал вопрос: помнит ли их молодёжь об этом историческом факте (Второй мировой войне)?

— Нет.

— Как ты к этому относишься?

— Хорошо. Мы победили. Вот если бы победили нас, тогда молодые помнили бы об этом многие поколения.

Неожиданно, но тут есть над чем подумать.

И ещё: а забыла ли немецкая молодёжь, кто разгромил их отцов и дедов и победителем пришёл в Берлин? Отечественные политологи сетуют, что США и Англия присвоили себе победу во Второй мировой войне. Если так, то отчего же Европа страшится «российской угрозы»? Прав старый монгол, ох, прав. Всё они помнят и знают.

29 августа

По сообщениям американских СМИ, большая часть людей, погибших (их число приблизилось к двумстам) и пострадавших при взрыве в аэропорту Кабула — погибли и пострадали от пуль американских солдат, в панике открывших беспорядочную стрельбу по толпе.

Беспилотник США в столице Афганистана уничтожил ракетой террориста, готовящего взрыв начинённой взрывчаткой машины: так уверяет американская разведка. Удар по машине произошёл на переполненной народом улице. Убито двенадцать мирных жителей, среди которых семь детей от двух до десяти лет. Сообщение CNN.

Второй день люблюсь небом. Оно необыкновенной красоты — тонкая синева невероятной глубины, уходящей в бесконечную высь.

Как прежде читаю, сидя на удобной лавочке у Староярмарочного собора. Напротив запущенная клумбочка, в центре которой вольно расцвёл тяжёлыми бордовыми бутонами куст роз.

Отрывая глаза от страницы книги, попеременно люблюсь то цветами, то небом. И с трудом верится, что где-то льётся кровь, гибнут дети.

30 августа

Хоть и опасюсь того, что мои записи всё больше наполняются статистическими данными, но как такую информацию пропустить, особенно на фоне современных событий в мире.

Лидер партии Альтернатива для Германии Алиса Вайдель сообщила: в ФРГ за 2020 год 12% всех преступлений и 18% из них сексуального характера совершено беженцами из Афганистана, численность которых от общего населения Германии составляет всего 0.3%.

Что же ждёт Европу дальше? Ведь понятное, настоящее число совершённых афганцами преступлений значительно больше этих (по сути, ужасающих) цифр. Многие не фиксирует полиция — об этом известно из средств массовой информации, а кто-то не сообщает о совершённом над ним насилии.

Ураган Ида пронёсся в США над штатом Луизиана. Как утверждает, самый мощный за всю историю страны. Скорость ветра достигала 230 км в час. Один миллион человек лишился подачи электроэнергии. Сюда же входит город Новый Орлеан. Президентом страны происходящее объявлено «природной катастрофой».

Традиционно началось мародёрство. Грабятся магазины, взламываются банкоматы. Вода в Миссисипи поднялась на два метра, и река потекла вспять, затопляя большие территории, городки и деревни, поля фермеров. Полученные убытки от разрушений и прочего огромны.

31 августа. Горбатовка

Станислав Смирнов, не раз мною упомянутый, продолжает следить за голосованием, устроенным на сайте администрации Нижнего Новгорода по поводу переименования площади Лядова. В опросе предлагается выбрать одно из трёх названий: Лядова, Монастырская, Крестовоздвиженская. Значительное время приоритет голосовавших отдавался третьему. Но вдруг всё резко изменилось.

Православные «волонтёры» при храмах выяснили, что это недостоверные данные. Станислав, исходя из их заключения, направил письмо в администрацию. (Ранее именно мы инициировали много лет подряд возвращение площади исконного исторического названия. Смотри публикацию направленных властям документов в номерах журнала «Вертикаль. XXI век».) И оно имело последствия. Опрос жителей города остановлен, полученные результаты не признаются «честными и объективными».

Такое решение Департамент цифровой трансформации объясняет тем, что «при детальном анализе статистики голосования» замечены случаи «многократного роботизированного голосования из-за пределов области и Российской Федерации». Даже в таких вопросах кому-то не терпится прибегнуть к фальсификации. Однако принципиальность власти в этом вопросе обнадеживает.

Обо всём этом по телефону рассказал мне Станислав Александрович.

1 сентября

В Испании, в Каталонии после ливня образовался потоп. Улицы превратились в грязные, несущиеся со страшной скоростью реки, всё сметающие на своём пути: мелкие постройки, автомобили, деревья...

2 сентября

Пришёл А.М. Коломиец с текстом небольшого послесловия к статье Сдобняковой-Стенерсен. Удачно, потому что больше, чем наполовину семидесятый номер свёрстан и пора запускать в работу текст о нарушении прав коренных народов в Бразильской Амазонии. Алексей Маркович не только похвалил аналитику, приведённую в статье, но и «перекинул мостик» на проблемы России, связанные с освоением Севера, с работой на территориях вечной мерзлоты отечественных компаний, занимающихся добычей полезных ископаемых – Амазония страдает от вырубки лесов, Крайний Север от эрозии почвы в тундре.

Но главное, конечно, то, что после кончины Стариченкова работа над следующей книжкой журнала не остановилась, хотя Андрея невероятно жалко.

Коломиец, несмотря на свалившиеся на него житейские трудности, продолжает консультировать три фирмы по геологическим вопросам, профессорствовать в строительной академии, писать воспоминания и научные статьи, одну из которых, о нуклиарах, недавно закончил. Выступил по ней с докладом на конференции.

Не перестаю восхищаться жизненной энергией этого человека. Кажется, сколько событий совершается против него, но стойкость остаётся его главным принципом.

4 сентября

Вечер. Я дома за рабочим столом у компьютера. Отправляю по почте тексты, смотрю только что присланную часть вёрстки журнала. Сегодня холодно. За окном с утра то выглянет солнце (редко), то порыв ветра начинает терзать деревья, и те напуганно шумят ветками, ещё не успевшими сбросить листву.

Но сейчас за окном темно. Шторы сняты, и потому стекло, словно огромное зеркало, обращено в комнату чёрным прямоугольным провалом. В нём не слишком отчётливо, словно в стереофоничной глубине,

отражаюсь я и обстановка комнаты, освещённая небольшой настольной лампочкой: спинка кресла, картины по стенам...

Опять шум с частым пощёлкиванием о стекло крупных дождевых капель. Оборачиваюсь на этот стук. На тёмном фоне прочерки разбившихся капель, отражая электрический свет из комнаты, горят расплавленным серебром, сверкающим многими внутренними искорками. И так это красиво, так завораживающе необычно, что взгляда не хотелось отводить.

В сущности, мы почти не видим окружающей нас красоты, сокрытой в каждой малости мира, в котором человек — крохотная суетящаяся частичка.

А первоначальная вёрстка 70-го номера радует.

Наперёд в ближайшие дни прогноз обещает пасмурную погоду, что ставит под сомнение возможность нашей с А.В. Мюрисепом поездки в Кунавино. Хотя Александр Васильевич договорился с владельцем машины и уточнил у меня предстоящий маршрут.

5 сентября

Вышел прогуляться. Приходится то раскрывать зонт и прятаться под него, то складывать его, когда дождь перестаёт моросить. Со стороны Волги засияла радуга. Верх полукружия скрыт чёрными тучами, зато остальные части сияют насыщенными цветами.

Пошёл к набережной. В какой-то момент под большой дугой появилась вторая, более низкая и менее яркая радуга.

На набережной ветрено. Оказывается, открыли весь проход по ней, включая Стрелку, хотя повсюду продолжают работы по строительству боковых дорожек, формированию газонов.

Там, где был в порту высокий пологий бетонный спуск, на самом слиянии рек, соорудили ступени и установили пристань для прогулочных корабликов. Пока курсирует только новенький, недавно созданный, тот, что на подводных крыльях.

Не пойму, почему я вдруг так устал.

6 сентября

По телефону звонит знакомый человек. В трубку слышу, как, стараясь привлечь к себе внимание, кричит его трёхлетний внук.

— Какие они замечательные, эти малыши, — говорю собеседнику. — В нашем возрасте их совершенно иначе воспринимаешь, чем в молодости. Вот бы наши дети были малышами сейчас, когда жизненный опыт их родителей совсем иной: многое узнали, пережили, душой помягчели.

И не закончив всего этого говорить, подумал: «Сейчас я бы просто умер от любви к своим дочерям-малюткам». Видимо, Господь бережёт людей, и всякое даёт в своё время, чтобы по силам оказалась ноша».

На 89-м году жизни умер Жан-Поль Бельмондо: знаменитый актёр французского кино. Наша молодость неотделима от этого имени. Фильмы с его участием (авантюрные комедии и, как бы сейчас их назвали, боевики) демонстрировались в кинотеатрах по всему Советскому Союзу. Из этих фильмов мы узнавали иную, заграничную жизнь, которая казалась такой красивой и притягательной.

Молодости свойственно легко обманываться. Я давно почти позабыл об этом актёре, и вот прошлое на миг вернулось — пусть даже по такому скорбному случаю.

8 сентября. Горбатовка

Наверное, только русские генералы способны на такие поступки.

Глава Министерства по чрезвычайным ситуациям Евгений Зиничев погиб в Норильске, где должны были проходить учения этой службы. Вместе с ним одновременно прилетел и кинорежиссёр Александр Мельник, до этого снявший фильм «Территория» по роману Куваева. На этот

раз он искал место для съёмки документального фильма, посвящённого освоению Арктики и Северного морского пути. По данным, которые, необходимо отметить, очень размытые и неконкретные, Мельник где-то поскользнулся и «сорвался в холодную воду». Евгений Зиничев бросился его спасать, в итоге вместе погибли.

Что за вода, почему всё так трагически закончилось — пока не ясно. В.В. Путин, в охране которого долго служил погибший генерал-полковник, в соболезновании отметил, что для него это личная потеря.

Надеюсь, в скором времени о случившемся станет известно более подробно.

10 сентября

Председатель правления «Газпрома» Алексей Миллер сообщил, что сегодня утром в 8:45 московского времени строительство газопровода «Северный поток — 2» полностью завершено. Теперь обе трубы соединены с газораспределительной системой Германии.

Какое противостояние пришлось выдержать России со стороны США, какие санкции преодолеть. Но это уже стиль Российской политики: несмотря ни на что, упорно, молчаливо и терпеливо идти к намеченной цели.

Вот вчера состоялась встреча двух президентов — РФ и Белоруссии. Интеграция экономик двух стран всё-таки происходит в самом широком объёме. Сегодня правительствами должны быть подписаны все необходимые документы в размере 28 «пакетов».

За последние дни вычитал и внёс правку в весь текст набранного дневника 2021 года: глава «В ожидании сумерек». Всё сложнее и сложнее удаётся продвигаться в содержании этой книги. Дай Бог ещё потерпеть, не расслабиться и не опустить руки.

Из музея-квартиры А.М. Горького принесли приглашение на юбилейный вечер, посвящённый их 50-летию. Вернее всего не пойду.

11 сентября

В Псковской области открыт памятник Александру Невскому. Грандиозный комплекс посвящён 800-летию со дня рождения великого князя и победе русских ратников в Ледовом побоище. Сложнокомпозиционное многофигурное сооружение водружено на высокий холм, специально насыпанный на берегу Чудского озера. Высота памятника двадцать метров. Все его детали: мечи, шлемы, доспехи, копья, щиты и так далее — во что облачены и чем вооружены Александр Невский и его дружинники, как и упряжь коней, создавались совместно с историками, дабы достичь максимальной исторической точности и достоверности. В сообщениях с места события подчёркивается: «даже сапоги на русских витязях изображены в соответствии с эпохой».

Под копытами коней, под ногами воинов-победителей поверженные и пострадавшие от русского оружия доспехи врагов. В торжественной церемонии принял участие В.В. Путин.

Продолжается работа над номером журнала. Случайно натолкнулся в архиве на текст воспоминаний покойного протоиерея Сергея Муратова о митрополите Нижегородском и Арзамасском Николае (Кутепове) — «Голос доброго пастыря». Отец Сергей принёс мне его для прочтения, но в подготовленную затем мне книгу эти мемуарные заметки не вошли, и, как понимаю, вообще не были опубликованы.

Я даже смутно припоминаю свой разговор со священником об этом тексте. С литературной (да и исторической) точки он мне показался наиболее живым, интересным. Позже отец Сергей принёс (опять же, чтобы услышать совет) им самим свёрстанную книжицу в единственном экземпляре, которую назвал довольно пространно: «Кому же достанется то, что ты заготовил?». Но у меня хватило времени её только пролистать. Это были поучения и разъяснения начитанного, образованного священ-

ника своей пастве — сугубо клирическая литература. И, наконец, итог всему подвела книга «Предай Господу путь твой», которую привёз мне в подарок отец Сергей, когда этот томик был забран им из типографии.

Таким образом, ни в одном из вариантов книги воспоминаний о митрополите Николае не было. Но вечером, для надёжности, всё-таки решил обратиться к помощи интернета. Нашёл интервью батюшки, данное после выхода книги епархиальной газете, нашёл онлайн-презентацию, которую записал Муратов из своего домашнего кабинета. Часовой видеосюжет батюшка начинает с того, что объясняет: это я посоветовал ему собрать разрозненно опубликованные в периодических изданиях статьи и заметки в одну книгу. Тут же идут мои фотографии, затем обложка и страницы журнала «Вертикаль. XXI век» со стихами о. Сергея.

Но и тут воспоминания о митрополите Николае не упоминаются. Таким образом, все сомнения отпали — «Голос доброго пастыря» надо ставить в номер.

Начинаются заметки с первой встречи с владыкой:

«Я таких кабинетов не видывал, хотя приходилось бывать в разных. Но обстановка погружала во времена, которые принято называть прошлым. Массивный письменный стол с классическим зелёным сукном; резные стулья; застеклённые шкафы со шторками внутри, наполненные книгами; образа в больших, от пола до потолка, киотах с позолоченным «виноградом» — всё дышало веком прошлым».

Я тоже единожды побывал в этом кабинете и могу засвидетельствовать точность и описания его, и впечатления, которое он производит на впервые вошедшего в него человека. Ну да ладно, а то теперь я в свои воспоминания углублюсь. Лучше помянем упокоившегося у стен Староярмарочного собора митрополита воспоминаниями безвременно ушедшего из жизни протоиерея.

12 сентября

В Иркутской области разбился маленький пассажирский самолёт L-410, который следовал из областного центра в Казачинское (Казачинско-Ленский район) и на борту которого находилось 16 человек, включая двух пилотов. В сильном тумане, при повторном заходе на посадку, не долетев четырёх километров до пункта назначения, машина упала в тайге (совершила жёсткую посадку) и разрушилась. Четверо человек из искорёженного борта смогли выбраться самостоятельно, хотя и среди них есть «сильно пострадавшие». Остальные пассажиры остаются зажатые в искорёженном самолёте. К месту катастрофы вылетел вертолёт с командой спасателей.

Позже стало известно: пятеро пострадало, четверо погибло. Среди последних — командир воздушного судна.

Вспомнилось, как два дня назад, 10 сентября в Париже хоронили Жана Поль Бельмондо. В репортажах показывали его последние появления на публике: с костылём в руке, старый, немощный человек.

На панихиду приехали: Пьер Ришар — с двумя костылями; Ален Делон — с костылём, трудно идущий и едва не упавший.

Боже мой, как безжалостно время даже по отношению к людям, познавшим, кажется, самую высокую славу, любимцам многих миллионов, бывших сильными, ловкими, способными исполнить всевозможные сложные трюки, умевшие рассмешить и заставить плакать. И вот — где это всё? Прах, всё суета жизненная и прах. Но иначе человечество существовать не может — в этом его трагизм и загадка.

Только вера приоткрывает иной путь. Но и он не лишён перечисленных выше смущений.

М.В. Ломоносов написал великие слова, относящиеся к великому князю Александру Невскому: «Русов усердному защитнику, презревшему прещение мучителя, тварь боготворить повелевавшего, укротившему варварство на Востоке, низложившему зависть на Западе».

Проходят века, но для выживания русского государства, задачи и смыслы не меняются.

13 — 15 сентября. Кунавино

В этот раз в деревню едем вчетвером и на чужой машине. Организатором всего выступил А.В. Мюрисеп. Он договорился со своим другом детства Владимиром, чтобы тот отвёз в Кунавино меня, Алексея Жирнова и самого Александра Васильевича, дабы снять сюжеты для видео оформления рассказа «Танин камень».

Отправились из города рано, дорога по краям и вдали в тумане. Начавшийся листопад метёт вдоль дороги редкие жёлтые листочки берёз. Горько взирают на проносившиеся мимо машины остовы полуразрушенных, с покосившимися, в провалах, крышами когда-то добротные дома русских деревень. Да и сами деревья скукожились, помельчали. Однако вдоль трассы всегда стоят дома самые крепкие, пятистенные со светлицами или мезонинами. Я их помню именно такими, радующими взгляд. Теперь веет от них чем-то губительным, страшноватым, будто говорящим: всё в мире временно, тленно и слишком быстро проходящее. Ведь сколько трудов было потрачено на строительство этих домов, их обживание, сколько добрых и недобрых слов было произнесено в их стенах, сколько человеческих страстей видели они, скрывая, охраняя от посторонних глаз. Где теперь всё это, в каких даях, почему дома оказались покинутыми их прежними хозяевами? Или так должно быть: закончился по неведомому для людей закону их срок.

Когда подъехали к Кунавино, туман подрастерялся, нет-нет да стало выглядывать солнышко — несмелое, недOVERчивое, готовое тотчас скрыться в сером небесном мареве. Но мы и такому были рады — всё ж повеселее будет в охолодавшем осеннем доме.

В деревне пахло лесной свежестью. Это совершенно особый, бодрящий запах. Не отвлекаясь, сразу принялись за дело, ради которого приехали: Алексей снимал на видеокамеру всё, что попадалось ему на глаза: книги, мебель, божницу в переднем углу, поделки и рисунки девчонок, старые, вышедшие из обихода предметы быта, оставшиеся от прежних хозяев дома, и мною сберегаемые как напоминание о прошлых временах, как, в определённой мере, экзотика.

И только после всего этого, вновь вернувшись вниз, в большую комнату, усадили меня два режиссёра за мой рабочий стол (Жирнов заочно тоже учится этой профессии на курсах — где, я не запомнил, знаю только, что столичное заведение), включив звуковую запись рассказа, читаемого А.В. Мюрисепом, и я стал изображать писательскую работу и муки творчества. А чтобы это не выглядело неправдоподобно, то начало этой дневниковой записи (о домах) тогда и сочинил.

К концу же звуковой трансляции «Таниного камня» сделал такую запись: «Теперь Таня сама пишет статьи на английском и русском языках — и научные, и социально-публицистические. У неё сын. Она переживает те же чувства, которые когда-то переживал я по отношению к ней, и которые подтолкнули меня к написанию рассказа. Всё в мире повторяется. Этим повторением мы и живём».

Тут звуковая запись «Таниного камня» завершилась. Я лишь успел дописать последнее предложение, которое, после выключения видеокамеры, зачитал вслух: «Так закончился этот рассказ, значительно сокращённый смелой и опытной режиссёрской рукой А.В. Мюрисепа».

Сидевший всё время, пока шла запись, на диване, и изредка подававший короткие реплики, подсказывая, что мне делать, Александр Васильевич на последних моих словах наконец-то рассмеялся, сообщив, что остался доволен проделанной работой.

Однако Алексей попросил дописать несколько эпизодов, в том числе у полка с книгами. Я взял в руки «Новый Завет», стал его листать, и остановился вот на каких словах из Евангелия от Иоанна:

«Истинно, истинно говорю вам: что вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир». Надо же, будто специально к только что прозвучавшему рассказу относятся эти слова Апостола.

Настал черёд пить чай. Повёл гостей к роднику. Полёгшая осока совсем скрыла его от глаз. Освободил крышку от порывевших плетей травы, зачерпнул ведро до краёв.

Расположились на веранде, достали привезённые припасы, которых оказалось слишком много. В окно светило солнце, оттого весело разговаривалось. Пока закипал чайник, подарил гостям на память о приезде в Кунавино свою книгу «Возвращение», экземпляры которой специально захватил из города.

Расставались на дороге у дамбы. А.В. Мюрисеп со спутниками отправился в город, а я по деревне пошёл к своему дому.

Первым делом вырезал около веранды невесть откуда взявшиеся, буквально за несколько недель моего отсутствия «выстрелившие», кусты малины. Да так буйно они разрослись, что скрыли под своими разлапистыми зелёными листьями оголившиеся ветки смородины. После топил печь, прогревая комнату. Перетаскал некоторое количество скопившихся обрезанных веток и сжёг их в печке первой комнаты. Заодно её проверил — тяга по-прежнему отменная. С гудением съедал огонь подбрасываемые ему пучки старых веток сирени, терновника, вишни...

Вот тут и загрустилось — у печки, рядом с огнём.

И от чего, казалось бы.

14 сентября

Раньше, выходя по утрам из дома, слышал пение птиц. Теперь шум ветра в деревьях, стрекотание сороки и карканье вороны.

Шум не стихает. Вершины берёз и ольхи вдоль речки, ещё тяжёлые от не опавшей листвы, раскачиваются медленно, с сопротивлением. Вороны и сороки редко подают голоса. В окно, когда ветер становится уж совсем сильным, вижу, как летят сорванные листья берёз из неподалёку разросшегося леса.

Таким пейзажем встретил меня наступивший день, в течение которого жёг обрезанные ветки на дальнем участке, читал в тёплом доме, вновь жёг, уже под вечер, в тишине полной, вроде бы мною прочно позабытой. Всё в природе затихло, и люди словно поддались родственному с ней чувству — ни звука в деревне.

Ближе к вечеру вновь стоял недалеко от костерка, читал книгу. Временами, оставляя её на закончившейся главе, подбрасывал ветки в ослабевающий огонь. С трёх сторон меня окружал лес, в котором не шевелился ни один листочек. За моей спиной жёлтыми кострами горели яблони. В наступающих сумерках их листья приобрели уж и вовсе насыщенный, сказочный цвет. Одиночество приводит душу в неповторимое и необъяснимое состояние. Я пытался об этом размышлять и раньше, но всякий раз переживаемое состояние разное. Отсюда вывод — всякому человеку нужно чаще оставаться самим с собой.

15.09. Читаю, собираю яблоки, жгу костёр...

Ничего не пишется, надо отправляться домой. Жаль, побыть бы ещё, подождать. Но коли появился соблазн собираться в обратный путь, трудно против него устоять. А на улице солнечно, ветер холодный, осенний. Потому вновь с книгой пошёл к яблоням и всё-таки закончил сжигать накопившийся за много лет древесный бутор. Ещё вчера не верилось, что это возможно сделать за два дня. Но глаза боятся, а руки делают. В помощь, как оказалось, и погода. Которая, на этот раз после ливня порядком потерзала потопом юг Франции, а у нас, в отличии от Европы, хорошо.

Вернувшись из деревни в город, первым делом отправил на «Русскую народную линию» текст первой беседы с Юрием Васильевичем Бондаревым.

16 сентября. Горбатовка

Закончились военные учения «Запад 2021» с участием России и Белоруссии. Значительная их часть проходила на нашем полигоне Мулино. Теперь технику возвращают на место постоянной дислокации. Из окна электрички хорошо виден состав, на платформах которого стоят БМП, армейские автомобили, реактивные системы залпового огня «Буратино».

Есть что-то невольное устрашающее от вида тяжёлого металла, выкрашенного в блёклый зелёный цвет, устало испачканного грязью.

В.В. Путин ушёл на самоизоляцию из-за того, что в его окружении (технический и обслуживающий персонал) несколько десятков человек заразилось коронавирусом. Количество бессимптомно или в лёгкой форме заболевших назвал сам президент РФ. Все они ранее оказались вакцинированы.

У Путина спросили о надёжности российского препарата. «Вот и посмотрим», — ответил Владимир Владимирович.

18 сентября

В Союз писателей зашла Елена Труфанова – забрать № 69, где публикации её и А. Стариченкова. Принесла в подарок на память об Андрее его маленький зимний пейзажик с оголённой берёзой, устланной снегом землёй, полоской дальнего хвойного леса, с протяннутыми посередине картинки проводами на столбах... Чем-то заунывным веет от этой небольшой работки, не радостным.

— Андрей сам и оформлял.

Я не знал, что Стариченков ещё и рисовал, хотя нигде этому специально не учился.

Говорили об Андрее с горечью от внезапной потери. Кажется, вот бы там не ждать, тут не терпеть — глядишь, и всё обошлось бы благополучно. Только что теперь сетовать. Невозможно смириться с произошедшим... И изменить ничего невозможно.

Сейчас Елена работает смотрителем в Нижегородском государственном художественном музее. С деньгами нелегко, да и боль от потери необходимо в себе как-то заглушить. А среди смотрителей в основном вдовы, пережившие то, что сейчас происходит с Еленой, потому понимающие её состояние. Хотя и в музее, в коллективе, человеку самостоятельному, образованному, начитанному не так-то легко.

А.М. Коломиец читал вслух воспоминания о своих студенческих годах. Будем их печатать в «Вертикали. XXI век». Много интереснейших деталей о жизни в столице в середине прошлого века.

19 сентября

Современные войны приобретают совершенно новое качество.

Газета The New York Times опубликовала материал о том, как израильская разведка «Моссад», используя компьютеризированное снайперское устройство, оснащённое искусственным интеллектом, убила иранского физика-ядерщика Мохсена Фахризаде.

Как сообщается: «...устройство также оснащено системой видеонаблюдения через спутник и способно делать 600 выстрелов в минуту». Установка, созданная на основе произведённого в Бельгии пулемёта; в разобранном виде ввезли в Иран, собрали, установили в пикапе. Автомобиль снабдили номерами видеонаблюдения и заминировали, чтобы уничтожить сразу после атаки. На подъезде к месту теракта установили сломанный автомобиль без колеса (в нём тоже камеры наблюдения), чтобы перед стрельбой точно знать — в проезжающей машине точно физик, а не его жена и дети.

Операция длилась меньше минуты.

О том, что Фахризاده стал жертвой террористов под Тегераном, стало известно 27 ноября 2020 года. Вместе с ним погибло ещё несколько человек. Операция готовилась с конца 2019 по начало 2020 гг. после серии встреч между руководством ЦРУ и «Моссад».

На этом фоне какими же смешными выглядят обвинения России теми же США и прочими в отравлении каких-то мелких местных и заграничных «оппозиционеров». Да ещё неудачно, безрезультативно выполненных.

Прогулка по Александровскому парку после полной его реконструкции. Самое доброе впечатление. Много трудов положено, много средств затрачено, но зато в городе появилось замечательное место для долгих и спокойных прогулок с созерцанием с высокого берега Волги. Да и набережная значительно похорошела.

20 сентября

Ночью подводились итоги трехдневного голосования выборов депутатов в Государственную Думу. К утру стало известно, что почти с 50% голосов победила «Единая Россия», далее результат КПРФ с около 20%, в пределах пяти-семи процентов получили ещё три партии, которые преодолели пятипроцентный барьер и попали в главный законодательный орган страны. Явка голосующих составила 52%.

И вот на этом фоне в Перми, в местном государственном университете, студент первого курса устроил стрельбу из гладкоствольного ружья двенадцатого калибра — многозарядного, производства Турции. Парню восемнадцать лет, оружие купил легально. Утром спокойно дома простился с матерью, уехавшей на работу. Заранее разместил в сети фото в экипировке, с ружьём, сообщил, что не террорист, но идёт убивать.

Расстреливать людей начал ещё на улице, затем в корпусе университета. Убил, ранил, в том числе тяжело, 28 человек. На выстрелы отреагировал инспектор ДПС, находившийся неподалёку. Стрелок не согласился сдаться, выстрелил в сотрудника полиции, и тот ответным огнём ранил его. Теперь убийца в краевой больнице.

Не первый подобный случай описываю я в своих дневниках, но всякий раз встаёт один и тот же вопрос: что происходит в головах у этих парней. Почему массовые убийства необъяснимы и ничем внешним не мотивированы? Непонятная психологическая загадка нынешнего времени.

21 сентября. Горбатовка

Какое замечательное дело — создание домашней библиотеки, как важно, чтобы она была в каждой семье. Интернет даёт огромные возможности в получении информации. Но общение с книгой — это совсем иное.

Я начал постоянно и целенаправленно покупать книги с 1977 года, отслужив в рядах Советской Армии (в казарме умудрялся много читать, хотя командованием подобное не поощрялось), а значит, уже повзрослевшим человеком, понимающим, зачем ему это нужно.

Покупал книги разборчиво: литературоведение, естествознание, путешествия, биографии, киноведение, политика зарубежных стран, мемуары, публицистика, жизнь животных, музыка — классическая и современная, классическая проза и поэзия — русская и зарубежная.

Мне всё было интересно. Читал ежедневно, с жадностью. Какая-то из книг всегда была при мне — в сумке, в кармане куртки, просто в руке. Я читал, стоя на остановке, дожидаясь автобуса (летом и зимой), в свободном или переполненном автобусе, в замороженном зимнем трамвае и устало стрекочущем зимнем троллейбусе. Меня никто не заставлял этого делать — тут сказывалась интеллектуальная неудовлетворённость. Выработанная тогда привычка осталась со мной по сей день. Отправляясь

на электричке в гости к товарищу, я усаживаюсь у окна и открываю книгу. В ней повествуется о змеях и змееловах, охотившихся за пресмыкающимися в среднеазиатской пустыне (Юрий Ильвинский, «За ядовитыми змеями»). Невелика книжица по объёму. Текст не без недочётов (особенно, когда автор пытается писать «художественно»), но познавательно любопытный, несущий для меня многие открытия в неведомой доселе сфере взаимоотношения человека с природой.

Куплена книга, вернее всего, в «Книжном мире» в начале 80-х годов прошлого века, да до времени так и простояла непрочитанной на самой верхней полке стеллажей. Зато как радостно неожиданное открытие. А таких в последнее время у меня много — особенно в деревенском доме (смотри записи в этой книге), в котором появляюсь лишь летом и ранней осенью.

Купил когда-то книгу. Не получилось сразу прочитать, поставил на стеллаж... и вот спустя годы «дошли руки» (сколько раз её листал, переставляя), раскрыл, начал читать. Может быть, тогда, давно, содержание её так не захватило бы, как сейчас.

Точно так же, как воспоминания советских полярников, дрейфовавших на первой станции Северный полюс (папанинцев — так их тогда называли) или биографию академика П.Л. Капицы.

Всеми своё время и свой час.

22 сентября

В Хабаровском крае пропал с радаров самолёт Ан-26, на борту которого находится шесть человек. Это произошло примерно в 40 километрах от взлётной полосы в районе заповедника Хехцир.

Позже обломки самолёта обнаружены на вершине хребта, вместе с погибшими членами экипажа.

23 сентября

Открытие после двухлетнего ремонта-реставрации киноцентра «Рекорд» — торжественно, с музыкой и небольшим фуршетом, с экскурсией по обновлённому помещению, показом технических возможностей смотрового зала. Всё обошёл, везде посмотрел. Если не считать интересных технических новинок, всё осталось хоть и обновлённым, но прежним, задуманным архитектором Яковлевым Александром Александровичем, включая круговой балкон в ротонде. Здание памятно многим горожанам (построено в 1938 году, на месте старого кинотеатра «Рекорд» 1914 года), в том числе и мне. Побольше бы такой памяти оставлять в Нижнем Новгороде.

В Кстовском районе Нижегородской области вчера, не в первый уже раз, погиб человек, растерзанный собакой — на этот раз домашней, сидевшей во дворе частного дома на цепи. Женщину нашли на земле, с изуродованным лицом, обмотанной цепью. Собака, помесь овчарки с дворняжкой, вырвалась на улицу и напала ещё на двух прохожих. Одна из покусанных женщин в больнице. В итоге пса ликвидировали сотрудники специальной службы.

24 сентября

На Камчатке, в районе горы Острой, на высоте более 900 метров, в труднодоступном месте обнаружены обломки совершившего вчера «жёсткую посадку» вертолёта Ка-27, принадлежащего ФСБ России. В машине находилось три члена экипажа, полёт назвали учебным, все погибли.

Количество умерших от COVID-19 за сутки в России — 828 человек. Новый горький рекорд.

Внуку Саше, он учится в первом классе, на уроке по родному норвежскому языку дали задание — провести презентацию семьи. Он сделал рисунок, на котором, как мог, всех изобразил.

Затем по рисунку объяснил:

— Это папа, он норвежец. Это мама, она русская, как и я, а это брат Николос — он целыми днями играет в компьютере.

Николас — сводный брат Саши, им любимый.

Школа престижная, английская, в ней говорят только на этом языке. В том числе и домашние задания нужно выполнять на английском. Таня говорит, что удивлена — у Саши чистое произношение.

— Ты раньше этого не знала? — спрашивает Ирина.

— Откуда мне знать. С Эмилом он разговаривает на норвежском, со мной на русском. Только в школе я заметила, насколько у него хорош английский язык.

Притом что мальчишке всего шесть лет, он логически точно рассуждает. Папа не может справиться с какой-то игрой в интернете. Сын, ещё не умея писать тексты на экране, пользуясь клавиатурой, разобрался в компьютерных хитросплетениях, включил голосовое управление и справился с игрой.

25 сентября

Пьесу Карло Гольдони «Кюджинские перепалки» поставил в Учебном театре с 4-м курсом, отделение «Актёр драматического театра и кино», заслуженный артист РФ А.А. Ярлык, используя для представления не только сцену, но и половину небольшого зрительного зала. Действо получилось шумным, визгливым, суетливым и по содержанию поверхностным, без полутонов — плоским. Подразумевалось много смеха и веселья, но зрители почти безмолвствовали. Однако, состав неплох, особенно парни. Среди них есть ярко выраженные характерные актёры. Всё это в действии намечено, но по-настоящему, на мой взгляд, не раскрыто. Но эти ребята ещё поработают, возьмут своё.

Хороший разговор после завершения спектакля, за чаем, состоялся с гостями А.А. Чигина, а затем и с ним одним, когда общались доверительно, открыто высказываясь о театре, политике, литературе.

Леонид Александрович прислал свой недавно написанный рассказ, который я всё никак не могу прочитать. Бывает такое, берусь, но не идёт, не затягивает. Теперь твёрдо пообещал, что прочитаю в ближайшее время. Лишь бы там не оказалось повторяемости с предыдущими произведениями автора. Тут у меня есть опасения.

Шёл домой почти по ночному городу. Тепло, тихо, горят фонари и прожектора, подсвечивающие стены Кремля. Улицы полны молодого народа. Очереди у клубов, светятся большие окна переполненных посетителями ресторанов и небольших кафе.

На душе, после нескольких рюмок отличного коньяка, тихо, созерцательно. Один из последних «уютных» дней нынешней осени, когда всё тяжёлое и скверное невольно забывается.